

Ю.М. Осинов

Экономика как есть

(откровения Зоула,
или Судный день экономизма)

Антипособие

Издание 2-е

Москва – Тамбов
2018

ББК 65
О 74

Редакторы: Е.С. Зотова, С.С. Нипа, Т.С. Сухина
Оформление: А.В. Осипова

- О 74 **Осипов Ю.М.**
Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма). Изд. 2-е. — М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2018. — 333 с.

ISBN

Экономика в реальности *другая*, не такая, какой обычно видится и трактуется образованным человеком, отчего представление о ней, как и всякие о ней суждения, должны быть весьма и весьма *иными*.

Для тяготеющих к непредвзятым размышлениям о сути окружающего человека экономического мира, как и самого экономически хозяйствующего человека.

(©) Ю.М. Осипов, 2018

От автора

Первое издание книги увидело свет в сентябре 2017 г., выйдя, как это ныне принято в ученом мире, мизерным тиражом. К февралю 2018 г. на руках у автора оказалось не более пяти ставших вдруг драгоценными экземпляров книги. Так возникла потребность переиздания приглянувшегося читателям труда.

Благожелательные коллеги из дружественного автору Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, став свидетелями внезапного исчезновения тиража прямо в ходе научного семинара, бывшего обращенным как раз к обсуждению сего нестандартного труда, проявили инициативу по второму изданию книги, что в итоге и произошло.

Книга переиздана в прежнем своем содержании с добавлением лишь одного нового текста: «Экономика и цифра: кто кого?».

Важно заметить, что произведение сие вторгается в весьма актуальную и достаточно острую на сегодня проблематику познавательно-объяснительного соотношения между *экономическим гнозисом*, представленным ныне по преимуществу рядом теоретических экономических дисциплин, и *экономическим онтосом*, выраженным, как это всегда и бывает, в текущей вокруг экономической реальности. Данное рефлексивное деяние диктуется не только развивающейся всюду *философией хозяйства*, для которой

вопрос гнозиса и его соответствия онтосу является не просто допустимым, а во многом и решающим, но также растущим и все более утверждающимся в научном мире убеждением в наличии серьезного *концептуального кризиса теоретической экономики*, питаемого практически уже необратимым ее отрывом от реальности, что требует не просто доработки теоретической экономики, а ее прямо-таки переворотного парадигмального обновления.

Книга предлагает свое, в основном — философско-хозяйственное понимание экономического онтоса (реально существующей экономики) и свое, тоже в основе философско-хозяйственное, представление о соответствующем сему экономическому онтосу экономическом гнозисе (обобщающем экономическом знании).

В итоге получается, что реальная экономика — *другая*, не такая, какой ее рисует действующая теоретическая экономика — от стародавней политической экономии до новейшей эконометрики, а потому и знание об экономической реальности должно быть в основе и в главном тоже *другим*, что, разумеется, не исключает продуктивного пользования многими из наработок традиционной экономической науки.

Особое внимание в книге уделено феномену *экономической цифры* — этой, как представлено в книге, самой что ни на есть действительной... *плоти*... экономики, разумеется, плоти идеальной, причем реальной и ирреальной одновременно — как раз *стоимостной*! Экономическая наука явно проглядела сию *стоимостную цифру*, облаченную самой что ни на есть фундаментальной функцией в мире экономики — *плотской*, как, собственно, до сих пор не уяснила себе, что есть на самом деле состоящий из этих стоимостных цифр, совсем и не материальный по плоти своей,

экономический организм, полностью бытующий не где-нибудь, а в *сфере сознания*, включая и *ноосферу*.

Только сейчас, в эпоху расцвета электронно-цифровых технологий, экономическая наука бодро, если не неистово, заговорила о цифре в экономике, выдвинув при этом идею «цифровой экономики», однако не слишком замечая извечного цифрового фундаментализма для любой из исторических экономик. Ничего нового в плане наличия цифры в сфере экономики нет, а если что-то новое в этом присутствии цифры вдруг и явится, то что же конкретно: какая по сути и функции цифра, чья цифра, в каком отношении к стоимости и вообще к экономике, с какой исторической ролью?

Вопросы, вопросы, вопросы!

И отвечая на эти и им подобные вопросы, не пора ли размышляющему сознанию, не уклоняясь насовсем от привычных для науки исследований и поисков физикалистского толка, обратить свой взор и на метафизического характера откровения, могущие стать и вполне спасительными для человеческого гнозиса, включая и экономический, и постэкономический, и любой другой, даже и постчеловеческий, — а-а?

Автор выражает искреннюю признательность коллегам из ТГУ имени Г.Р. Державина в лице ректора В.Ю. Стрומова и проректора В.В. Смагиной, а также всем, кто принял участие в издании и переиздании книги.

*«...Если я огорчаю вас, то
кто обрадует меня, как не тот,
кто огорчен мною?»*

Ап. Пав. 2-е Коринф. 2.2

Не ищите, ибо не обряцете!

Зои

ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ ОТ ЗОИЛА*

Ни многоумная разноцветная политическая экономия, ни блестящий в своей бессодержательной простоте экономикс, ни нарочито заумная математофилия, якобы экономическая, не дали никакого реального целостно-онтологического представления ни об *экономике* как таковой, ни об *экономизме*, обусловленном экономикой, как и не выдвинули так любимых наукой точных-де определений сих неуловимых для науки бытийно-ментальных феноменов, разумея под ними всё, что угодно, кроме чего-то собственно экономического, так и оставшегося для науки не взятой ею *terra incognita*.

Самое лучшее, что смогла выдать экономическая наука, это говорить и говорить вслед за древними греками, что экономика — *oikonomia* — есть-де *домоводство*, а по словарю иностранных слов — *управление хозяйством*, не задумываясь над тем какое-такое «домоводство» или какое-

* Считается, что Зоил (он же и зоил) — злой критик, хотя это не совсем так, если вовсе не так: Зоил — тот, кто зорко зрит и верно судит, но так, что доверяя острому зрению своему, не верит ни одному своему подсудному слову, вполне и тщетному, в общем — мощная, пронзительная и неприкаянная это сила!

такое «управление хозяйством» (а что есть тогда по сути это самое «хозяйство», если оно тут... не «экономика»?!) вели и ведут те же промышленники, банкиры, торговцы, корпорации, государства, международные экономические организации, вообще всякие экономические акторы, весьма далекие, прямо скажем, от каких-либо «домов» и их «водств», как и неких «хозяйств» с их-де «управлениями»?

А вот чем в действительности заняты вольноперечисленные экономические деятели, они же и дельцы, так это деньгами и их потоками, ценами, капиталами, кредитами, инвестициями, денежными расходами и доходами, включая, надо заметить, и домашнюю «жисть», и те же медучреждения, и учреждения культуры, и даже школы, в общем — всякие «домы» и их, этих «домов», «ведения», но, опять же заметим, через посредство все-таки денег, цен, капиталов, кредитов и т. д., то бишь всего вовсе не собственно домоводческого и даже в расхожем понимании никак не «хозяйственного», а именно *того*, что возникает, бытует и действует вполне и вне «дома», и его, этого «дома» сакраментального «ведения», как не вполне ясного «хозяйства» и его «управления».

Онтос экономики там, где есть... э-э... *экономика*, а это все-таки не блага, не орудия, не земля, вообще не предметы, даже и не собственность на все это, не манера (технология) ими пользования и т. д., даже не сами по себе деньги, а если и деньги, то лишь *деньги работающие*, отчего экономика как онтос — не более чем *сфера работающих денег*, причем сфера вовсе не материальная, не вещественная, не предметная, в общем — не физическая, а «пустотная», спиритуальная, эфирная, то бишь — *метафизическая!*

Наука — упрямая противница *метафизики* — как особого гнозиса, а соответственно и *метафизиса* — как наличествующего вокруг онтоса, что не мешает науке свободно и много говорить об отношениях, законах, тех же, пардон, деньгах и ценах, хотя, что же во всем этом проговариваемом собственно *физического*, а-а? Даже в том же по сути своей труде, не говоря о делопроизводстве, творчестве, решениях, согласованиях и согласиях, конкуренции, что?

Итак — *сфера работающих денег*. А что же такое деньги? Деньги есть не что иное, как *общепризнанная идея*, а потому экономика — *сфера общепризнанной работающей идеи*. Где же эта сфера? Нет, конечно, не в гуще материи, вещей и предметов, т. е. не в *физисе* как таковом, а... правильно... коли уж идея, то в... сфере сознания, которой и которому всякая идея и принадлежит, то бишь — в *метафизисе*.

Работающая идея есть не просто идея (мысль), а идея, способная настоятельно *быть*, задерживаясь во времени и в пространстве, причем быть *так* (деньги ведь!), чтобы, находясь в сознании, бытовать в нем в виде вполне суверенной, самостоящей, самодеятельной, даже и авторитарной, идеи, относительно от сознания и в меру отчужденной, т. е. быть *самой-себе-идеей*, а потому и, учитывая факт ее самосохранения и непрерывной работы в окружающей реальности, быть не просто идеей, а и некой... *идеальной субстанцией* (силой).

Деньги — это всего лишь *идеальные (мыслимые) цифры*, однако цифры, за которыми стоит не что иное, как общепризнанная экономическая (товарная) значимость, она же *ценность* (одна цифра — одна ценность, единица ценности,

ее первичный и исходный эталон). Выходит, что деньги оценены (в цифрах), а цифры эти — как раз *денежные цифры*. Деньги оценивают сами себя — это *сами-себе-деньги*!

Однако деньги оценивают не только себя, а и все в сфере экономики цены — как раз в деньгах. Цена денег оценивает все цены, превращая их в денежные цены, отсюда феномен *оцененных денег* и феномен *оденеженных цен*, причем вместе оба феномена и даже в нераздельности, хотя деньги, будучи оцененными — вовсе не цена как таковая, а вот сами по себе цены, будучи оденеженными — не деньги как таковые. Деньги и цены — нечто неотдельное, даже и общее, но при этом и разное, стало быть — особенное. *Общее* тут и *особенное*. Общая суть — ценность, значимость, субстанциальность, и разная явленная выраженность: то как деньги, то как цены, мало того — то как мерило (деньги и их цена), то как мера (оцененная цена — денег, товаров), то как купа ценности (сумма денег), то как оценочная величина (относительная товарная значимость товара в деньгах).

Деньги и цены неразлучны, но друг к другу они не сводятся, будучи поэтому разными атрибутами одного и того же: общей для них мысленной (когнитивной) субстанции, вполне удачно замеченной политической экономией и обозначенной ею как *стоимость*, но в отличие от политической экономии, искавшей для нее какой-то иной «плоти» (вплоть до материальной), стоимость де насыщающей, стоимость, о которой речь — *сама-себе-субстанция* (мыслимая, когнитивная, идеальная, сознаниевая). *Договорная самодостаточная цифра*: вот она какова — субстанциальная «плоть» метафизического феномена, называемого стоимостью.

В сердцевине своей (от очага своего) экономика — *мир стоимости*, а в целостности своей — *стоимостной мир* (опосредованный, обусловленный, охваченный стоимостью мир, если его не захваченный и намертво не схваченный).

Однако экономика при всей своей самости и амбициозности бытует не сама по себе, а пронизывая *жизнеотправление человека*, или же *хозяйство человека*¹, определяя его, им управляя, но при этом с ним и считаясь, к нему адаптируясь, его в себя информационно вбирая, им же и энергично питаясь. Вся функциональная (рабочая) благодать экономики от стоимости, а вся ее ценностная «телесность» как раз от жизнеотправительного контекста, в котором экономика бытует и на котором жадно и вполне себе успешно паразитирует.

Отсюда можно смело говорить об *экономическом хозяйстве*, ведущемся со стоимостью, через стоимость и самой стоимостью, как можно говорить и о хозяйстве самой экономики, ее экзистенции и практической реализации. Вполне можно говорить и об онтологическом атрибуте цивилизованной реальности, ее течения — *экономизме*. Главное тут — сама по себе экономика, восходящая к *метафизису бытия*, имеющая субстанциальный оплот в виде идеальной, не пренебрегающей и самой трансцендентностью, стоимости, не выходящая за пределы сознания, мысли, па-

¹ Хозяйство само по себе — не экономика вовсе, а целостное жизнеотправление человека, хотя экономика — безусловное хозяйство, восходящее к особенному жизнеотправлению — через стоимость, ради нее и под ее властной эгидой.

мяти, а потому и требующая особого — как раз по преимуществу *метафизического* — восприятия, понимания и трактования, что то же самое — адекватного экономическому онтосу гносеологического (ментального) *экономизма*.

Вот она — *экономика как экономика*, равным образом и *экономизм как экономизм* (онтологический и гносеологический вместе — в смысловой органике), пока лишь единицам из метафизиков понятные и близкие, а вот образованным физикалистски ученым и разумным по-обывательски массам совсем и не понятные, и не близкие, но... *такие* уж они на самом деле и другими быть попросту не могут.

А раз так, то вперед к их откровенческому, не очень-то и лицеприятному, вполне и зоиловскому, постижению!

МИФОЛОГИЯ ОТ ЗОИЛА

*Экономика как есть**

Строго научный экономический гнозис так и не поймал в свои изобретательные и цепкие ментальные сети экономической онтологии, оставшись более всего наедине с самим собою, — более всего в виде некоего дискурсно-культурного достояния — и весьма при этом вне собственно экономического онтоса.

Экономика как онтос — одно, научному гнозису в целом не очень-то известное и понятное, им же и не слишком объяснимое, а экономика как гнозис — весьма и весьма другое, хорошо вроде бы самому научному гнозису известное, хоть и не особенно ему же понятное, но весьма зато чуждое онтосу, как бы для него в целом неизвестное, непонятное, а попросту ему и не нужное, исключая разве исходящее из имеющегося гнозиса дискурсно-образовательно-культурное подспорье.

Отсюда два «X» (два «Иксá»), то бишь два «неизвестных», причем сразу всеми своими «телами» в одном и том же экономическом «флаконе», почти что и не смешиваясь между собой — занимающим почти весь флакон «онтосом» и как бы плавающей по «онтосу» узкой гносеологической

* Опубликовано в журнале *Философия хозяйства*. 2017. № 4. С. 11—28.

«пленкой», — такова вполне занимательная модель экономики как одномоментно реального онтологического действия — с одной стороны, и его научного гносеологического отображения — с другой.

Выходит, что экономика как действенная реальность *совсем не такая*, какой ее представляет концептуальная экономическая наука (о прикладных ветвях и технологических плодах экономической науки здесь речи не идет), а поэтому экономика как реальность требует какого-то *иного* о ней целостно-отвлеченного гносеологического представления.

Тут уже в наличии не просто допустимое в познавательно-объяснительной практике онтогносеологическое противоречие — между предметом и его трактовкой, а самый настоящий разрыв между онтосом и гнозисом, совершенно уже и неустранимый, во всяком случае в рамках и на пути строго научного подхода, гносеологически себя явно уже исчерпавшего путем фактически уже полного отказа от смысло-качественного восприятия экономической реальности и чрезмерного увлечения формально-количественной стороной познавательно-объяснительного дела, что возымело результатом почти полное выхолащивание из «экономического гнозиса» собственно экономики с замещением ее на абстрактную «об ней» модельную математику, вполне уже в сущностно-качественном аспекте дисконцептуальную.

Но это еще не все: помимо отвлеченного, уже во многом и музейно-экспонатного, знания об экономике в форме преимущественно академической науки, существует еще и действующее в самой по себе реальности экономическое знание, охотно применяемое действительными экономиче-

скими субъектами, как раз то самое знание, которое, никак всерьез не завися от большого воззренческого знания, не просто реализуется в экономической реальности, но и само по себе есть не что иное как... *экономическая реальность!*

Любопытно, не правда ли?

Знание здесь как сама реальность, а сама реальность — как знание!

Если абстрактное научное знание можно считать гносеологическим (познавательльно-объяснительным), то практически действующее знание уже следует почитать за знание онтологическое (информационно-практическое). Отсюда экономическая реальность — знаниевый поток, он же и информационный поток, но при этом и знаниевое, как и, разумеется, информационное, *поле*.

Потоковое поле, или же полевой поток!

Но и это еще не все, ибо все отмеченные выше феномены (ипостаси) экономической реальности (экономики), а именно: 1) деятельная реальность, 2) действующее онтологическое знание и 3) отвлеченное гносеологическое знание, принадлежат... *сознанию (ноосфере)* и как раз там... в *сознании (ноосфере)* все они практически и реализуются.

Тут уж не просто на головы ученых знатоков сваливается гносео-онтологическая сенсация, а знаете ли, имеет место самый настоящий в мудрых ученых головах онтогносеологический взрыв, вполне по знаку и силе чуть ли не ядерный!

Обратим особое внимание на тот факт, что не только гнозис бытует в сфере сознания (в ноосфере), но и сам экономический онтос, причем не вещно-материальный, а вполне знаниево-информационный.

Каково, а?!

Всё из вышеотмеченного трипостасного экономического бытует не где-нибудь, а прямо в сфере сознания, следственно, ни в физическом пространстве и не в физическом времени, а прямо там — в какой-то пустоте, в неком ничто, в *ином!*

Ничего себе!

Чтобы удостовериться, что это именно так, а не иначе, нужно непременно обратить внимание на... *собственно экономическое в экономике*, как раз на то, что дает экономике возможность и «право» быть и называться именно *экономикой*.

Нет, конечно, это не домоводство и не домостроительство, как это казалось в седой греческой древности; не как таковое производство и потребление благ, как это представлялось в средние натуральные века; не стяжание богатства и его распределение по миру, как это стало казаться в новое время, — нет, совсем нет, ибо все это хоть и имеет отношение к экономике (economy), но не восходит к ее сути, что правда, потребовало исторического времени, чтобы окончательно и бесповоротно завладеть как собственно экономикой, так и самим понятием «экономического».

Достаточно встать мысленно где-то посреди той реальности, что походя называется «экономикой», осмотреться окрест и взглядеться повнимательнее в то, что делают сегодня практикующие экономисты, а не инженеры, технологи, менеджеры, чтобы убедиться в простой истине — экономика с экономистами, как и экономисты с экономикой, всегда там, где... *деньги*, а вместе с ними и цены, затраты в деньгах, инвестиции, доходы в деньгах, как и капиталы,

кредиты, ссудные проценты, страховые взносы и т. д. и т. п., в общем, там, где гуляет вольно или невольно... *стоимость*, она же *стоимостная экономика*, которая уже не туманная *economy*, а вполне определенная *economy*, а ежели по-русски, то не хозяйство (как раз *economy*), а именно экономика (однеженное или «остоимостненное» хозяйство — *economy*).

И что же такое *стоимость*?

Нет, господа, нет, это не только оценка, или цена, то бишь разные стоимостные акты, действия, операции, это еще и сами по себе деньги, а деньги — не только направленная на них оценка или сидящая в них цена, а и самая настоящая *субстанция*, причем вполне и работающая, только не физическая, не вещная, не предметная, а... *метафизическая*, то бишь нематериальная, спиритуальная, эфирная, то бишь не ощущаемая, не упругая, не твердая, а всего лишь... мысленная, воображаемая, когнитивная, то бишь сознанием не только замечаемая, но и им производимая, им же и оперируемая, бытующая прямо в сознании и его никуда, никак и никогда не покидающая.

И ежели стоимость — феномен сознания и только сознания, включая, конечно, и подсознание, и сверхсознание, и интуицию, и психею, и откровение, и трансцендентность, даже и бессознание, то и экономика, причем *вся* экономика — феномен сознания, хотя и сознания, бытующего и работающего либо прямо в среде «несознательного контекста», как раз контекста физического, вещественного, предметного, материального, либо только с его учетом, а также посреди и с учетом всего сознательного, но опять же неэкономического (нестоимостного) контекста, включающего

любые проявления и плоды сознания вплоть до психических акций, людских поведений и тех же интеллектуальных продуктов.

Иного источника, места пребывания и механизма реализации, кроме сознания, его общественной сферы — ноосферы, стоимость и вся экономика не имеют и иметь не могут!

И если реальная экономика есть сознаниевое поле-поток реального онтологического знания-информации, реализующегося сознанием в его же собственной сфере в виде и через посредство слов, смыслов, понятий, представлений, образов, смыслов, решений, даже и снов, галлюцинаций, призраков, миражей, фейков, а главное — оценочных и оцененных, денежных и однеженных *цифр*, то гносеологическое экономическое знание должно отражать и соответственно трактовать именно эту — тотально сознаниевую — реальность, а не какую-то другую, а потому быть не так рационально-материалистическим знанием (экономической физикой), как иррационально-идеалистическим (экономической метафизикой).

Стоимость и вслед за ней вся экономика есть не что иное, как работающая или просто запечатленная в головах людских *мысль человеческая*, а соответственно и безразмерная размыслительная «машина», вбирающая в себя самую разнообразную информацию и ею оперирующая, даже ту и той, которой по внешней видимости и даже в самой реальности попросту нет (из ничто, из пустоты, из иного!), и выдающая в экономическую сферу разную и при этом неоднозначную деловую информацию.

Здесь есть свое *рацио*, но такое *рацио*, которое не просто движется в среде и сквозь *иррацио*, имея с ним вынужденную взаимность, а и прямо в себе самом содержит это самое *иррацио*, которое и делает деловое *рацио* подвижным, вариативным, гибким, даже и лукавым, в общем — *живым*!

Стоимость и вместе с ней вся экономика — безграничное сознаниевое, хомо-социальное и когнитивно-информационное *счётно-решающее устройство*, как раз поточно-полевое, облаковое, «мóревое», вовсе не механическое, не организменное, не сооруженческое, даже и не строго системное: метафизис, который наполняет сознание, а соответственно стоимость и экономику, и в котором сознание, стоимость и экономика целиком бытуют — вовсе не физис, а потому ни стоимость, ни экономика, как и само сознание, не подлежат ни собственно физической онтологической реализации, ни тем более чисто физическому гносеологическому трактованию.

Отсюда принципиальная недостоверность бытующего научно-концептуального экономического гнозиса относительно реально существующего экономического онтоса: в онтосе — метафизис, а в гнозисе — физис, — и тут уже не трактовочное противоречие, а прямое онтогносеологическое несоответствие — полный, так сказать, между онтосом и гнозисом неадекват!

Чтобы убедиться в сей незлобивой, но горьковатой истине, достаточно задаться одним только вопросом и попытаться на него ответить: «Что физического, материального, вещественного, предметного в феномене стоимости и вообще в экономике?». Деньги, цена, капитал, кредит, инвестиции, доходы?.. Ах... отношения... но разве отношения

между людьми, как и между людьми и вещным миром и впрямь материальны? Кто, когда и где их, пардон, видел, щупал, держал в руках? Даже труд, самый что ни на есть «физический», разве он тоже... материален, а ежели так, то кто, когда и где?.. Не движение вовсе рук, ног, глаз, поворачивающейся или склоняющейся во время труда головы, как и не результат труда, а именно сам по себе труд, где он? И ежели труд невидим и неуловим, как и, собственно, рабочая сила, хотя она и представлена вроде бы физически человеком — организмом, то что говорить обо всем чисто экономическом, сидящем в головах и реализующемся невидимо в сфере сознания, то бишь не в ясном физисе вовсе, а в противном точной науке туманном метафизисе?

Стоимость и экономику к материи и физису никак не свести, как, собственно, и рацию с его строгим математическим расчетом, хотя рацию и математический расчет там всюю и работают.

Так называемые «экономические блага» вроде тех же предметов потребления, орудий труда, машин, материалов, энергий, сооружений, драгметаллов, земли, недр, природных ресурсов, дорог, коммуникаций, информации, интеллекта, технологий, нововведений, услуг, знаний, инструкций, разного рода манковых и отталкивающих фикций и т. д. — никакие сами по себе не «экономические блага», а самые обыкновенные потребительно-производственные (жизненные) блага и не более того, лишь становящиеся условно «экономическими» по случаю их погружения в действительную экономическую сферу (сеть) в качестве тех же товаров, получающих в таком разе экономическую оценку в денежных единицах либо оказывающимися непо-

средственно носителями денег, стоимости, любой сравнительной экономической значимости (экономической меры).

Стоимость — это 1) идеальная субстанция; 2) отношение в субъектно-вещном осознанном мире; 3) оценка как счетно-расчетное действие.

Откуда же она — стоимость?

Прямо из глубин сознания — как движение негэнтропийной (созидательной, аттрактивной) мысли через смыслословно-цифровой хаос ко вполне осознанной оденуженной выраженности. Она является в сознании имманентно и трансцендентно сразу, из нечего и из ничто одновременно, осознанно и бессознательно — сложно, путано, открыто и таинственно! Сначала как абстрактная ценностная исходная первовеличина (денежная единица), а затем как любая конкретная производная оценка (цена) на основе изначальной первоцены, через ее посредство и прямо из нее, а также как суммарный ценностный поток (инвестиции, кредит или то же лежащее в туне сокровище, как и просто кошелеково-карманная сумма денег).

В традиционной экономической науке принято считать, вполне и не безосновательно, что стоимость рождается как оценка в товарообмене, с развитием которого получает особое, отличное от мира товаров, денежное выражение и посредством уже своей денежной формы выполняет посредническую в движении всеобщего товарообмена оценочную функцию. Однако стоимость, родившись в товарообмене в функции ценностной оценки — как цены и в цене, затем, обретя денежную форму, начинает рождаться уже и... *от самой себя*, прямо в оцененных заранее деньгах, что позволяет стоимости стать не только вполне субстанциаль-

ной, но и шаг за шагом овладеть всем общественно-экономическим процессом, установив над всеобщим товарообменом, а вместе с тем и над производством благ и их потреблением, проходящими фазу товарообмена, свою, вполне и авторитарную, власть — денежно-капитало-финансовую, включая и банковско-ссудо-инвестиционную.

И получается тогда, что не товарообмен порождает стоимость через оценку — как цену, а стоимость как субстанция, или же как движущаяся масса денег, порождает товарообмен и связанное с ним производство-потребление благ. Ежели на руках или на счету в банке у субъекта нет денег, которые можно было бы авансировать на что-нибудь экономическое, на то же производственное предприятие, ничего ни экономического, ни производственного попросту у благодетельного субъекта не получится.

Не стоимость тут от экономики и производства, а экономика и производство от стоимости!

Именно стоимость начинает экономический процесс, она же его ведет и завершает — возвратом авансированных денег с прибылью, хотя случается иной раз, что и без прибыли и даже без возврата.

Главное тут — начало и конец: ничего экономического без готовой к действию стоимости не сварганить, как ничего экономического не сотворить без возврата авансированной стоимости в увеличенном масштабе.

Сначала бессодержательная, но сходу все-таки оцененная авансом априорная псевдостоймостная фикция (деньги, капитал, кредит, инвестиции), а затем уже оснащенная в ходе экономического оборота содержательной ценностью стоимостная реальность, как раз возвратная и

возрастающая (самые что ни на есть уже реальные и растущие деньги).

Пока деньги как цифры уютно сживали на золоте и иных драгметаллах, то бишь пока золото и драгметаллы напрямую служили деньгам, их вполне материально (вещно, предметно, «весово́») подкрепляя, чуть ли не выходя при этом чудесными природными-де деньгами, способными к стоимостной (оценочной) устойчивости (представляясь в сознании людей квазипостоянными величинами — по своим весовым мерам), пока и экономика представлялась она-ученным «гностикам» чем-то материальным, квазифизическим, вполне и рациональным, а сознание действующих экономистов (продавцов, покупателей, капиталистов, инвесторов, кредиторов, заемщиков и т. д.) виделось настолько подчиненным «экономической физике», что даже сама стоимость всюду трактовалась чисто физически («трудо́», полезностно, вещно, «металлово»), — и это несмотря на то, что в той же цене, всегда представляющей собой осознанно-субъективную оценку, никогда не было ни грана никакого другого «материала», кроме идеи, мысли, памяти, выраженных в экономическом итоге в общепринятой абстрактно-стоимостной цифири, пусть и в весовой «металлотрактровке».

Деньги и цена, которые всегда в неразлучном единении как *оцененные деньги* и как *оденеженные цены* (что-то вроде «экономического кварка») — всего лишь нагруженная особой экономической функцией, признаваемой всем экономическим социумом, всеми его экономическими субъектами, абстрактная цифирь, бытующая в сознании, им продуцируемая и им же значимо определяемая, и при этом спо-

собная фиксировать те или иные экономические меры, так или иначе устраивающие весь экономический мир.

С отрывом денег и цен от драгметаллов — от того же «золотого стандарта», что свершилось в течение XX в., явно, окончательно и бесповоротно обнаружилась спирито-идеально-метафизическая природа денег и цен, а вместе с этим и всей экономики, которая вдруг предстала перед весьма ошарашенным ученым наблюдателем вовсе не ладным механизмом, не полноценным организмом и даже не стройной системой, лишь нарушаемыми прорывами стихии, случайными отклонениями, нежелательными, но неизбежными ошибками, а не более и не менее как мыслеинформационным потоковым полем, да еще и с царящим в нем вовсе не строгим — как тот же космический образец — порядком, а исходящим из базисного (родительского) хаоса и не доходящим до «суперского» (сыновьего) космоса особого рода подвижным, дискретным, изменяющимся полупорядком — *хаосмосом*, который, собственно, и присущ стоимости с ее фундаментальной свободой и неопределенностью, лишь корректируемых ею же самою и для нее вынужденными несвободой и неопределенностью.

Как работает стоимость, а вместе с нею и вся экономика?

Примерно так, как работает сознание, мозг, ноосфера, даже и само мироздание в своей хаосно-исходной, становящейся, упорядочивающейся части. Как мысль человеческая рождается в сознании (включающем и бессознание) из ничего, через смысло-словесно-идейный хаос, всегда непременно становясь — как в первый раз, какое-то время бытуя в сознании, а потом непременно в нем же и куда-то (в хаос

и небытие) исчезая, так и стоимость, и все за ней и с ней экономическое, возникает из ничего, через аналогичный хаос с добавленной к нему цифирью, всегда заново становясь, какое-то время бытуя в реальности и куда-то из нее непременно исчезая. При этом стоимость, как и все вообще экономическое, появляется сразу как мир стоимостных цифр и как особого рода идеальная субстанция — как «упругий дух», все эти экономические цифры в себе и для себя удерживающая, мало того, между собой их и расставляющая (доставляющая им между ними воспроизводственные соответствия — в игре и через игру несоответствий).

Если действия индивидуальных экономических сознаний, включая и институционально оформленные коллективные сознания, более или менее понятны (субъектные оценки, примеривания, прикидки, сравнения, пробы, ошибки, поправки, корректировки и т. д.), то мало понятна или совсем не понятна реализация общественного сознания, состоящего из индивидуальных сознаний и между ними взаимодействий, но при этом и включающего в себя как бы неосознанные процессы, влияющие на движение стоимости, оценок, всей экономики. Если субъекты явно мыслят и между собой через мысль взаимодействуют, то что происходит в экономике в целом, которая вроде бы вовсе и не мыслит, во всяком случае — субъектно?

Тут уместно и полезно обратиться к образу «Соляриса» — «мыслящего океана», или же аналогично «мыслящего» облака, или просто насыщенного живым духом и тоже «мыслящего» пространства. Тут прямо-таки что-то вроде *мыслящего ничто* в *мыслящей ноосфере*! Выходит, что наполненная субъектными сознаниями мировая сфера тоже

способна... э-э... *мыслить*, пусть и по-особому, впрочем... не так уж и по-особому, ибо тоже ведь... из ничего, через хаос, непременно становясь, всегда при этом на время, как и с непременным исчезновением всего ноосферой помысленного.

Так что экономика в целом, как и стоимость в целом... тоже *мыслит*, хоть и по-своему, уже в ходе каких-то только ей ведомых ноосферных веяний, вполне по-своему и вещей, включая и совершенно неожиданные, которых вроде бы просто не может быть вообще, однако которые не просто случаются, а прямо-таки в реальность врываются, вполне и внезапно.

Тут надо признать не что иное, как *трансценденцию*, да не просто как являющуюся вдруг неизвестность, а как непрерывно работающую, а потому в некотором роде весьма уже и известную — как *работающую трансценденцию*. Наука не любит трансцендентности, восходящую к онтологическому метафизису и гносеологической метафизике, но что поделать, ежели она — трансценденция — *есть*, мало того, она еще и *работает*, выбрасывая на-гора и всякие неожиданности, необъяснимости и непонятности, причем как раз все то, что и определяет в немалой, а то и в решающей степени состояние и движение экономики, стоимости, всех собственно экономических или же просто связанных с экономикой неэкономических параметров.

Экономика как экономика — малая вроде бы часть жизнеотправления человека, обусловленная работой вездесущей стоимости, но такая часть, которая, пронизывая и объемля все или почти все жизнеотправление, не просто посредничает внутри и в ходе этого жизнеотправления, а во-

всю его и ведет, выполняя функцию этакое внутри него сидящего, но при этом и весьма самостоятельного, всю и неприродного (искусственного), *управителя*, чуть ли для сего жизнеотправления и не внешнего.

Экономика — одно, жизнеотправление — другое, но выходит так, что все или почти все жизнеотправление оказывается... нет, конечно, не экономическим, но зато очень и очень *экономизированным* — вплоть до почти что тотальной зависимости жизнеотправления от экономики и ее «огнедышащего» стоимостного ядра.

Хорошо сказать — *хаос*, еще лучше — *творящий хаос*, а еще лучше — *хаосмос*, как выходящий из хаоса, при нем и через него реализующийся, в него и уходящий. Хаосмос — непрерывно становящийся, хоть временами и местами весьма задерживающийся в реальности как некий почти-порядок, квази-порядок, или же полу-порядок, не достигающий, так сказать, статуса действительного порядка, того же космического, но все-таки достигающий статуса (клейма) *экономического порядка*.

Хаосмос — не недостаток, не ущербность, не порок экономики, наоборот, это ее несомненное позитивное достояние, как и вполне знаменательное достоинство. Экономика — непрерывный, иногда и замедляющийся до оцепенения, *синергетический процесс* (от хаоса и через него к порядку, однако, хаосообусловленному квазипорядку, то бишь к хаосмосу, а не к космосу). Аттрактором тут служит... *сознание*, как раз та из возможных в среде людского жизнеотправления сил, наделенных негэнтропийной способностью, рождающей, устанавливающей и поддерживающей тот или иной порядок, а в нашем случае — *хаосмос*.

Каждое индивидуальное сознание в экономике — *игрок*, действующий *произвольно*, хотя и не без ограничений субъектно-объективного характера. Мириады экономических игроков, причем самых разных по силе, ловкости и удачливости. Субъективный произвол на субъектный произвол создает некоторое общему произволу порядковое соответствие. Любое сознательное здесь сталкивается с любым другим сознательным, а в итоге выходит что-то для целого вполне приемлемое — вовсе и не какое угодно! Произвол индивидуальный непременно дополняется и произволом общественным (общим, глобальным, целостным), однако тоже способным к воспроизводственному самоограничению. Произвол приспособляется к произволу, рождая в итоге пусть и переменчивый, но все-таки межпроизволовый компромисс. В итоге образуется некий общий хаосмос с динамичными, но так или иначе приемлемыми для всего экономического целого экономическими параметрами и их взаимной динамикой, за которыми и через посредство которых следуют и реальные производительно-потребительные процессы.

Экономика — один из самозванных «мозговых узлов» жизнеотправления, а в ядре сего могучего «мозгового узла» не что иное, как... все та же... стоимость — эта весьма анархическая, амбициозная и своевольная субстанция из отряда мысле-идео-спиритуальных. Обратим внимание: анархия тут и в самом деле «мать порядка», правда, при наличии действенного «отца порядка» — вольнодумного и самодовольного сознания.

Почему же экономика не разваливается, а бытует себе и бытует? А все потому, что экономика, как и сама стои-

мость, тяготеют к... *согласию* — как к внутреннему (внутри себя), так и к внешнему (с контекстом), хотя к согласию непременно подвижному, нестабильному, непостоянному, как бы и случайному. *Произвол произволом, а согласие — согласием!* Без согласия (согласованности, равенств, эквивалентностей, соответствий, кое-каких постоянств, равновесий и т. д.) никакой экономики со стоимостью, как и никакого экономизированного жизнеотправления, попросту не получится. Иное дело, что тут согласие... э-э... стихийное, анархическое, произвольное, по большей части компромиссное, но все-таки... *согласие!*

В подоснове (или протооснове, или первооснове) экономики и стоимости, повторяем, ничего физического, материального, вещественного, предметного, упругого, твердого, ровным счетом и ничего механического, организменного, сооруженческого, мирозданческого, как и априорно и строго системного, упорядоченного, космического. Стоимость и экономика возникают прямым из *ничего*, прут через *хаос*, доходят до *хаосмоса*, чтобы непременно возвратиться назад — в свою хитроумно творящую преисподнюю и оттуда же — из преисподней — вновь подняться к свету, врываясь в реальное экономическое бытие.

Экономика со своей стоимостью не менее загадочна, непонятна и неизвестна, что и бытие вообще, жизнь вообще, сознание вообще, чем тот же животный организм, чем мозг, чем мысль, смысл, слово, цифра, чем сам Господь Бог; однако экономика со стоимостью в чем-то существенном и содержательном известны и понятны человеку, но ровно настолько, чтобы, будучи в целом объективно *самоуправляющимися* нечто, немало субъективно и целеположенно

управляться, в особенности местами, в частях, на тот или иной срок, и управляться самим человеком, однако по преимуществу уже *человеком экономическим*, пронизанным и объятым стоимостью, однеженным, непрерывно ведущим стоимостной счет-расчет, участвующим в движении стоимостной субстанции, реализующим стоимостные акции, принимающим экономические, как и потребные ему неэкономические, решения, предпринимающим любые необходимые ему управленческие действия.

Весь управленческий процесс в экономике так или иначе складывается: 1) из массы индивидуальных (частных) управлений — микроуправлений и мезоуправлений, их взаимодействий; 2) из общего поточно-полевого самоуправления — макроуправления и мегауправления с непременно возникающим и действующим при этом феноменом *метауправления*; 3) из сознательных целеположенных микро- мезо-, макро- и мегауправлений; 4) из (sic!)... *неуправления*.

Тут, как нетрудно заметить, как раз более всего хаоса с хаосмосом, чем строгого порядка с ясным космосом, причем мало что подвижных и изменчивых, но ведь и намеренно и стихийно скрытых, тайных, криптогенных; вот уж где «полевая каша», так «каша», — попробуй-ка — разберись!

И, однако, «разбор» сей имеет место, но не в головах заядлых теоретиков и всезнающих экспертов, а в самой по себе *экономике*, которая, принимая в себя всякое управление, управляется в итоге *сама*, да так, что заменить сие имманентное интегративное самоуправление, сопровождаемое криптоуправлением и дополняемое заметной дозой неуправляемости, никаким внешним, невероятно умным, и вполне-де целостным управлением никак нельзя!

Экономика, будучи *causa sui* (сама себе причиной), является и *regie sui* (сама себе управлением), — и ежели экономика все-таки целостно и извне управляется, в том числе и неэкономически (политически, социально, институционально, технологически, экологически и т. д.), то лишь с условием наличия и действия этого самого *regie sui*, то бишь имманентного для экономики самоуправления.

Вот почему и невозможна тотальная «плановая экономика» с ее стремлением управлять всем и вся, не взирая на онтологические потребности самой по себе экономики, ее собственного «образа правления», причем управлять всем и вся не только ограничивая и приостанавливая экономику, но и оставляя от нее лишь ее бессодержательную, лишённую энергии и потенции, вполне и худосочную, форму. Показательный результат сего тотального «планизма» хорошо известен по весьма противоречивому и недолговечному опыту СССР, закончившемуся скандальным его фактическим самоотрицанием.

Невозможность жизнеспособной «плановой экономики» (то бишь гибкой, разнообразной, реактивной, инновационной, ловкой, не говоря об учете ею всестороннего творчества, качественных социально-экономических скачков, техногенных революций, поощрений ею производительности труда, эффективности, как и конкурентоспособности, экономичности, выгоды и т. д.) вызывает у экономистов-теоретиков стойкий миф о существовании и необыкновенных позитивных возможностях так называемой «рыночной экономики», кстати, вполне метафизической и трансцендентной, ибо «рынок», который управляет-де экономикой, да еще и в придачу всем производством-

потреблением, не что иное, как... *тайна за семью печатями*, причем до сих пор концептуально так и не раскрытая.

Что есть «рынок», который управляет-де всем и вся: именно «рынок» — кто ж это из ученых знатоков знает? Некий стихийный процесс в экономической сфере, но тогда это не «рынок» вовсе, а *сама по себе экономика* вкупе с обусловленным ею производством-потреблением, как и с жизнеотправлением вообще. «Рыночной экономики» нет и быть не может, хотя в экономике есть, конечно, всякие конкретные рынки, как, собственно, есть и всякие конкретные планы. Наличие рынков вовсе не говорит за наличие «рыночной экономики», как и наличие планов не говорит за «экономику плановую». *С рынками, да вот не «рыночная», с планами, но совсем и не «плановая»!* Экономика есть не что иное, как просто и только экономика, вот и все!

Мириады экономических агентов, миллионы экономических субъектов — предпринимателей и менеджеров, легионы всяких управителей, «малая, но могучая кучка» сверхуправителей, ряд гигантских национальных и межнациональных субъектов-управителей — это с субъектной стороны, а с факторной стороны — неисчислимы множества денег, товаров и цен, составляющих целые факториальные экономические миры: денежный, товарный, ценовой, но при этом еще и необозримый планетарного масштаба стоимостной мир, вполне и субстанциальный, и обширный институциональный мир, включая правовой и «правилочный» миры, и безграничный контекстный мегамир — мир из миров: от паразэкономического мира до совершенно неэкономического, тоже ведь активно влияющего на экономику, ее движение и самоуправление, ею управление, ее изме-

няющиеся состояния, — вот что такое и откуда идет современная экономика!

О-о, экономика, господа — это вам не «хухры-мухры», а, знаете ли, целая, как минимум, галактика, если не целое мироздание!

Исходя из вышесказанного, что же это такое — нынешняя-то экономика? Мир, конечно, мир из миров, этакий бескрайний мегамир. Факт! Но что это все-таки за мир? Да, мир, сравнимый с человеческим, зёмным, планетарным, но и с мировым океаном тоже, и с мировой атмосферой, даже и с мировым, знаете ли, духом.

А вот и подходящий, вполне и сказочный, образ — «море-окиян», — не так ли? Огромный, безразмерный, единый. Разнообразный, могучий, пластичный, волновитый, вихреватый, приливо-отливный, время от времени и весьма бурный, всегда таинственный, темный, известно-неизвестный, «криптовитый», понятно-непонятный, мерцающий, любезно-ужасный, несущий на себе и в себе все живое и все неживое, что-то и кого-то непременно поглощающий — то на срок, то навсегда, что-то и кого-то вдруг выбрасывающий, — что-то и кого-то надолго, а что-то и кого-то на какое-то мгновение. Вполне при этом и трансцендентный. «Состоящий» *из* или разлитый *на* — океаны, моря, заливы, проливы, однако в реальности все-таки не водяной он, этот мир, а... воздушный, точнее — духовый, пустотный, пожалуй что, и никакой хоть и сознаниевый, разумный, знаниевый, когнитивно-мозговой, ноосферный. А образ-то безобъемной воды здесь особенно хорош — «море-окиян», то бишь не море и не окиян, а так — галактика, а то и само, повторяем, мироздание!

Экономика настолько велика, безгранична, сложна, подвижна, вариативна, а главное — своевольна, что она по сути и содержанию своему есть не что иное как... *криптоэкономика*, полная темени, скрытности, тайны. «Темная материя» или та же «черная дыра» — не только тут метафорические образы, а самая что ни на есть реальность. В криптоэкономике хватает и «резерваций», и «крепостей», и «зон» («оборонка», «криминалка», «теневка», да и те же скромные домохозяйства).

В начале, основе и сердцевине здесь все-таки *неизвестность*, а уже потом кое-какая *известность*, в которую свято верят ученые всех мастей, калибров и учений, не учитывая или просто закрывая глаза на царящую в экономике неизвестность, а потому и неопределенность, невысказанность, немоту, все то, что и задает профессионалам и знатокам невысказанные загадки: *что, где, когда*, а главное — *кто?*

Не неизвестность тут плавают таким масляным пятном не обширной-де известности, а наоборот — известность погружена в темный массив неизвестности, — вот и вся тут недолга!

Положение усугубляется вольготно чувствующей себя в экономике общей «*аномаликой*», если уже не откровенной «*патологией*», не говоря о заметной даже невооруженным взглядом *алогичности*, свойственной вообще экономическому миру: ожидается приверженцами логики одно, а случается — совсем другое, причем, самое невозможное, невероятное и совершенно внезапное. Те же кризисы, к примеру, а сейчас уже и перманентный кризис, о котором как о кризисе и говорить уже нет никакого смысла, ибо перма-

нентность кризиса снимает сам по себе феномен временного кризиса, вводя в обиход уже другой феномен — *патоэкономику*.

Сознание творит экономику — прямо из хаоса, держит аттракторно и негэнтропийно хаосмос, имеющий тенденцию к энтропии и ею непременно пользующийся — обратно в хаос. Почему? Во-первых, в силу собственного контртяготения вниз, ко дну, в хаос; во-вторых, по причине непрерывного достижения конечного предела аттракторно-негэнтропийного импульса со стороны действующего экономического (и производственно-потребительного) сознания и их неизбежного общего отката; в-третьих, хаосмос не стоек, он не выдерживает состояния, близкого к отрицающему хаосмос воспроизводящемуся порядку, да и самой экономике нечего делать в точке воспроизводственного насыщения (тут как раз остается только одно: обратно в хаос, но ради нового возвышающего экономику импульса).

Здесь явный *циклонизм* — *от кризиса к кризису!* Игра энтропии с негэнтропией, бессознания с сознанием, хаоса с космосом, беспорядка с порядком, произвола с порядочностью, конкуренции с согласием. Когда-то, при драгденгах и общераспространенном ручном труде, сия игра была не слишком онтологически выраженной и гносеологически заметной (да и науки экономической тогда еще не было); положение стало меняться, во-первых, с внедрением механизированного, высокопроизводительного и уникального труда, во-вторых, с появлением и распространением бумажных и кредитных денег, имевших возможность отрываться от стабильно-нестабильной производственно-потребительской реальности и квазипостоянной денежной

драгмеры, гулять на свободе, наслаждаясь собственной произвольностью, — тогда-то и пошли кризисы, волны, циклы; в настоящее время, когда имеет место сверхвысокая, сверхмобильная и сверхразнообразная технологическая производительность, а деньги, оторвавшись от «золотого стандарта», стали совершенно уже *causa sui*, вполне уже призрачными и своевольными, мировая глобализированная экономика вступила в фазу патогенного существования, лишь временно облегчаемого то новой технологической волной, стимулировавшей обновление производства и потребления, рост общего спроса, то распадом СССР с открытием новых для глобальной экономики, товарных, трудовых, капитальных и сырьевых рынков, то локальными горячими войнами, то созданием разного рода фиктивных спросов под фиктивные деньги и фиктивные капиталы, но... так и не прекращающегося патогенного существования, ибо тут уже не обычная экономика, пусть и на неоиндустриальной, если не постиндустриальной, подкладке, а так называемая *неоэкономика* — уже не по форме новая, а по самой своей сути, ибо она в основе и по цели своей уже не так производственно-потребительная, как... фиктивно-финансовая — **финансомика**, полностью подчиненная произвольной и своевольной стоимости, вполне глобализированной и уолл-стритоцентрической, мало того — владетельной, властной, кредитно-долговой, воистину уже «финикийской».

Царство всемогущего доллара, весьма уже отвязанного от реального производства-потребления и от умеривающего доллар золота, вполне уже поведенчески «отвязного», бесстрашного и даже *обезумевшего* (!). Обратим на это внимание — на *обезумливание доллара*, а вслед за ним и

всей мировой финансовой сферы (о системе мы тут благонамеренно умолчим), всей глобальной стоимости, всей мировой экономики. Одно дело — патогенность, совсем другое — *безумность*, причем вполне уже и *субстанциальная* — настырная и неодолимая!

Любая норма в обезумевшей экономике теперь уже не то что не в почете, а попросту для такой экономики опасна — пожалуй что, и смерти подобна! Отсюда перманентная лихорадка, «волнушка», тряска, отсюда чуть ли уже не все более разыгрывающийся флаттер. Не агония ли это? А почему нет? Может, и не конец экономики вообще, то уж ее финансово-«либерально»-глобалического образа — вполне столь уже безобразного, разящего и суицидного!

Экономику пора утихомиривать, умеривать, обуздывать, связывать. А вот как? Только через реальное, вполне и сознательное, пусть во многом и «игровое», *управление*, способное преодолеть неуправляемость патоекономики, оздоровить остающуюся экономику, нормализовать, да вот в глобальном масштабе и в глобалическом ключе ничего такого уже никак не сотворить. Остается *партикуляризация мировой экономики* — разделение на крупные национальные или же межнационально-региональные части-партикулы, вполне и центрообусловленные.

И мир явно уже вступает на эту дифференционную дорогу, обретая новое для себя строение — не так межнациональное и плюроцентровское, как было до глобализма и международного интегратизма, как межрегиональное и олигоцентровое, когда и экономика есть, и большие масштабы есть, и согласование с конкуренцией есть, и свобода с принуждением, но и эффективное управление экономикой из центра тоже есть, что как раз и может не допустить разгула

неуправления (тоже ведь феномен — экономическая неуправляемость!), системного разброда, а главное — *субстанционального безумства* (тоже еще феномен — экономическое безумие!)

И Россия тоже не без некоторых своих «сопереживателей», на отмеченном перестроечном пути, в особенности, если учесть не только суверенное рвение поднимающейся России, но и фактически уже откровенно ведущуюся с ней, хотя и вроде бы необъявленную, «гибридную войну».

Нравится это кому-либо или нет, но движение России, как, собственно, и всей планеты, к новому мироустройству налицо, и его — это движение — никому и ничему, кроме разве какого-нибудь Армагеддона, уже не остановить!

Для России вполне подойдет управляющий всей экономикой *государственно-корпоративный комплекс*, национальный по духу и межнациональный по функции, взаимодействующий с союзными по международным интеграционным образованиям национальными субъектами.

Так или иначе, но перед Россией стоит задача *национализации самой себя, своей политики и своей экономики*, что вовсе не означает для экономики огосударствления всего и вся, но что предполагает овладение со стороны национального управленческого центра самим процессом управления экономикой, исключая, конечно, самоуправление экономических субъектов и всей социально-экономической целостности.

Если субъект (любой!) не управляет собой и в своих интересах, то им управляет либо другой субъект, либо на некоторое время внешние, как бы и неодолимые, обстоятельства, разумеется, с полным пренебрежением к интересам управляемого субъекта.

Итак: *национализация экономического управления!*

Тут речь идет о перехвате инициативы у глобального мирового центра. Суперсложная задача, но все-таки выполнимая, в особенности в контексте актуальных мирообусловленных тенденций. В экономическом плане возможно даже решиться на некоторую национально-межнациональную *автаркию*, разумеется, в каком-то новом по качеству исполнении, к примеру — в виде «*гибридной автаркии*», когда автаркия есть, но ее вроде бы и нет, как и никакой заметной автаркии будто бы нет, но она все-таки есть. Некоторая закрытость национальной экономики совсем ей не мешает, конечно же, не так пограничная закрытость, как чисто онтологическая — в виде особого рода *криптоэкономики* (в духе той же «оборонки»), — зачем раскрывать перед геостратегическими «партнерами» все свои карты и не преберегать в тиши и на срок кое-какие «убийственные» для них козыри?

В общем, политика, политика и еще раз политика! Сложная геостратегия и большая стратегическая игра. Очень уж тут умное делание! И не надо рассчитывать на всех без исключения насельников земли российской, на стойкие народные массы, тут достаточно и ведущей, мыслящей и волевой группировки, как и свободно идущих за ней активных сограждан. Остальное приложится!

Возможно ли? Почему нет, ежели очень надо, да и не только нам — грешным россиянам, а всему супертранспроекту под кодовым и чарующим названием «ЧЕЛОВЕК»!

*Экономика как творящий хаос**

Что такое *экономика*?

Это все или же любое жизнеотправление, непременно происходящее при посредстве особого рода идеальной субстанции — *стоимости*, бытующей в оцифренном (денежном) виде непосредственно в сфере сознания, гнездящейся в образе знаково-значительных чисел (цен, денежных сумм) в головах людей или же в их — этих голов — внешних вспомогателях (ценниках, счетах, бумагах, компьютерной информации), находящейся в непрерывной эмитентно-оценочно-инвестиционно-возвратной работе (движении), что придает единообразное взаимопредставление всех элементов (агентов, вещей, продуктов), составных частей, потоков и процессов, присущих охваченному стоимостью жизнеотправлению, образующей из него единую воспроизводственную целостность, предоставляя ей возможность стихийно объективного самоуправления и целеположенного субъектно-субъективного управления как ходом жизнеотправления, так и движением самой стоимости, их структурированием и реализацией текущей в них переменности.

Вот такое выходит у нас «гучное» определение-характеристика экономики, весьма и неуклюжее, зато более или менее онтологически адекватное экономической реальности и гносеологически ей достаточно полное, даже по-своему и точное.

* Опубликовано в журнале *Философия хозяйства*. 2017. № 1. С. 17—28.

А теперь взглянем на экономику как на уже совершенно *реальную реальность*, то бишь на все действительно вокруг происходящее, подпадающее под определение «экономика».

Первое, что бросается в глаза, — это, конечно, гигантский, вполне и необъятный, не охватываемый взором и не прочитываемый умом, *мир* — вся, так сказать, мировая «жисть», только лишь опосредованная, как мы уже заметили, стоимостью, представленной в явленности в виде денег, капиталов, кредитов, инвестиций, вообще всяческих финансов (которые суть не что иное, как «работающие деньги»).

Второе, что приходит во встревоженный жутким обозрением ум — неисчислимая, как песчинки в куче песка и капли в большом водоеме, совокупность элементов, как и любых вообще компонентов экономического мира, причем мира живого, подвижного, изменчивого.

Третье, что так или иначе становится фактом нашего непредвзятого наблюдения — великая самопроизвольность сего необъятного мира: то одно в нем явится, то другое; то что-то явится и тут же пропадает; то вдруг что-то явится и никуда не девается; то что-то держится, держится, а потом вдруг куда-то исчезает; то у мира сего одно состояние, то другое; то он сказочно процветает, то болезненно корчится в судорогах, и т. д.

Мир вроде бы, но вот уж никак не мироздание, ибо никакого здания у сего мира как раз и не просматривается. Есть жизнь, есть всеобщее движение, есть своевольная переменчивость, а вот здания никакого нет, ибо нет необходимых для этого устойчивости, постоянства, стройности, — и выходит, что ежели перед нами и мир, то мир особый, ма-

ло что человеческий, сознаниевый, ноосферный, социальный, какой там еще, но как бы и не мир вовсе, а что-то весьма другое, из мирового ряда круто выходящее, скорее здесь... некое... *поле*, реализующееся как-то очень по-своему, заметно не так, как свойственно любому собственно миру.

Мир — это экономика, но он настолько своеобразный, что сему феномену более подходит именно полевое обозначение, однако и этого мало, ибо сие поле наполнено разумом, сознанием, ноосферой, социальностью, что означает, что это не физическое все-таки поле, вроде того же энергетического, а вполне *метафизическое*, не имеющее само в себе ни материи, ни времени с пространством, ни постоянных величин, ни стабильных соотношений, ни стройных структур, вообще ничего из всего, что мы привычно называем миром, мирозданием, а то и Вселенной.

Любая экономическая цифра — совершенно идеальная (мозговая) цифра, любое экономическое число — совершенно умозрительное число, — и не важно, соответствуют ли эти цифры и числа чему-нибудь реальному в научно-обыденном понимании или нет, они всё равно остаются не более чем идеально-умозрительной, вполне и фиктивной, фактурой экономики.

Зато все они, эти цифры и числа, прекрасно работают, но... в сознании, в ноосфере, в метафизисе, становящихся в связи с этим и для этого *экономическими*, то бишь обусловленными, опосредованными и организованными *стоимостью* — этой удивительной индивидуально-общественной субстанцией, имеющей лишь один для себя бытийно-экзистенциальный материал — *мысль!*

Экономику как таковую можно сравнить и с мозгом, но с той оговоркой, что мозг рассматривается тут не как вещественное нечто, а как мысленное (полное мысли) *ничто* (сказать, что мысль где-то в мозгу — ничего не сказать, ибо мысль, хотя и обязана мозгу своим явлением в сознании человека, но бытует-то она в мозгу или вне его *сама по себе* — не как частица мозга, а как всего лишь... мысль, то бишь... ничто!).

Экономика — движение мысли, но непременно оцифренной, выраженной в цифрах и оперирующей цифрами, разумеется, с учетом всех необходимых для рождения и движения экономической мысли обстоятельств. Оцифренность мысли (ее однеженность) позволяет уподобить экономику некой безграничной, открытой внешнему миру, но замкнутой на саму себя суперсложной ЭВМ, точнее, сонму обслуживающих ЭВМ плат, но такое сравнение возможно лишь, если за этой ЭВМ скрывается не более чем образ, весьма и приблизительный для социо-витальной реальности, с которой как раз всюю и сопрягается наша идеальная по сути экономика.

Деньги — оцифренная мысль, цена — тоже, капитал, инвестиции, кредиты, доходы и т. д. — тоже. За цифрами скрывается сравнительная социальная значимость денег, цен и любых других экономических параметров экономики. Экономическая мысль — ценностная мысль, оцененная сама и сама же несущая в разные стороны реальности оценку.

О каких же цифрах идет речь? Конечно, о тех, которые осознанно, вполне и субъективно признаются обществом за объективированную ценность, однако всегда сиюмоментно, на некоторое время и вполне местнически. Все экономиче-

ские оценки относительно, причем относительно, как это ни парадоксально, и сами же себе тоже. Никакого абсолюта в экономике нет, хотя таковым представлялся долгое время физический вес золота (драгметаллов), однако социальная сравнительная ценность весовой единицы золота никогда не была единой и постоянной, а потому и абсолютной. Не золото определяло себе ценность, а вся экономика, крутившаяся вокруг того или иного благоносного мешка с золотом.

Итак, при желании можно заметить, что экономика, имея внутри себя нечто аналогичное вертящимся механизмам, прочным сооружениям и устойчивым системам, в целом не является ни бесперебойным механизмом, ни статным долговременным сооружением, ни долгоиграющей системой. Состояние, поведение и движение экономики как целостной реалии очень далеки от собственно механизменных, сооруженческих и даже системных. Это, конечно, не сугубо хаотическое бытие, но бытие достаточно *произвольное*, чтобы не пройти мимо такой его характерной компоненты, как... *хаос*, если, конечно, под хаосом понимать здесь не броуновский образчик, а исходную, рабочую и результативную *неопределенность*, присущую экономике как в целом, так и в частностях и элементах, как раз ту самую неопределенность, которая отражает не случайности, отклонения и те же ошибки, а самое что ни на есть *правильное правило!*

Главным законом стоимости, ежели воспользоваться старомодным законотворческим в теории подходом, является... отсутствие какого-либо имманентно стоимостного закона, того самого, каковому стоимости необходимо-де неукоснительно соблюдать. Не закон тут правит бал, а...

беззаконие, что вовсе не хуже сонма правящих законов, а может, даже и лучше, и, как оказывается на практике, и в самом деле лучше!

Стоимость — в тесном союзе с хаосом и произволом, как и мысль, которая с хаосом и произволом попросту неразлучна.

Какая-токая мысль человеческая не из хаоса, состоящего из прообразов мыслей, предмыслей, иномыслей, «бесмыслей», и какая-токая мысль в итоге не произвольна, невольна, не сама по себе? То же самое можно сказать и о любой цене, даже о что ни на есть вроде бы правильной — цена всегда из хаоса, составленного из ценовых прообразов, предцен, иноцен, контрцен, ценовых фикций, собственно цен, и какая, знаете ли, цена в общем-то не произвольна и не сама по себе?

Что вообще в экономике не из хаоса — как предтечи, как течения и как истечения, что по возникновению, реализации и итогам не произвольно?

Разумеется, произвол на произвол дает кое-какой порядок, как, собственно, и хаос на хаос тоже, ибо у нас ведь не материально-предметный хаос и не бесконтекстный произвол, а феномены, имеющие место в сфере сознания, в ноосферном поле, в социально-духовном метафизисе, то бишь в среде взаимодействующих, индивидуальных, групповых и массовых сознаний и бессознаний, разумов и сумасшествий, в общем — в среде сознательных и самодеятельных *экономических игроков*, обладающих желанием, волей и умением вести *экономическую игру*, в которой и через которую собственно и реализуется экономика — прямо перед лицом ми-

риад свидетелей игры, одновременно и ее судей — *потребителей*.

Обычно хаос представляется в образе энтропийного рассыпания и исчезновения чего-либо, что совершенно правильно, но при этом обычно не учитывается другого типа хаос, из которого как раз и рождается любая негэнтропийная целостность. В экономике имеет место тот и другой хаос, но мы здесь обращаем особое внимание именно на сознательный хаос, из которого как раз и возникает вполне организованное и воспроизводственное целое — экономика. Да, здесь явное проявление того, что называется, уже походя, синергетическим эффектом, где аттрактором служит не что иное, как *экономическое сознание, насквозь пронизанное стоимостной субстанцией*.

Экономика непрерывно творится из хаоса, который, быть может, и не бросается обычно в глаза, кроме разве кризисных ситуаций, уже в своей негативной ипостаси, но который всегда и везде непременно присутствует, творя экономику сложной, гибкой, дискретной, подвижной, изменчивой, непредсказуемой, произвольной, а главное — *своевольной*.

Хаос, о котором речь — *творящий хаос*, ибо он в сфере сознания, в сознании, через сознание, где хватает места и для неизбежного хаоса, и для возникающего из него порядка.

Какого же?

Экономический порядок — особого рода порядок... не порывающий с хаосом, а потому это вовсе даже не космос (космический порядок), а это не более чем... *хаосмос*, который не так хаос и космос одновременно и вместе, как нечто

среднее между хаосом и космосом: не хаос и не космос, но, знаете ли... *порядок!*

Однако не механический, не конструкционный, не организменный и даже не системный, хотя что-то похожее на все это в экономическом поле вроде бы повсюду проглядывается, однако не более чем как мелькнувшая тень, пробежавший призрак, фиктивный образ, лишь на какое-то время и в каком-то месте что-то будто бы и весьма устойчивое.

Экономика — это детище и достояние оснащенного и пронизанного стоимостной субстанцией хозяйствующего общества, — явление вполне сознаниево-социальное, реализуемое и реализующееся на соответствующих сознанию и социуму принципах как стихийного самоуправления, так и волевого управления. И ежели субъектно-субъективное управление, осуществляемое экономическими агентами, вполне вроде бы понятно, то стихийно-объективное самоуправление уже не столь понятно; ясно как будто бы, что любой агент управляет собой, другими, если это возможно, агентами, средой своего обитания и действия, пространством его интересов. Это именно так, никто этого не отрицает и не оспаривает. Но вот как же экономика при этом самоуправляется, — это уже вопрос?

Существует одно совершенно магическое, хоть будто бы и научное, и вполне доказанное, объяснение сему явлению с помощью еще более магического словесно-понятийного заклинания — всё это делает, мол... *рынок*.

Что же это такое — «рынок», кроме, кстати, все того же хаоса («толкучка» как раз и есть хаос, а рынок ведь не что иное, как толкучка)? Никто из адептов сей достоверно-де обоснованной магии так и не знает ответ на вышеуказан-

ный неудобный вопрос, хотя очень убежден в том, что именно рынок, т. е. фактически-то хаос, всё в экономике, толкуемой адептами, кстати, как и тот же рынок абы как всё будто бы и решает.

Если признавать творящий хаос в экономике, то можно было бы признать и «рынок» — как именно творящий хаос, хотя в таком признании нет никакой необходимости, поскольку «рынок» рассматривается его адептами именно как *рынок*, а не хаос. Не признавая творящего хаоса, остается уповать только на «рынок» — это де чудодейственное средство фактической реализации экономики.

Вот обычно говорят о ценах как о рыночных ценах, хотя нетрудно догадаться, что цена на товарной арене создается вовсе не рынком, а вполне сознательной волей ее наставников-владельцев, причем с учетом безразмерного числа всяческих обстоятельств, в том числе и неэкономических, не исключая и возможности чистейшего произвола («с потолка», так сказать).

Так что рыночная-де цена — вовсе не цена не то прославленного, не то пресловутого рынка, а *целостного экономического процесса*, вполне и осознаниенного, включающего индивидуальные, коллективные, корпоративные, массовые сознания, находящиеся в непрерывной между собой «союзнической» борьбе.

Цена поначалу рождается, как Афродита из пены морской, из творческого хаоса, затем встречается в сотворяемый непрерывно экономическим сознанием вкупе с сознанием вообще хаосмос, играя там вслепую и как бы зряче, чего-то атакуя, от чего-то отступая, как-то изменяясь, охотно и блефуя, да мало ли еще чего совершая из потребно-

непотребного под бдительным взором своих эффективных агентов.

Что бы ни влияло на цену в момент ее образования, цена всегда в основе своей есть *сама-себе-цена*, даже ежели она попросту продиктована какой-нибудь безоговорочной «агентурой» вроде монополии или государства. Не товар определяет цену, хотя оценка и зависит от товара, а экономический субъект — владелец товара — назначает на него цену, ориентируясь не только на товар, но и на многое другое, при этом вовсе не только на динамическое соотношение предложения и спроса, а и на славное «авось».

Самое любопытное, что и деньги — как общепризнанная стоимостная данность — тоже рождаются из хаоса, хотя бы головного — в РФС или НЦБ, они тоже вселяются в хаосмос и в нем суетно бытуют, уходя непременно, как и цены, обратно в хаос, чтобы скорректировать себя по ценности и количеству и снова выйти их хаоса в хаосмос, но уже другими — обновленными.

Вот такая имеет место метафизическая в основе, но вовсе не магическая, хотя, впрочем, почему же не магическая, циркуляция оцененных денег и однеженных цен из хаоса в хаосмос и обратно, и все это в сфере сознания под бдительным всевидящим оком прежде всего сознания экономического. *Не понимать этого — ничего не понимать в экономике!*

Экономика, как и «море-окиян», сказочным образом самоуправляется — через творящий хаос, как самоуправляется точно так же вообще вся жизнь, и бытие, и общество, ну и любой человек тоже, даже самый что ни на есть от кого-то всецело зависимый вроде раба или зека. Сие само-

управление включает в себя разного рода субъектно-субъективные правления — вполне осознанные, волевые, целеположенные, настойчивые. Здесь не только управление деньгами из монетарного центра и ценами из ценовых центров, но и управление инвестициями, кредитами, долгами, доходами, да мало ли еще чем, включая и структуры, и сети, и пресловутые рынки, и чьи-то поведения, и какие-то процессы, даже и кризисы.

Экономика — сфера сложной, двойственной, дуальной организации: с одной стороны, волевой, целеположенной, амбициозной, соответствующей собственно управлению, а с другой — стихийной, произвольной, неопределенной, соответствующей как раз полевому, сферному или средовому самоуправлению.

Всё это обязательно есть: и *организация как организация* или *управление*, и *организация как самоорганизация* или *самоуправление*, — и все это взаимосвязано, переплетено, подчас и трудно между собой различимо. Всё это необходимо, причем, заметим особо, не только управление, но и самоуправление тоже, право которого на бытие и самореализацию ничуть не меньше, чем у управления, наоборот, оно даже по-своему и в определенном отношении большее, чем у своего «визави».

Экономика есть, она работает, она живет своей стоимостной и нестоимостной жизнью, но при этом она... *течет*, да-да, именно *течет*, волнуясь и вихряясь, ускоряясь и замедляясь, наступая и отступая, возвышаясь и спадая, а то и замирая, как штилевое море, в общем — *течет*, как ей нравится и не нравится!

Течет из прошлого через настоящее в будущее, непрерывно изменяясь, играя с контекстом и флиртуя сама с собой.

Каждый экономический субъект имеет свое им же управляемое движение в экономическом поле (сфере, среде), пусть и с разной степенью предпринимательской мощи, самостоятельности и удачливости, но в экономическом поле имеет место и общее (интегративное, агрегативное, суммарное) движение, которое, с одной стороны, складывается чудесным образом (трансцендентность!) из мириад субъектно-субъективных движений (акций, действий, ходов), а с другой — оказывается не менее чудесно и трансцендентно уже собственным движением экономики, ее собственным ходом, ее потоком, ее течением, не очень-то подвластным субъектно-субъективному управлению — даже и вполне централизованному и мощному.

Управляться со своими делами экономическим субъектам в экономической среде вполне возможно, и они это с той или иной успешностью делают, но вот можно ли управиться субъектно-субъективно с современной экономикой в целом, в особенности, ежели она уже фактически бытует вне обычного сопротивления пространства и привычного противления времени, она весьма едина и единообразна, причем в планетарном масштабе, питается безграничной производительностью реального производства, как и величайшей избыточностью потребления во многом фиктивного, да и попросту слишком виртуальна, облачна и безразмерна?

Техно-информационно-кибернетическая управленческая сеть вроде бы призвана облегчить овладение экономи-

ческим хаосом, придавая возникающему хаосмосу более устойчивое состояние, но здесь оказывается не все так уж просто: насколько сия сеть вроде бы упорядочивает управление в экономике, настолько она его и... *хаотизирует*.

Между управленческой сетью в экономике и процессом управления экономикой в целом возникает неизбежный паритет: хаос усложняется, но не исчезает, более того, он принимает еще более неопределенный (виртуализированный, игровой, импровизационный) способ реализации, — ну и хаосмос оказывается еще более неопределенным, неустойчивым и переменчивым, что вовсе не облегчает управления экономикой, наоборот, делает ее еще более своевольной.

Мировой экономикой вряд ли сегодня можно сколь-нибудь целеположенно и эффективно управлять из единого центра, даже из очень мощного, хотя влиять на состояние и поведение экономики из того же центра, конечно, можно, но, во-первых, слишком уж влобовую, почти что и наугад, во-вторых, лишь с очень высокой степенью невероятности, а вовсе не вероятности. Можно даже утверждать, что современная мировая экономика — не то что совершенно не управляемая, но уж не особенно управляемая — точно, а может, она более неуправляема, чем управляема, — и иной она уже быть не может: слишком велика она, безгранична, сложна, подвижна, переменчива, ну и своевольна тоже.

Да, конечно, можно управленчески как-то воздействовать на те же деньги (их ценности, массу, валютные соотношения), на главные (узловые) цены, на основные инвестиционные потоки, на некоторые реперные параметры, на поведение финансовых институтов, на состояние товарных

и финансовых рынков, на положение отдельных стран и регионов, но в целом... э-э... в целом же лишь какое-то невеликое тут вероятие, нередко и вообще уже никакого.

Экономика как целостность сегодня не так свободна (о какой тут свободе вообще может идти речь в эпоху тотального и разнообразного *дирижизма!*), как именно *своевольна*, — и своеволие это выражается, в частности, в уже перманентной ее, выражаясь традиционно, общей *кризисности*, а по-нашему и более современному — *общей расстроенности*, или *хаосности*.

Не знает она ныне *что, зачем, как, куда*, ничего уже она не знает, ибо удачно и надежно оторвалась от хозяйственной и вообще всякой бытийной реальности, став *сама себе реальностью*, соответственно и *сама себе причиной*, и прет себе туда, не зная куда, не говоря уже о пределах и порогах, а раз так, то и в весьма растерянном, если уже не безумном, состоянии (немалого, знаете ли, головокружения от своего «незолотого» четвертьвекового успеха).

Является вдруг ни с того ни с сего новое характеристическое понятие для экономики — *безумие!* Не кризис, не общий кризис, не катастрофа, а именно безумие, с которым можно и жить, и длиться, и натворить немало всего, ибо это всего лишь некое доминирование хаоса над хаосмосом, а может, просто превосходство своеволия экономики уже не только над ее волевым правлением, но даже и над ее самовольным самоуправлением. Ситуация разноса, тряски, флаттера, хотя и, надо полагать, еще не вулканического взрывного извержения.

Безумие — это вроде бы плохо, но ежели экономика не может уже без *этого* обойтись, чтобы попросту быть — тогда, может, это не так уж и плохо?

Тут важно учесть, что нынешнее экономическое безумие началось вовсе не сегодня — не в XXI в., а еще в 1970—1980-е гг. в связи с кончиной доллара как ответственной мировой резервной валюты: сначала через прекращение обмена доллара на золото, а потом через практику произвольной эмиссии доллара со стороны ФРС, подкрепленной бешеным американским заимствованием реальных стоимостных средств у всего мира с оплатой американского долга уже ничем не обеспеченным, кроме властно-импортно-техно-финансовой мощи США, долларом.

Как раз в это-то время мировая экономика и обрела в качестве своего иерархического наверхия, фиктивного двигателя и суперцивилизованного эксплуататора *американскую финансомику* и вступила в «незолотую» эру *финансовой своевольности*, ибо финансомика, подчеркнем, не столько уже, в отличие от традиционных финансов, обслуживающая экономику, хозяйство и вообще бытие подсистема, сколько их безоговорочная госпожа, да ладно бы рационально хозяйствующая по всему миру, а то ведь существующая ради себя, своего беспредельного финансового гешефта и действующая совершенно бесконтрольно со стороны какой-либо хозяйственной реальности.

Если говорить о безумии современной экономики, то это, конечно же, прежде всего безумие финансовое; за которым следует, наверное, безумие виртуалическое (квазибытие, которое уже и вне бытия); затем идет, пожалуй, безумие производительное, гигантское, избыточное, ненужное,

во многом фиктивное, сверхмассовое; затем, надо полагать, следует безумие глобальное с его невозможностью рационального глобального хозяйствования из всемирного центра; ну а последним обращает на себя пристальное внимание уже безумие чисто управленческое (нынешние менеджеры управляют всем, чем угодно, кроме управляемой-де ими реальности, причем в интересах управляющей структуры, а не в интересах управляемой реальности).

Хаос творящий сочетается все более с хаосом что-то попросту уже вытворяющим, — и более или менее «порядочный» хаосмос не выдерживает сего над собой насилия, обращаясь в патологический и патогенный хаосмос — *хронически расстроенный*, а настроиться на более или менее стройный хаосмос никак уже ему не удастся.

Современная экономика привлекает к себе еще одно замечательное гносеологическое понятие-категорию — *абсурд!*

Попробуйте-ка что-либо понять в современной экономике и членораздельно что-нибудь объяснить, кроме, конечно, как очередной раз невольно не рассмотреть текущего абсурда и не попытаться, сознавая это или нет, выдать абсурд за более чем временно нарушенную норму.

И что же тогда делать? Ясно, что надо брать под контроль экономику в ее целостности. Что невозможно сделать с глобализированной мировой экономикой, можно, видимо, сделать либо с крупной национальной экономикой, увязанной при этом с бытийно-хозяйственным подъемом страны, либо с международной региональной экономикой, тоже поднимающейся, хотя сделать это уже гораздо сложнее, но, видимо, все-таки возможно (при соответствующем лидер-

стве в регионе одной или двух крупных национальных экономик).

Отсюда выходит, что той же России, к примеру, надо, что называется, эффективно *национализировать собственную экономику* (не так в собственность что-то взять, как обеспечить суверенитет национального хозяйства), что Россия, кажется, шаг за шагом и делает, достаточно при этом и конспиративно, укрепляя, расширяя и развивая тот же оборонно-научно-промышленный комплекс, от которого, как от ядра-очага идут созидательные круги в разные стороны. Теперь очередь за *финансовой оборонкой*, что сделать куда как сложнее, но после горьковатого опыта с намеренным падением цен на нефть и газ, вынужденной недавней девальвацией рубля, банковскими вредными для страны манипуляциями с капиталами и западными санкциями против России, это сделать все-таки можно, да и дилемма тут исключительно проста: «*Родина или смерть!*».

Экономический хаос, вполне подтвержденный хозяйственной практикой и освещенный экономической теорией посредством утверждения тезисов об экономической свободе и монетарной сути экономики, ликвидировать насовсем нельзя, да и не надо, наоборот, нужно использовать сей необыкновенный феномен, ориентируясь на его творческую способность и на возникающий из него гибкий и изменчивый хаосмос, а вот управлять хаосом и хаосмосом в пределах целостной экономики нужно и можно, пусть и ограниченно, не полагаясь при этом на ложное представление об экономике как о воспроизводимой когнитивно в матрично-балансовом виде четкой системе и не мечтая подчинить экономику единому из-за сего далекого от реальности представлению общему плану.

*Экономика: реалии и иллюзии**

Одной из привлекательных забав «ученой общественности» является «игра в экономику» — что теоретическая, что экспертная.

Теоретическая игра занимается построением некой умозрительной модели экономики, мало того что системной, но еще и математически выверенной, как и «законодательно» оформленной (через «систему законов»). Игра эта восходит к Веку Просвещения — веку победы научного (естествознанческого) подхода к не очень-то научным (антропосоциальным, гуманитарным) реалиям. Вследствие бескомпромиссного столкновения навязанного гносеологического подхода с противоположной ему онтологической реальностью ничего, кроме «игры в науку», получить у «просвещенцев» не могло.

Экспертная игра сводится к фактологическому-де рассмотрению текущей экономической реальности, попыткам ее «объективного объяснения» с выявлением причин возникновения того или иного конкретного состояния (картины), а также к попыткам фактологически, модельно и расчетно обоснованного-де прогнозирования будущих экономических ситуаций.

При этом экспертная работа ведется обычно не только вне единого теоретического представления об экономике, но и за рамками сколько-нибудь целостного ее видения. Ес-

* Опубликовано в журнале *Экономические стратегии*. 2016. № 5. С. 5—184.

ли теоретики могут себе позволить не замечать того же реального экономического хаоса, органично присущего экономике, но не укладывающегося в теоретические о ней представления, то эксперты все-таки вынуждены следовать, пусть и не слишком осознанно, реальному хаосу, не выходя при этом за пределы и собственного идеального (когнитивного) хаоса, проявляющегося прежде всего и, как минимум, в «экспертном калейдоскопизме» (сколько экспертов, столько и мнений, причем вовсе не целостных, а реально и идейно вполне фрагментарных).

Положение усугубляется тем, что никто из ученых игроков «в экономику» понятия не имеет, что же есть на самом деле экономика, а если и имеет какое-то понятие, то либо более всего иллюзорное, либо как-то приближенное к реальности, но не более чем опять же фрагментарное — что по конкретно-познавательной горизонтали, что по абстрактно-теоретической вертикали.

Экономическая наука, как и экономическая экспертиза, до сих пор так и не ведают, чем они занимаются. И это вовсе не частное критическое мнение мучающегося хроническим недоверием ко всему на свете неудачливого зоила — это как раз сама испытанная и отточенная в неустанной гносеологической борьбе когнитивная реальность в своей собственной игровой заданности и полноте.

Экономика давно уже не «домоводство» — это развернутая во внедомовом пространстве крайне замысловатая и очень завлекательная «игротека», осуществляемая посредством товарообмена, денег, капитала, финансов, то бишь — *стоимости*, — этой невидимой, эфирной, идеальной субстанции, воплощенной в договорных цифрах и реа-

лизующейся в сознании людей через их вполне реальные, хотя и стабильно встревоженные непрерывной игрой, головы (иного места для стоимости и экономики, кроме сознания и людских голов, просто нет; блага, орудия, здания, сооружения, ресурсы, знания, технологии, как и тот же труд — никакая не экономика, а всего лишь... реальное производство с реальным же потреблением!).

Эта-то стоимостная по сути и способу своей реализации экономика и породила феномен, называемый *экономизмом*, отражающий не одно только господство стоимости в экономике, но и господство уже самой экономики надо всем жизнеотправлением человека (человечества), ну а потом и господство экономики с ее стоимостью в самом сознании людей, как раз становящимися из-за этого вполне *экономическими*.

Победа экономизма состоялась посредством и в итоге *экономической революции* (Западная Европа, середина I тыс. от Р. Х.) и нашла воплощение в *экономической цивилизации* (сначала в Западной Европе, а потом и по всему миру).

Крах золотого денежного стандарта в середине XX в. означил полную победу стоимости как стоимости, а соответственно и чистого экономизма, что ознаменовалось переходом к вольной (произвольной, *самодовлеющей*) стоимостной цифре и вольному (произвольному, *самодовлеющему*) экономизму, а практически — к вольному (произвольному, *самодовлеющему*) *финансизму*.

Экономика дополнилась *финансомикой*, овладевшей экономикой и вставшей самоуверенно, беспардонно и величаво надо всем жизнеотправлением человека (человечества).

Я сознательно не ввожу здесь термин «хозяйство», чтобы побыть некоторое время наедине с «экономикой», тем более что есть счастливые народы, как раз самые что ни на есть *экономические*, не имеющие в своем языке слова «хозяйство», как и есть счастливые ученые элиты, не придающие понятию «хозяйство» никакого особого, кроме синонимического относительно «экономики», значения.

Что поделать: трясина греческой «экономики» вкупе с европейской экономической наукой засосала в себя весь мыслящий по-экономически мир и никак не хочет его от себя отпускать, да и сам этот мир не очень-то стремится на вольную волю — чем же тогда ему «эффективно» заниматься и как же тогда ему «счастливо» бытовать?

Экономика — экономическое жизнеотправление: как всего лишь и просто опосредуемое движением стоимости (экономизм), так и подчиненное движению обособившейся самоопределяющейся стоимости (финансизм).

Всё здесь от стоимости, через стоимость, ради стоимости!

Не от потребностей, благ, вещей, а именно от стоимости, ее потребностей — как основного блага и как главной вещи (от вести).

Стоимостная власть, стоимостное владение, стоимостной фетишизм.

Мир стоимости и стоимостной мир!

Однако и власть над стоимостью, владение самой стоимостью, стоимостной диктат.

Самое экономическое в экономике, оно же и сама суть экономики — *стоимость!*

Если мы говорим «экономика», то надо прежде всего иметь в виду не что иное, как стоимость; если мы называем

экономику финансовикой, то это означает, что стоимость уже не внизу, не снизу, социально, в самом обществе, из людских экономических голов, чуть ли не объективно, а вверху и сверху, на социум, в общество, прямо и априорно в экономические головы, субъектно и субъективно.

Если когда-то всё экономическое шло вроде бы от взаимодействий людей: не было товарообмена — не было и стоимости, то теперь всё наоборот: нет стоимости — нет и товарообмена! А уж о капитале с инвестициями и говорить не приходится!

Отношения, взаимодействия, рынок — всё в прошлом; ныне подотчетное правящим экономическим центрам пространство: сети, ячейки, связи, ну и иерархическое из центров управление — сверху вниз.

Экономика снизу замещена экономическим реалом!

Однако не все тут так уж просто.

В экономике нет ничего не только механического, но и организменного тоже, даже и попросту системного. Тут уже одни лишь метафоры, вполне и приблизительные: мифотворческие, иллюзорные, миражные! Экономика — не механизм, не организм, даже не система. *Вообще это никакой в полном смысле слова не порядок!* Строго говоря, экономика уже и не реальность — не реальная реальность, а самая настоящая ирреальность — ирреальная реальность. Всё теперь в экономике в отрыве, в полете, во мгновении: *стоимостной виртуал полностью завладел экономикой!*

Экономика вовсе не космос, а всего лишь *хаосмос*: постоянно вырастающий из хаоса и в него же непрерывно уходящий *обеспорядоченный порядок*, или же *опорядочен-*

ный беспорядок. Тут в приоритете не что иное как творящий хаос, но творящий не порядок как таковой — космос, а некую реальную иллюзию порядка, или же реально иллюзорный порядок, способный не просто к большой изменчивости, а сам онтологически являющийся... изменой: сегодня он один, завтра — другой, послезавтра — третий, причем 2x2 в нем вовсе не 4, а любое, хотя и не какое угодно, число («два» и «два» как бы не успевают или же просто не имеют достаточной возможности сложиться именно в «четыре»).

Экономика ныне слишком велика, безгранична, сложна, подвижна, быстра, переменчива, внепространственна и вневременна, моментна, полифонична, оцифренна, информативна, виртуальна, слишком она уже *сама по себе, для себя и от себя*, слишком ирреальна и как бы параллельна реальной реальности, от нее свободна и от нее оторвана, чтобы быть упорядоченной, системной, космической.

В основе экономики хаос, а не космос, а сама экономика в реальности не более чем *хаосмос!*

Если экономика, ведомая финансомикой, и подчиняется чему-либо, то она подчиняется более всего себе самой.

Экономика — causa sui, сама себе причина!

Экономике нельзя предложить строгую функциональную модель, которой она должна непременно соответствовать; нельзя вывести и утвердить законы, которым она должна непременно следовать; нельзя навязать порядок, которого ей иметь вовсе не хочется, да и не можется.

Пора бы это понять!

Экономика — игра без правил, а ежели правила какие-то и есть, то либо есть «бесправилковые» ниши (зоны, кана-

лы, щели), либо есть немалая возможность эти правила не соблюдать, либо же есть правила по несоблюдению правил, — во всяком случае, экономика течет более не по правилам, а как бы между правил, мимо правил, а то и вообще без правил, — иначе ведь никакой экономики нет и быть не может!

Теперь уже не так случающиеся время от времени *экономические кризисы*, как *сплошной и непрерывный глобальный кризис экономики*; теперь повсюду не что иное, как *перманентно кризисная экономика*, для которой кризис не исключительное событие, а постоянное нормо-аномальное состояние.

Экономика теперь — кризис, а кризис — сама экономика!

Экономическая наука все еще считает, — и вроде бы небезосновательно, — что экономика (в нашем — сугубо стоимостном — понимании) это не более чем совокупность самостоятельных стоимостных субъектов, масса блуждающих по миру денег и самовоспроизводящихся капиталов, самовозбуждающихся инвестиционных потоков, мир взаимообусловленных цен, в общем — совокупность объективно упорядоченных стоимостных агентов, параметров и процессов, целостно взаимоувязанных и эффективно взаимодействующих друг с другом.

На самом же деле экономика только на поверхности выглядит совокупностью взаимоувязанных агентов и ловко взаимодействующих параметров и процессов — видимых, счетных, оцифренных, а внутри-то она совсем другая — спиритуальная, эфирная, энергичная.

Наверху лишь *физис* экономики, а внутри-то... *метафизис*, как раз тот самый, что аналогичен, к примеру, сознанию с его мыслями и смыслами, как и той же ноосфере с ее смысловыми «частицами» и мыслительными «завихрениями». Там-то, в метафизическом «нутре», вполне и конспиративном, всё основное в экономике и решается, хотя решается через взаимодействия всех упомянутых выше и иных внешних параметров и процессов, их субъектно-субъективных движителей.

Правоверный ученый-экономист-эксперт ничего из метафизического никогда не признает и такой картинки любезной ему экономики — самой по себе сплошь метафизической — никогда не примет!

А ведь наряду с поверхностной *явью* экономики, есть и глубинная *навь*, — и между явью и навью незаметное для глаза и ума непрерывное взаимодействие, вполне уже и *трансцендентное*.

Любой экономический параметр может быть любым, хотя и не каким угодно! А кто или что здесь решает: субъект вроде бы, та или иная объективная-де ситуация, но... и не субъект, и не ситуация, а... эх... сказать бы, да ведь разве поверят, ибо решает тут... э-э... экономическое ничто!

И ничто это как раз к хаосу и восходит, воплощаясь в действенной реальности не в упругом космосе, а в пластичном *хаосмосе*.

Космос держится на пределах, стабильных соотношениях и постоянных величинах, на законах в конце концов. Хаосмос же живет беспредельными пределами, своевольными соотношениями, относительными величинами, пол-

ноправным беззаконием. И не надо хаосмос пытаться представлять космосом, как и не надо мертвить хаосмосную жизнь, обращая вообразительно «текучую» плазму в «твердый» кристалл!

Хаос творит — и в случае с экономикой он творит не космос, хотя и в направлении космоса, а именно *хаосмос*. Синергетика! Но такая, которая не вершится никогда не то что законченным, но даже и сколько-нибудь устойчивым в обозримом времени порядком.

Нет и не может быть длительно, не говоря уже навсегда, стабильных цен, денег, валютных курсов, банковских процентов, инвестиций и вообще всего, что есть в экономике: *общая нестабильность* — залог бытия экономики, ее выживания, самоорганизации, развития!

Нет и не может быть никаких априорных законов, которые должна непременно исполнять экономика. Да, цена, к примеру, формируется в соответствии с некоторыми требованиями вроде покрытия издержек и получения прибыли, но... где они, эти пределы издержек и безграничье прибытков, если не... в текущем экономическом произволе, что означает, что нет ни априорных пределов, ни априорного безграничья? Всё в экономике решается на ходу, по ходу, в ходе, но никак не в соответствии с системно-космическим порядком с его бесспорными и неузвимиыми законами.

В ученых кругах любят толковать, к примеру, о том же *законе спроса и предложения*, не задумываясь, что надо хотя бы говорить о *законе предложения, цены и спроса*, хотя и это тоже весьма проблематично, ибо где оно — предложение, каково оно, причем во времени, где он — спрос, каков он, тоже во времени, и что есть цена (хоть цена пред-

ложения, хоть цена спроса), ежели цена, хоть и действительно зависит от динамики и соотношения предложения и спроса, способна ведь быть *само-ценой* и ни от чего, кроме ее вдохновителя и держателя не зависеть, даже и от других цен? Тогда что значат все эти глубокомысленные разговоры о *законе-де* (!?) спроса и предложения, если не ставшее уже привычным ученое балаболство? Влияние спроса на цену — обыкновенное воздействие спроса на цену; влияние излишнего или недостаточного предложения на цену — не более чем обычное воздействие предложения на цену; но вот как тогда понимать влияние произвольной цены на те же предложение и спрос — по какому-такому «закону»?

Итак, в основе экономики творящий хаос, онтологический хаосмос, субъективный произвол, объективная неопределенность, функциональная беспредельность, алогическое беззаконие, ну и, разумеется, непрерывная, всеобщая, вовсю и скрытая, *самоорганизация*.

А где тут тогда *управление*?

Оно прямо там — в экономике, но еще и вне этой последней, ибо помимо управления *в* экономике есть еще и управление *самой* уже экономикой — *извне*.

Кто или что только не является в экономике и в связи с экономикой управителем: субъекты, объекты, факторы, товары, технологии, кризисы, среды, сети, коррупция, мафии, слухи, призраки, а главное — деньги, цены, инвестиции, издержки, доходы — да мало ли еще что, что влияет на управленческие решения экономических агентов и экономическую криптосамоорганизацию.

Кто или что только не оказывает управленческого влияния на поведение экономики в целом: государство с правительством во главе, большая политика, лукавая юриспруденция, войны и колониальные захваты, международные

соглашения и союзы, региональные интеграции, научно-технический прогресс, глобальные процессы, въедливые идеологии, стойкие мировые религии, неувядающие цивилизации и т. д., и т. п.

Мир вообще — на мир экономики и в мире экономики!

Однако ученых-аналитиков интересует прежде всего *целеположенное управление* в экономике и экономикой в целом, когда есть управляющий субъект, управленческие действия и адекватный им результат.

Ответ: такое управление не только есть, но и имеет необходимые, хотя и, как правило, не вполне предусмотренные, а частенько и вполне непредвиденные, результаты. Это не так управление хаосом, хотя и такое есть, а, скажем так — *хаотное управление*, а местами и временами даже и *антихаотное*, которого ведь тоже не избежать.

Экономика бытует в сфере сознания — частных сознаний и общественного (ноосферного) сознания, включая и глобализированное сознание. Какой бы бессознательной ни казалась экономика, она все равно *в сознании, с сознанием и через сознание*, которое, заметим, тоже ведь немало хаотическое (сознание и экономика — онтологические адекваты!). Находясь в сфере сознания, проходя через сознание, опираясь на него, экономика не может не быть осознанием, как и не может не управляться сознанием — вполне и осознанно!

Любой экономический параметр — продукт сознания, — как продукт частных сознаний, их взаимодействий, так и продукт воздействия на параметр, его динамику всего общественного сознания. Здесь имеет место целый сонм

управленческих влияний, среди которых и прямые управленческие воздействия на экономическую реальность, включая и экономическую ирреальность, отдельных экономических субъектов. Можно даже говорить о наличии реально действенных и даже весьма для себя эффективных процессах управления со стороны наиболее удачливых в своих интенциях субъектов экономического управления.

И вот тут встает вопрос о наличии в реальной экономике таких вот удачливых субъектов управления: есть ли они? Есть, конечно, и они вовсе не редкость — в той или иной степени практически все, или почти все — все действующие субъекты в той или иной мере удачливы по части хотя бы самоуправления, но, разумеется... удачливы с разными степенями и мерой управленческих возможностей и достижений.

Есть малые агенты экономического управления — малыми параметрами и процессами; есть, скажем так — средние — со своими средними управленческими возможностями; есть большие — уже с большими возможностями; а есть и сверхбольшие — с гигантскими по масштабу и силе действия управленческими прерогативами. От отдельных агентов — ныне по преимуществу сетевых «мушек» — до мегацентров — ныне тоже уже сетевых управителей — «пауков-монстров» — владетелей огромных экономических пространств, вершителей глобальных экономических процессов и распорядителей мириадами экономических судеб.

Среди мегацентров выделяются, бесспорно, *империальные топ-центры*, а всего могущественнее из них, конечно же, *глобальный супер-центр* («центр центров»), восходящий непосредственно к США.

Влияние на мировую экономику всех этих центров велико, его нельзя ни в коем случае недооценивать, хотя и вряд ли стоит, испытывая восхищение и ужас, переоценивать. Центры могут многое, располагая не чем-нибудь, а возможностью исходного и текущего *контроля* над мировой экономикой, ее состоянием, поведением и общим движением, тенденциями развития и структурной динамикой. Однако говорить о каком-то в полном смысле слова управленческом управлении (диспетчерском) мировой экономикой никак не приходится — в таком управлении и нет никакого смысла!

Мегацентры, несмотря на наличие общих для них интересов, не составляют цельной управленческой структуры, между ними хватает противоречий и взаимной борьбы, хотя нельзя отрицать и возможностей достижения между центрами согласий, компромиссов, сговоров, в особенности если учесть нынешнее противостояние традиционно-экономического Запада остальному — во многом еще недоэкономическому — миру.

Есть, безусловно, центровая, или центрообусловленная, экономика, подверженная управленческому влиянию мегацентров, в особенности глобального, но наряду с нею бытует и внецентровая экономика, реализующаяся хоть и под влиянием центров, но уже и по собственным хаосно-синергичным сценариям.

Центровский контроль над мировой экономикой не то что операционально не абсолютен, он не абсолютен по самой своей природе, ибо никакая экономика, пока она есть, не потерпит над собой никакого управленческого абсолюта: невыгодно, тупиково, зрячно, глупо!

Все агенты так или иначе управляют, и все при этом так или иначе управляются, но — и это самое важное — в *самоуправляющейся экономической среде!*

Управление в экономике и экономикой есть, оно все время осуществляется, но... на основе, в рамках и на условиях *общего экономического самоуправления.*

Управляй себе на здоровье, но... в среде и даже на основе общего экономического самоуправления, причем, повторям, немало и конспиративного, а потому и не очень-то заметно доминирующего в экономике!

Экономика полна разнообразного *дирижизма*, без которого ей попросту не выжить и не быть: *сколь экономика самоуправляема, столь же она и управляема!*

Однако заменить общее экономическое самоуправление, или общий самоорганизационный процесс, никаким иным управлением, или организационным процессом, невозможно — пока есть и действует экономика!

Автор этих строк давно это понял, занимаясь осмыслением строения и действия хозяйственных механизмов, придя к тому заключению, что экономике свойственна *самоорганизующаяся организация самоорганизации* — многоуровневая, разнонаправленная, многоцентровая, иерархическая, сетевая, как и стихийная, вольная, турбулентная, «бешеная» (раз уж есть произвол, кризисы, банкротства, как и обман, лукавство, мошенничество, то почему же и в самом деле не бешеная?).

О тех же *планах* и *рынках* можно, разумеется, много говорить, выказывая свой мудреный профессионализм, но лишь как о частных моментах-событиях, имеющих место в среде экономической организации, ей свойственных, но ее никак не покрывающих и собою не замещающих. И планы есть, и рынки есть, но лишь как второстепенные пособители управленческого и самоуправленческого процессов, но во все не как их основания и уж тем более не как эффективные в глобальных масштабах заменители.

Всеобщий «экономический план» типа советского — большая культовая иллюзия, приведшая СССР в 1970—1980 гг. сначала к падению производительности и эффективности с непростительным «зевком» относительно новой волны научно-технического прогресса (о хронических дефицитах и профицитах мы уж помолчим), а затем, на рубеже 1980—1990 гг., и к развалу самого СССР.

Такой же культовой иллюзией является тот же практический межотраслевой баланс, которому-де обязана следовать экономика (то бишь реальная динамика обязана-де подчиниться надуманной статике!).

Не менее культовой оказывается и многовековая иллюзия по поводу так называемого «рынка». Что такое на самом деле рынок, кроме, разумеется, средневекового базара, никто толком не знает, как и никто при этом не может доказать, что экономикой и в самом деле управляет рынок. Рынок, если признать его за некий действующий в экономике стихийный регулятор, не более чем подмеханизм экономики, способной как большое живое целое учитывать в своем движении всё сразу и со всего света и оставляющей тому, что называется рынком, не более чем вспомогательную корректирующую роль.

«Рынок» — удобное для пустопорожних разговоров понятие, пристойно висящее в интеллект-атмосфере, никому не мешающее, но зато на которое можно многое что из непонятного и не расшифрованного списать.

«Рынок нефти», к примеру, вовсе не означает, что производством и реализацией нефти, ее ценой, «руководит» именно рынок: рынок нефти — всего лишь нерыночный по происхождению факт конкретного рыночного бытия нефти — и ничего более!

И все же: как же управляется сама с собой экономика? Так вот и управляется — как *необъятное счетно-решающее устройство*, в управленческой сердцевине которого не что иное как... *трансценденция* («черный ящик»), с чем можно иметь дело, но что нельзя ничем имманентным заместить, о чем можно «модельно» рассуждать, но что никак реально не смоделировать.

Как раз та самая трансценденция, которая присуща бытию вообще, жизни вообще, сознанию вообще, человеку вообще. Та самая трансценденция, которая, будучи вроде бы исходно и функционально «математической», не допускает никакого целостного, реального и эффективного себя математического моделирования, сводя практически на нет эконометрику в целом — как попытку заместить трансцендентальную метаматематику всего лишь человеческой математикой, которая, увы, лишь частично может соответствовать экономической метареальности.

Логика, конечно, присутствует в экономической среде, но... до края, причем весьма ближайшего, как и до поры, тоже не очень-то отдаленной. Тут царство все-таки *металогика*, как бы логики без логики — *трансцендентной логики*!

Как же работает и решает онтологическое экономическое счетно-решающее устройство? Трансцендентно, конечно, или иначе — *непостижимо*! Решает — и всё! Перерабатывая каким-то потаенным образом всю мыслимую и немислимую информацию и выдавая на гора... решения, однако не в виде прямых команд, а в виде обстоятельственного побуждения к действию, с чем экономические субъекты считаются и чем охотно или вынужденно пользуются. Им только кажется, что они сами по своему хотению что-то важное совершают, а на самом-то деле они по большей части лишь реагируют на осознанные и не очень побуждения экономической и неэкономической среды, исключая, конечно, случаи действительно творческого, нередко и рискованного, управленческого в экономике новаторства.

А уж если принять во внимание, что сами по себе решения субъектов в значительной мере трудно объяснимы, т. е. трансцендентны, то что тогда вообще говорить о царстве разума, расчета и порядка в экономике?

XIX век — век торжества Разума, Просвещения и Науки, создал великую иллюзию в виде отвлечённой (теоретической) онтологической и гносеологической экономической науки (технологическая часть экономической науки здесь не в счет) — и вот этой-то иллюзией — сначала более словесно-речевой, затем уже более счетно-модельной — теоретическая экономика до сих пор и живет. Отсюда и бесконечные мифы, сказки, рассказы, ну и бесполезные по преимуществу диссертации тоже!

Самое большее, что может сделать сегодня теоретическая экономия — снабдить образующегося (учащегося) человека разнообразным словарем, что совсем и не плохо, как раз тем самым словарем, с помощью которого образованный человек и пытается рационально мыслить об экономике, вокруг него нерационально бытующей. И уже от самого этого человека зависит, окажется ли он способным уйти от иллюзии об экономике и приблизиться к ее действительно реалистическому восприятию. И как же непросто это бывает сделать в условиях господствующей в современном мире сугубо научной (сциентической) цивилизации!

Заключение

Экономику XXI века совсем уж нельзя трактовать в механико-органо-системном ключе: это никак уже не механизм, не организм, даже и не система. Это — мир, среда, поле, размещающиеся непосредственно в сфере сознания,

оцифренные (мир цифр), сугубо информационные. Самое экономическое в экономике — стоимость, эта информационно-оцифренная «сама себе субстанция», не выходящая за пределы сознания, ноосферы, людских голов, ими и в досталь производимая, однако обретающая при этом и трансцендентную от этих голов самостоятельность. Экономика — бескрайнее счетно-решающее устройство, в котором элементы — люди, их сознания и умы, как и их эмоции и бессознания, а части — коллективы, фирмы, корпорации, государства, институты, структуры. И все эти элементы и части — в произвольной, хотя вовсе и не свободной, игре; во всеобщем произволе, ограничиваемом лишь... своим же собственным произволом; в хаосе и среди хаоса, производящего из себя не более чем хаосмос, но никак не системный порядок. Непрерывная тут синергетика — без начала и конца, всё время с незаконченным, промежуточным, перевалочным результатом. Кризис — уже и не кризис, а перманентное состояние всей экономики, потерявшей какую бы то ни было фундаментальность («опорность») и ставшей мобильно-моментной («влёт»-экономикой). Всё теперь слишком хаосно, относительно, неопределенно. Бушующий «море-океан»! Впереди, видно, *пост-экономика*, в основе которой окажется самая настоящая *техномика*, оснащенная сверхмощными и сверхбыстрыми компьютерами, а главное — навязанной социуму вита-потребительной *мерой*. Но тогда уже случится и *постсоциум с постчеловеком* — разве не так?

Экономика и экономические мифы

Всегда были, есть и будут мифы-мечты, мифы-пророчества, мифы-проекты. Куда вольному человеческому воображению без мифов, столь его поддерживающих и немало выручающих?

Миф как миф — некое нереальное, но вполне устраивающее человека, отображение реальности, параллельная реальности знаниевая ирреальность, как та же, к примеру, утопия. Любой подобного рода миф — нереален и реален одновременно; он вроде бы ложен, но при этом и весьма правдив; совершенно как будто бы невозможен, но в то же время в чем-то условно важном довольно-таки приемлем.

Мифы, о которых речь — *знаниевые мифы*, в которых заложено какое-то о чем-то знание, включая и знание о неизвестном. Особенность этих мифов в том, что они не претендуют ни на какую иную истину, кроме заложенной в них самих, отчего они, безусловно — *сами-себе-мифы*. Сии знаниевые мифы — само *знание как есть*, а потому мифы эти не подлежат ни строгой беспощадной критике, ни скандальному разоблачению, ни строгому разумному упреку, ни каким-то реалистичным исправлениям, — а потому восприниматься они должны такими, какие они есть, а именно — *мифами как знаниями!*

Однако наряду с мифами в виде самодовлеющего над самим собой и людским миром самодостаточного знания возникают и бытуют иные мифы, тоже вроде бы обусловленные знанием, но уже в противном варианте — не обра-

щенные к знанию, а из знания исходящие, то бишь уже не *мифы как знание, а знание как мифы*.

Мифы как знание, как было замечено выше, дают какое-то свое знание, пусть и весьма вольное, не скрывая при этом его — этого знания — мифичности. Тут нет никакого между мифом и знанием неконструктивного противоречия.

Иное дело — *знание как мифы*, когда претендующее на реалистичность и достоверность знание вдруг оказывается всего лишь... *мифом*, содержа в себе не самодовлеющее знание по поводу чего-либо, а всего лишь «бегущее» от чего-либо реального весьма нереалистичное и так или иначе весьма и недостоверное знание — вроде бы о реальности, а на самом-то деле... о какой-то нереальной ирреальности, в общем — о самом же себе... любимом! Такое вот мифотворное знание о знании обычно подвергается критической оценке, нелюбимому разбору, обоснованному опровержению, вынужденной корректировке, а то и полному отвержению, хотя — за неимением другой, более подходящей, версии — остается какое-то время в роли и значении «реалистично-достоверного» знания.

Такого рода вынужденные мифы можно отнести к разряду *мифов от гнозиса*, или *гносеологических мифов*, которые возникают, в частности, от амбициозной претензии логического разума на полноценное знание реальности, на точное отражение им онтоса или хотя бы на равностепенную точному отражению презентативную его замену. Нетрудно догадаться, что речь здесь идет уже о философических, научных, экспертно-оценочных мифах, то бишь о мифах, претендующих не просто на самих себя — как самих по себе мифах, а на адекватное отражение внешней относи-

тельно них действительности, что означает и некую незаконнорожденность сих претенциозных мифов.

В поле нашего познавательно-рефлексивно-объяснительного интереса, с одной стороны, *то* онтологическое, что называется во всеобщем обиходе «экономикой», или «реальной экономикой», или же «экономической реальностью», и, с другой стороны, *то* гносеологическое, что тоже называется — правда, уже в ограниченном обиходе — «экономикой», или же «экономическим знанием», или попросту «экономической наукой».

Ясно, что тут мы незатейливо намекаем на мифотворность *экономического гнозиса* относительно *экономического онтоса*. Факт! И с этим фактом особенно не поспорить: неудовлетворенность абстрактно-отвлеченным экономическим гнозисом уже настолько ныне осознанна, что вряд ли данная критическая постанова может быть одним небрежным махом опровергнута. Претендующий на целостность отображения, понимания и объяснения экономического онтоса экономический гнозис слишком уж кривоудален от этого самого экономического онтоса, чтобы не воззвать к такому себе характеристическому образу, как... *карикатура*, пусть и невольная, но, увы, вполне убедительная. Мало что тут миф, да ведь еще и весьма кривой миф! А всё потому, что зараженная физикализмом, покоренная механицизмом и замороженная математизмом университетская гуманитарная когнитивная наука никогда не ставила перед собой задачи действительного раскрытия и отражения экономической реальности, довольствуясь узкими сциентистскими идеологемами и обманчивыми математогенными миражами.

Странно, но ведь это тоже факт, восходящий не к чему-нибудь, а к Великой научной революции рубежа XVIII—XIX вв., обеспечившей закрытие от пытливого ума и доброго сердца реально-ирреального онтологического метафизиса и отвергшей адекватную ему гносеологию — *метафизическую философию*.

Экономическая наука в своей мировоззренческой части дала не слишком-то соответствующее реальной экономике гносеологическое о ней представление: научный познавательный подход столкнулся тут вовсе с не такой уж научной по бытийному характеру онтологической данностью, требовавшей иной — в основе не так научной, как вполне *метанаучной*, или же *метафизической* — интерпретации.

Экономическая наука в итоге не могла не создать *научного мифа* об экономической реальности, изрядно в своем мифе и подзапутавшись, что не могло не привести к гносеологическому разнобою и неизбежному кризису абстрактно-отвлеченной, или теоретической, экономической науки, почувствованного уже в середине XIX в. и весьма уже осознанного на рубеже XIX—XX вв.

Итогом осознания сего ментально-предметного кризиса и попыток из него выхода стали: 1) затяжной рывок в сторону еще большей научности экономической теории с доведением ее до полного «математогенного истощения» через утрату своей «жирной» смысло-сущностной «телесности» и замену ее на «тощую» количественно-функциональную «скелетность», что не могло не породить лишь модельно-математизированного, уже по сути и неэкономического, гносеомифа об экономике; 2) вырыв за преде-

лы сугубой научности экономического теоретизирования и вступление знания об экономике на метанаучный, или метафизический, путь посредством обретения новой познавательно-объяснительной парадигмы — *философии хозяйства*, позволившей себе максимально целостно трактовать хозяйственное бытие человека, включая и собственно экономику, рассматриваемую во всей ее онтологической целостности (как момент целостного бытия и как целостное бытие момента); 3) стремление обогатить экономическую науку неэкономическими составляющими — природными, технологическими, правовыми, институциональными, этатическими, этическими, психологическими, социологическими, что весьма разнообразило экономическую науку, но не обеспечило преодоления кризиса ее основного парадигмального ядра, как выяснилось, почти что и *никакого*, как раз вполне и *мифического*.

И вот тут-то у нас вылезает самое главное: а каков же в рассматриваемом мифотворческом аспекте сам по себе экономический онтос, или иначе: не является ли сам этот онтос бесстрастным, но эффективным пособителем гносеологического мифотворчества, или еще иначе: не является ли сам экономический онтос... э-э... *мифом*?

Вот-те на, ну и постановочка! Как это объективный-де онтос может сам по себе быть... мифом?!

Тут самое, что называется, «оно», требующее принять во внимание три важнейших смысловых момента: 1) экономика как онтос — такая же принадлежность сознания, ее сферы (ноосферы), как и экономический гнозис (тут сознание как гнозис имеет дело тоже с сознанием, пусть уже и онтологическим), отчего весь экономический онтос

со всеми своими «потрохами» в виде денег, цен, капиталов, инвестиций, банков, кредитов, доходов и т. д. сидит не где-нибудь, а прямо в сознании, в головах людских, в их мозгах и в их памяти; 2) сознание — сплошной метафизис со всей своей атрибутикой: словом, языком, смыслом, мыслью, памятью, а потому и экономика — сплошной метафизис (что, спрашивается, в экономике, ее деньгах, ценах, капиталах и т. д. во всей этой цифири собственно физического, кроме иной раз используемых материальных носителей того или иного практического экономического знания?); 3) экономике, как и сознанию, присуща работающая (творящая) трансценденция, когда нечто рождается если не прямо из ничего, то уж из творящего хаоса — точно!

Приняв во внимание три вышеуказанных момента: сознание, метафизис и трансценденцию, мы получаем не что иное, как самотворящее *спиритуально-идеально-информационное поле*, не только не лишенное внутренней тайны, но ею прямо-таки переполненное, из чего мы можем заключить, что экономика — самотворящее нечто, которое всё вроде бы на виду, но которое при этом и всё где-то там — в неизвестности, причем в неизвестности немало «думающей» и премного «решающей», а потому наше *самотворящее нечто* всегда и *самотворящее ничто*.

Столкнувшись со всем этим вполне «темным», загадочным и по-своему весьма чудесным, наука не нашла ничего лучшего, чем свалить всё ей непонятное на «рынок», так и не разобравшись ни в том, что, собственно, есть «рынок», ни в том, как же он все-таки «работает», «думает», «решает».

А всё почему? Из-за амбициозного триумфа физикалистского материализма, пытавшегося тратковать нечто метафизическое чисто материально-физически, игнорируя факт присутствия экономики в сознании, в ноосфере, в метафизисе, в трансценденции, и сводя все «работное» в экономике к неким объективным самореализующимся законам, непременно почему-то субъектами и общественным сознанием исполняемым, как это принято в том же мироздании, с которым и сравнивалась физиообразная-де экономика, для пущей важности сводившаяся к пресловутому «рынку».

В экономике ведь думает и решает вовсе не «рынок», а... *сама по себе экономика*, причем во всей своей осознаниенно-трансцендентной целостности и полноте, примерно так же, как думает и решает сознание, разум, интеллект, мозг, учитывая при этом любые объективные обстоятельства. Экономика реализует себя как особого рода *социально-осознаниенное счетно-решающее устройство*, в котором действующими элементами служат индивидуальные экономизированные сознания, а общей действующей матрицей — экономизированная ноосфера.

Итак: трансцендированная внутри себя работа социального экономического сознания, вполне думающего и решающего, непрерывно вгоняющего в социальную людскую память мысли-решения в виде тех же денег (их ценности), цен (их оценок), капиталов (их величин, структур и направлений движения), как и всех остальных экономических параметров.

Все экономические параметры с их текущими значениями — плоды текущего творчества экономики, весьма от наблюдателя закрытого и трансцендентно, ему не слишком

известного. И хотя известно тут вроде бы многое, да вот не всё, далеко не всё, *самое-самое* всегда остается где-то в тени, в «черном ящике», в криптосфере. И нет ничего удивительного в том, что в экономическом онтоесе мы замечаем не меньшего мифотворца, чем в том же экономическом гнозисе.

Онтологический миф!

Ничего себе, — удивимся мы вновь! И если это все-таки так, то что же всё это значит в аспекте непосредственной мифологии: как понимать сие странно-объективное мифотворчество?

Если всё действительно так, то приходится неизбежно заключить, что объективная реальность, а в данном случае — экономическая реальность, оказывается необходимо прикрытой вполне объективной же ирреальностью, не то чтобы скрывающей и искажающей реальность, что имеет-таки место, а вполне по-особому — ирреально, условно, преломленно — представляющей наблюдателю текущую вокруг реальность, подсовывая ему не точно-реальное, а искаженно-ирреальное мифообразное представление.

Отсюда непременно выходит, что гносеологическое мифотворчество питается не только самим собою, но и онтологическим мифотворчеством, а потому мифология тут, как минимум, двойная: сначала онтологическая, а затем и гносеологическая, а в результате — *большой экономический миф*, в гуще которого как раз и бытует умно-разумный экономический субъект, сам превращающийся в... *ходячий (хозяйствующий) миф*.

Ничего в экономике собственно механического, ничего собственно организменного, ничего даже и собственно

системного (как обязательной, неперменной и воспроизводящейся онтоконструкции), хотя что-то похожее на все это вроде бы и есть, однако не как самодовлеющая данность, а как некий ее образный, если не призрачный, двойник, за чем-то вдруг возникающий, вроде дымовой завесы, имеющий в реальности место, но особенно в ней не задерживающийся — ни во времени, ни в пространстве, непременно изменяющийся, как и непременно исчезающий — вроде тех же страннических облаков.

Сама экономика и есть миф!

Ничего в экономике особенно определенного, устойчивого, несомненного, а все какое-то колеблющееся, обманчивое, мнимое, мало того — вроде бы известное, но при этом и весьма неизвестное — как какие-нибудь дремучие (дрёмные) леса, нависшие над землей густые и переменчивые тучи, разлитые по земной поверхности бескрайние моря, ну и те же копошащиеся в самих себе обезжизненные мегаполисы, в общем — *реальность-миф* и *миф-реальность* в едином бытийно-событийном круговороте.

Легче всего, говоря о мифотворности экономики, указать на свойственные экономической практике деловые конспирации, обманы, манипуляции, махинации, фальсификации, мошенничества, надувательства, жульничества и т. п. «вещицы», явно свидетельствующие о смутном «чародействе» экономики, ее подобии не просто игре, а игре, сходной с улично-базарной игрой в наперстки. Однако есть и многое другое, вполне вроде бы respectable, как эмиссия денег и ценных бумаг, финансовые и биржевые операции, банковское кредитование и погашение кредитов, ценообразование, продажи, купли и т. п. «экшн», тоже не

лишенные имманентной «загадочности», непременно прикрывающей истинную реальность, ее усложняющей, искажающей, а в итоге — мифологизирующей.

Но суть дела здесь не только и не столько в этих обманно-оптических «штучках», свойственных реальной экономике, сколько в самом что ни не есть «честном» образе экономики, ее как бы и вполне объективной, не зараженной субъективным «чародейством», онтологии.

Вот хотя бы те же современные «пустые» деньги со своей вольноопределяющейся и постоянно меняющейся ценностью, как и со своим неизвестным в обороте количеством, причем, напомним, сидящие прямо в сфере сознания, в головах, мыслях и памяти людских, а не где-то в сторонке от людей и от их сознания, это что — простая объективная реальность или же все-таки реальность-миф, а то и миф-реальность? А та же любая в экономике рыночная-де цена? А бегающие по всему миру инвестиционные капиталы? А ценные бумаги со своими волшебными деривативами? Да и вообще *вся* экономика — то ли она *такая*, то ли она все-таки *сякая*, о которой никакому экономисту-аналитику, не говоря уж об академических ученых и университетских профессорах, просто бывает нечего сказать — определенно-го, точного, ясного!

Сколько сразу рождается всяких, включая и прямо противоположные, «веских» суждений об экономике вообще, о текущей экономике, ее сиюмоментных состояниях и перспективных тенденциях! Много тут рождается суждений, да вот какое же из них оказывается... э-э... истинным? Кто это заранее знает, ежели сама экономика ничего такого не знает? И неужели так уж трудно понять, что экономи-

ка — более *terra incognita*, чем *terra cognita*, но не потому, что бывает недостаточно фактологически изучена, информационно схвачена и гносеологически освоена, хотя это сплошь и рядом (об истинности той же статистики мы уж благоразумно помолчим), а всего лишь потому, что экономика не может быть ни вполне по-деловому изученной, ни вполне показательно представленной, ни вполне изученному постигнутой: это — «вещь в себе», «черный ящик», «тайна за семью печатями», а потому выступает экономика перед познающим ее сознанием более всего как некий *объективный миф* — как *реальность-миф* и как *миф-реальность* одновременно!

И дело тут не только и не столько в невероятной сложности и гигантской масштабности экономики, хотя все это и имеет значение для ее онтологической квалификации, — главное тут в самой природе экономики, ее онтологической трансцендентности, характерного для нее метафизиса, к которому как раз и принадлежит всецело экономика, отчего и не может не быть самым что ни на есть *онтологическим мифом*, за которым неизбежно следует и *гносеологическая мифология* по поводу экономики, а уж следом за ней бежит-бредет весело-уныло уже и *миф о самой экономической гносеологии*, свидетельствующий о ее якобы истинности и действительности, — в особенности в системномодельно-математизированной интерпретации.

Ограничить своевольную экономику как онтос можно, как и можно весьма управлять всей экономической реальностью, а вот полностью заместить экономику как онтос нельзя, да и нечем — такова неодолимая субъективно-онтологическая претензия большого и таинственного фено-

мена, называемого «экономикой», ибо в основании и даже в самом сердце экономики лежит и гнездится не что иное, как *метафизическая субстанция*, называемая *стоимостью*, которая вовсе не только инструмент в руках (точнее, в головах) делового людского сообщества, а и нечто, способное самостоятельно и вполне анонимно «думать», «считать» и «решать», мало того, еще и управлять сознанием, решениями и действиями вполне уверенных в себе и своей непогрешимости агентов экономики, не говоря о величинах и динамике экономических параметров, на которые обычно ориентируются и влияют экономические агенты, — и вот эту-то субстанцию, вполне, повторим, метафизическую, как и в меру трансцендентную, как раз ничем и никогда, пока есть и пока допустима экономика, никому не заменить!

А что, разве плохо осознавать, что деньги — *миф*, цены — *миф*, капиталы — *миф*, банки — тоже *миф*, вообще вся экономика — *миф*, а еще при этом и помимо этого — грандиозный, вполне и онтологический... *блеф*, — а-а?

P.S. Хочешь «жить по человечески», будь экономическим человеком — игроком, мифотворцем и мошенником, а уж если хочешь стать «настоящим человеком-победителем» — непрерывно *играй в миф* и неустанно *блефуй*, вполне тоже *мифотворно*!

Экономика как магическая цифирь

Никакого искажения истины или неоправданного преувеличения значения цифры сравнительно со словом, тем более — смыслом, в утверждении, что экономика, полная вроде бы смыслов и слов, вполне сводима к цифре, которой как раз и подчинены в экономике все ее слова и смыслы... никакого искажения и преувеличения... нет!

Главное место в экономике принадлежит именно *цифре*. Факт! Какой же тогда цифре? Разумеется, экономической. Это какой же именно? А той самой — *стоимостной*, которая конституирует не что-нибудь, а цену — на товар и на деньги, которые тоже товар, но товар особенный, способный к обмену на любой вообще товар, мало того, представлять собою абстрагированную от мира товаров «голую», или же «чистую», товарную ценность — уже ценность как таковую, а потому и быть не просто товаром, а именно товаром-деньгами.

Товар, цена и деньги — исходное фундаментальное *троечленство экономики*, когда благо-товар оценен деньгами и в деньгах, цена на товар оденежена, деньги тоже оценены... и тоже прямо в деньгах, но при всем при этом деньги в массе своей ценностно и количественно непременно отоварены (соответствуют так или иначе массе оцененных и оденеженных товаров — настоящих, или реализующихся, и частью будущих, еще только ожидающих своей реализации).

Товар как обмениваемое благо — в самом изначалье экономики, за товаром являются деньги — как всеобщий товарообменный эквивалент, а вместе с деньгами и появляются однеженные цены товаров.

Что в благое-товаре экономического? Нет, вовсе не само по себе благо, а как раз его... *товар-ность*, выраженная в деньгах и деньгами же оцененная, а потому любой товар с экономической точки зрения — *однеженная ценность*, что то же самое — однеженная цена или денежная ценовая величина, выраженная не более и не менее, как в денежной... *цифре*, восходящей к денежной оцифренной мере — *денежной единице*, к ее единичной ценностной величине — априорно оцененному и апостериорно оцениваемому денежному числу.

Отсюда любая товарная цена — денежно-оцифренное число, а любая сумма денег — то же самое, что и цена, только уже не цена товара, а некая массовидная ценностная купность. И выходит вдруг, что денежно-ценностная, денежно-ценовая и денежно-купная цифирь оказывается чуть ли не объектно-объективной, не грешащей и кое-какой экзистенциальной самостоятельностью... *субстанцией*, во всяком случае, феноменальной выразительницей стоимостной субстанции, производимой, однако, человеческими головами, в них сидящей и их — эти головы — никогда не покидающей, следственно, субстанцией идеальной, когнитивной, мыслимой, памятной.

Цифирь и *субстанция*, но при этом и субстанция как цифирь и цифирь как субстанция: без того и другого в единении они — цифирь и субстанция — попросту не суще-

ствуют. Цифирь и субстанция всегда вместе, они — одно целое, как раз и называемое *стоимостью*.

Как работает стоимость, выбрасывая на экономические гора цифры и числа, в которых и за которыми деньги, цены, капиталы, инвестиции, кредиты, доходы, вообще всё экономическое, — и ничего на экономической поверхности нет, кроме цифр и чисел?

Ясно, что стоимость работает в сознании и в ноосфере, через них, а потому обладает способностью думать и решать, собирать и обрабатывать разнообразную информацию, индуктировать и дедуктировать, включать интуицию, погружаться в герметичку и трансценденцию, проявлять способность синерго-негэнтропийных возвышений и взлетов, в общем — держать в себе и при себе сразу всё и это всё вгонять в свою стоимостную цифру-оценку, в то или иное стоимостное число, в тот или иной денежно исчисленный, пусть частенько и вынужденно, стоимостной параметр.

Однако легко сказать, что во всем этом виноваты сознание и ноосфера, но ведь как же все-таки такое экономическое исчисление совершается в обществе, в товарном мире, в экономическом пространстве, пусть и умным сознанием и заумной ноосферой? И отвечая на этот вопрос, примем во внимание, что никакая сознательная воля из единого центра ничего особо для всех субъектов, акций, отношений, случаев и сюжетов не рассчитывает, что всё общественное исчисление идет по преимуществу *само по себе*, стихийно, что ставит также вопрос и о реальном соответствии всех числовых параметров, на глазах у экономистов всех мастей возникающих, бытующих, изменяющихся, а то вдруг и исчезающих как раз с глаз долой.

И ежели всё это так, то тогда всё якобы решает излюбленные теоретиками и боготворимый практиками «рынок», так и остающийся пресловутой «terra incognita» в аспекте дефинитивной своей экзекуции, а на самом-то деле решает *вся* экономика, в сердцевине которой сидит «живая субстанция» по имени *стоимость*, за которой и следует признать способность не просто абстрактно-стихийно-трансцендентно думать и решать, используя сознание и ноосферу, но и... Sic!.. реализовывать какую-то специфическую *программу*, возникающую в экономическом поле, в нем бытующую и выполняющую роль синерго-негэнтропийного аттрактора, этакой ведущей идеи, если не какого-то матричного замысла.

Всякое древо ведь исходит из зернышка, а что такое зернышко, как не свернутая в сингулярную точку протоили предпрограмма любого вырастающего древа?

И в экономике как целом экономическом мире тоже есть свое зернышко (тут уместно вспомнить о Марксовой «клеточке»), из которого весь этот экономический мир и исходит — развиваясь, усложняясь, обогащаясь, плодонося, ну а со временем и усыхая, и обламываясь, и умирая — частями, конечно, а не всем своим «бренным телом» сразу.

Стоимость — вещь не простая, она вовсе не сводится ни к единичным товарообменам, ни к деньгам и их конкретным суммам, ни к разбросанным по товарному миру ценам, ни вообще к каким-либо имманентным моментам экономики — она сразу и повсеместно во всей и по всей экономике, как раз и вырастающей, как чудо-дерево, из стоимостного зернышка и воплощающейся в ветвистом стоимостном древе: отдельный момент (элемент) и целый мир из моментов

(бескрайнее энерго-информационное, вовсю и оцифренное, размерно-вычислительное поле) — упорные и неразлучные заединщики, ибо они, надо особо заметить, прямо из *метафизиса*, где и не такое возможно, как и вовсю бывает — *вне времени ведь и пространства!*

Вернемся к триединому основанию экономики как целостности: товару с товарообменом, деньгам как воплощению абстрактно-всеобщей товарной ценности и цене как оденеженной товарной мере. Здесь, в этом троичленстве, вся экономика со своей реальной программой и сидит — остается лишь пройтись по всему экономическому полю-пространству, чтобы попытаться уловить, если это вообще возможно, как же это вдруг программа сия в бескрайнем поле-пространстве реализуется?

Товар к товару, деньги к деньгам, цены к ценам, как и товар к деньгам и цене, деньги к товару и ценам, ну и цена к деньгам и товару, а в итоге — бескрайняя товаро-денежно-ценовая *полевая сеть*, вполне общественная, или *мировая*, то бишь экономика в своей великой беспредельной целостности. Сеть, конечно, осознаниенная, оноосференная, как и, разумеется, обинформационенная, мало того — *опрограммленная*: программа здесь оборачивается каким-то чудом от программы триединого стоимостного зерна в программу всего ветвистого и плодоносного экономического древа.

«Рынок», если все-таки признать его существование в безграничной и *вовсе в целом не в рыночной*, а в какой-то *другой*, а попросту в *экономической* среде — совсем не искомая нами программа, ибо «рынок», как и экономика в целом, не более чем реализаторы такой программы, заложенной в триедином зерне и лишь становящейся с неизбежно-

стью программой всей экономики как общественной целостности.

Товар, деньги, цены. Но ведь и *сознание с ноосферой.* Остается указать еще на одно обстоятельство — на *субъекта*, владеющего сознанием и его направляющего, а также погруженного в ноосферу и в ней действующего, — как раз на *экономического субъекта* — непосредственного творца товара (товарности), денег и цен. И ежели есть в изначалье экономики «зерновская» программа, а в полной экзистенции экономики — «древовская», то они — обе эти субпрограммы — могут зародиться только в людских головах и ими же — этими головами — исполняться, а потому и быть субъектно-субъективными программами, а соответственно — когнитивными, пусть и не без доли кое-какого «здорового безумства». Экономический субъект — создатель и реализатор обеих экономических программ, служащих аттракторами для реализации экономики поначалу как измененного зародыша, а затем и как целостного мирового организма.

Экономический субъект — собиратель, приёмник, переработчик, передатчик, производитель самой разнообразной информации, из которой выделяется, естественно, экономическая — в основе и в главном стоимостная, обретающая в основе и в главном необходимое денежно-цифровое выражение.

От субъекта к субъекту, то бишь от очага к очагу, движется экономическая информация, — при этом не так уж и важно, достоверная ли, не очень достоверная или даже совсем и не достоверная, — а в итоге формируется *субъектно-очагово-информационная сеть* — она же и *целост-*

ная экономика. В сети этой, чрезвычайно гибкой, подвижной и деятельной, образуются свои, уже генетически и целостно сетевые, творческие информационные очаги, выдающие уже некую межсубъектную, как бы уже и объективную информацию, отражающую потребности не только сетевых единиц, а и сетевых совокупностей (местных, отраслевых, секторальных), но уже не субъектов как таковых, а, скорее, их образов (призраков), представляя не так уже субъектов, как попросту некие активные сетевые информационные субъектоподобные сгущения (как бы и «рыночные»).

Каждый субъект посылает в экономическое сетевое информационное поле свою информацию, в особенности денежно-цифровую; информация от субъектов в виде прежде всего вольноопределяющихся цифр включается в общую мировую информацию, получая или не получая признание от сети, а ежели все-таки получая, то либо прямо становясь достоянием действующей сети, либо же с какой-то их сетевой корректировкой; дальше сеть работает уже сама и, что самое интересное, не без активного участия не чего-нибудь, а... *ноосферной трансценденции*.

Чем дальше в познании того же мозга, — говорят его научные исследователи, — тем менее мозг им понятен. То же самое можно сказать и об экономике («рынке»): чем дальше в научном познании экономики, тем менее дражайшему научнику она понятна. А в чем же тут дело? Как раз... э-э... в *криптосфере*, занимающей свое почетное место в мире экономики, в его — этого мира — «темной материи», в некоем «черном ящике», размещенном где-то в глубинной сердцевине экономического мира.

Да-а, здесь великая загадка: как же это в общем-то весьма случайная, а то и несуразная, индивидуальная микроэкономическая цифирь превращается во вполне взаимообусловленную и взаимоприемлемую, хотя и не без участия все тех же случайностей и несуразностей, общественную макроэкономическую цифирь? Тайна! Тайна метафизиса — спиритуального, эфирного, не обязанного ни времени, ни пространству, ими никак не связанного, совершенно вольного, хотя и считающегося с жесткой бытийной реальностью. В случае с экономикой речь не идет и не может идти об Абсолюте, а потому мы ограничимся просто указанием на вольный метафизис, в который погружены сознание, слово, мышление, мысль, память, ну и цифирь всякая тоже. Экономика — не физис, в ней нет ничего материального, а потому она работает, не располагая, кстати, ни одной воистину *постоянной величиной*, вовсе не физически, а как раз метафизически — как бог на душу положит, а душами тут не только души субъектов, но и «душа» всего социоэкономического мира.

Экономика — «море-окиян», который либо примет информационный к нему субъектный месседж, либо отвергнет, а если примет, то непременно запустит его в глубинную, — как раз метафизическую, весьма и трансцендентную, — переработку, а потом выдаст на феноменально-функциональную поверхность, обычно весьма и волнительную, уже свой собственный месседж — как раз для информативных ловцов-субъектов, которым ничего не остается, как с «море-окиянским» мнением-посылом считаться, не прекращая ни на миг своего собственного, в меру и не в меру произвольного, месседжирования.

Первоэкономическая, она же поначалу и квазиэкономическая, цифирь вбрасывается в реальное сетевое информационное экономическое *поле*, которое одновременно и *поток*, где цифры между собой активно взаимодействуют, примериваясь, согласуясь между собой, как и друг от друга неприязненно отталкиваясь, изменяясь в своих ценностных значениях, превращаясь в другие цифры, мутируя, а потом все они выскакивают дружно на обозрение всему свету — уже как обработанная целостной экономикой конечная и действительная экономическая цифирь, что не значит, что совершенно не случайная, что вовсе верная, что вполне справедливая, а что значит всего лишь, что экономическим полем-поток и его субъектами *принятая*.

Вернемся теперь к нашим программам, заложенным в экономике и ею реализуемым. Не трудно догадаться, что программы сии восходят к... *стоимости*, разумеется, как к *вещей субстанции*, способной, будучи производной от голов человеческих, так ими реактивно овладевать, что им — этим головам — не остается ничего другого, как неуклонно реализовывать *экономические программы*, о которых у нас как раз и идет речь. Ничего иного этим стоимостным головам попросту не светит и не дано!

Магия стоимости!

Идея, замысел, исполнение.

Простор!

Но и жесткие ограничения — прямо от природоэкономического контекста, от хозяйства, от бытия.

Стоимость — нечто (не)бытийное в (не)бытии!

Небытийное в бытийном, как и бытийное через небытийное.

Стоимость не только творится человеком, сознанием, умом, не только удерживается в людской памяти, не только гуляет по ноосфере; она и сама творит — через общественное сознание, в ноосфере, внедряется и в коллективную память; но это не все: стоимость творит ум, сознание человека, надо всем этим немало и... *властвуя*.

Да, человек экономический запускает в свое же бытие экономическую программу, не слишком это, пожалуй, и осознавая, но затем уже сама программа творит для себя и в себе же программу, используя все того же экономического человека, доводя дело до полного расцвета экономики и верного поглощения ею всего человеческого сознания.

Экономическая цифирь рождается в головах людских, там она и удерживается, изменяется, и, если хотите, развивается, но при этом цифирь сия творит и саму себя, ведя за собой своего прародителя — человека.

Экономика со всей своей вездесущей стоимостью и неограниченным числом субъектов — гигантское безразмерное *счетно-решающее устройство*, результатом работы которого являются не только реальные деньги, цены, капиталы, инвестиции, кредиты, доходы и т. п. экономические, вполне и оцифренные, вещи, но и сама по себе целостная экономика, ее собственное жизнеотправление.

Итак: *цифирь* — *реальные и мнимые числа* — *матричные пропорции*, и все это как-то устанавливается, поддерживается, учитывается, считается, преодолевается, уничтожается, исчезает, откуда-то вновь является; круговорот экономической цифири; постоянный экономический счет-расчет; экономическая математика; *жизнетворчество* экономики.

Да, часть цифири явно продуцируются человеком — экономическим субъектом, зато другая часть воспринимается хозяйствующим человеком как *сама-себе-цифирь* — независимая, самостоятельная, самодовлеющая. Счет-расчет имеет дело и с той, и с другой цифирью, а по преимуществу — именно со второй, как бы уже и объективной («рыночной»-де).

И каким же великим оказывается соблазн, непременно рождающийся в абстрактных головах рационально мыслящих homo sapiens, сознательно подверстать *всю* экономическую цифирь как бы под саму себя, а на самом-то деле — под абстрактно-рациональное воображение самого homo sapiens, да так подверстать, чтобы всё цифирное царство оказалось в полном согласии с самим собой: денежки к денежкам, цены к ценам, капиталы к капиталам, инвестиции к инвестициям, кредиты к кредитам, доходы к доходам и т. д., а всё это вместе — *друг к дружке!*

И верстают, знаете ли, и рассчитывают, и согласуют, и формуют, и моделируют, и строят, правда, в воображении своем да на бумаге, мало того — славу и почет имеют, ученые степени, звания, награды, премии, ну и, конечно, гранты, гранты, гранты... опять же лекции, доклады, выступления... да всё со слайдами, да «по-аглицки», да на птичьём, никому особенно и не понятном, профессиональном-де наречии, да за хорошее вознаграждение — вполне экономическое, то бишь денежное. А воз, как говорится, и ныне там: ничего путного из всего этого не выходит, хоть и выходит затейливая, вполне занятная и весьма доходная «игра в бисер».

Стоимость как тотальная субстанция и весь ее глобальный цифирный мир — неуловимы, никак *в целости* сознательно не рассчитываемы и не моделируемы, никакой общей придуманной цифирью не заменимы. Практический стоимостной счет-расчет, осуществляемый и осуществляющийся в среде действующей экономики — *одно*, вполне реальное и действующее, а вот абстрактный счет-расчет *за* экономику — *совсем другое*, вполне нереальное и недействующее.

Правильно подметил не без злого сарказма широко известный и очень большой финансовый воротила, он же и совершенно очаровательный мошенник, что экономика, в особенности в своей финансовой части, есть не что иное, как... *алхимия*; и сколько бы ни бились алхимики над «философским камнем» или тем же «золотым тельцом», сами вещицы эти в руки и головы алхимиков не идут, зато вдруг идут, ежели довериться вещей *трансценденции*, которая всё сама и решает, более того — приносит и экономическую удачу, однако вовсе не всем, а лишь... *супералхимикам*.

Экономика — стоимостная цифирь, живая и магическая, которую экономические алхимики не могут заменить никакой своей цифирью — рациональной и мертвой, но зато которой супералхимики всю пользу получают — как раз хорошо экономически подготовленные, чертовски хитроумные и донельзя удачливые!

Экономика как (не)управление

Экономика как экономика есть не что иное, как **царство стоимости** — с ее деньгами, ценами, капиталами, кредитами, инвестициями, доходами и т. п. феноменально-фактическими, но при этом как бы (*не*)реальными (реально-нереальными, или же нереально-реальными), вещами.

Стоимость — вовсе не только *оценка*, выражающаяся в денежных ценах на товар (не в цене товара, как обычно кажется, а именно в цене *на* товар!), это и некая идеальная (виртуальная) *масса ценности*, выражающаяся в той или иной сумме денег, ими же самими — деньгами — массовидно и оцененными. Деньги оценивают самих себя, затем они оценивают товары, а затем и массы денежной ценности (заклученные в капиталы, инвестиции, кредиты, доходы и т. д.), но при этом они — деньги — меняют во времени и в пространстве свою текущую ценность, неустанно и повсеместно переоцениваясь под давлением собственных же ранее ими совершенных всего и вся оценок.

Все это совершенно чудесное стоимостное действие возможно вследствие того, что стоимость — принадлежность сознания, когнитива, ума, разума, включая, разумеется, и безумие, а потому она способна являться на свет как бы из самой себя, ибо сознание со всеми своими психокогнитивными атрибутами вроде мыслей, слов, смыслов, цифр, чисел, счетов-расчетов, интуиций и т. д. — вполне прямо от себя, от своей созидательно-разрушительной относительно самого же себя синерго-негэнтропийной, но в то же время и диссипативно-энтропийной силы.

Обретая саму себя, стоимость обретает себя и как особого рода самодействующую идеальную субстанцию, способную и как бы к самосуществованию, мало того — к превращению сознания, занятого стоимостью и экономикой, в *стоимостно-экономическое сознание*, действующее хоть и в сознании вообще, через него и в его сфере, но при этом и действующее как некая самостоятельная, чуть ли не объективная, хотя и управляемая в целом сознанием, авторитарная самодовлеющая сила — неявная, невидимая и даже в меру и не в меру *трансцендентная*.

Никакого *стоимостно-экономического сознания* вне сознания вообще нет и быть не может, но вот проявлять себя в качестве авторитарной самодовлеющей силы, пусть в целом осознаниенной и самой сферы сознания не покидающей, стоимостно-экономическое сознание вполне себе позволить может.

Итак: стоимость в сознании и из сознания, она воплощается в *людской мысли* и удерживается в *человеческой памяти*, а потому она не может не управляться сознанием, ее порождающим, делающим и, при необходимости, увыв, умерщвляющим; стоимость, однако, не может при этом не самоуправляться, обладая своим собственным исходным и функциональным мотивом бытия — как раз экономическим, и, будучи так или иначе самодеятельной идеальной субстанцией, не обеспечивать существование всей своей экономической факто-феноменальной рати: денег, цен, капиталов и т. д.; сознание вообще не может не использовать стоимость со всей ее деятельной экономикой в жизнеотправительных (хозяйственных) целях, а потому не может не управлять стоимостью и экономикой, исходя также из стоящего перед сознанием сонма жизненноважных *неэкономиче-*

ческих задач; стоимость, как и вся экономика, не может, со своей стороны, не блюсти свои созидательно-разрушительные способности и возможности, не соблюдать свои собственные интересы, а потому, идя навстречу сознанию вообще, занятому не одной экономикой, не может авторитарно и эгоистически не самоуправляться.

Здесь присутствуют, как нетрудно заметить, не одни лишь противоречия, противостояния и противоходы, а имеет место и самая настоящая противоборьба, пусть и находящая внутри себя охранительные, переменные и прогрессные компромиссы, причем не только между экономикой и жизнеотправительным контекстом, что понятно, но и между стоимостью как исходным творящим началом и той же практической экономикой со всеми ее текущими параметровыми атрибутами — вовсе не добровольно-механически следующими за стоимостью, а способными ей активно сопротивляться, даже ее саму немало корректируя.

Итак: власть стоимости над экономикой и корректирующее сопротивление сей стоимостной власти со стороны экономики; власть самой экономики над жизнеотправительным контекстом и изрядное корректировочное противодействие контекста этой экономической власти.

Управляющий стоимостью субъект управляет основным и вообще многим в экономике, но все-таки не всем, ибо стоимость с экономикой обязательно самоуправляются в своих собственных интересах, учитывая при этом и влияние на себя всего жизнеотправительного контекста.

Экономика — некий «змеиный» клубок, в котором сплелись всяческие управления и самоуправления, допускающий при этом и интегральную стихию в движении экономики, выражающую собой феномен не какого-то особого

самуправления, хотя это и так, а самого что ни на есть (Sic!)... *неуправления!*

Сей замечательный *феномен неуправления* почему-то охотно не замечают и о нем в общем-то не говорят, а ведь он *есть* и играет настолько значительную роль, что порой бывает вполне уместно задаться вопросом: «А управляется ли вообще экономика как “полное целое” или же она течет себе и течет — на свой страх и риск, а всякое там осознанное и неосознанное управление, включая и заявочное самоуправление, оказывается не более чем моментом не так тотального управления в экономике, как ее — экономики — *тотального неуправления?*».

Интересный вопрос, не правда ли — и гораздо более значимый, чем можно подумать при бегло-первичном с ним ознакомлении?

Насколько экономика управляется — как осознанно и волево, так и бессознательно и стихийно, настолько она и не управляется — как бы свободно расплываясь вширь и вглубь среди безграничной неизвестности.

Вот откуда и наше незаурядное заглавное «*Экономика как (не)управление*»: вроде бы вокруг в экономике управление, включая и самоуправление, но в то же время и растущее в своем ролевом и даже экзистенциальном значении... *неуправление!*

Очень это, согласимся, любопытная вещь — *неуправление!*

Любой боевой конь управляется всадником, но и он — конь — весьма при этом самоуправляется, пусть, как правило, и не очень заметно, но зато конь вдруг превращается прямо-таки в неуправляемого буйного монстра, ежели его — коня — вдруг, как говорят в таком разе, понесет; так вот и экономика, которая хоть и не конь, но зато явно кое-

какой монстр, которого тоже вдруг зачем-то куда-то несет, хотя и не так буйно и броско, как боевого коня, даже почти что и незаметно, но тоже ведь... *несет*, причем незнамо куда, до каких пределов и до каких пор.

Экономика — то еще беспределье, как раз и делающее экономику именно экономикой — этим «морем-окияном», способным к не контролируемому ничем — ни людской волей, ни волей «хода вещей», ни волей неизвестности — неуправляемому самодвижению.

Не надо думать, что ежели в экономике творится что-то нежелательное, несуразное, а то и попросту бестолковое, то это всего лишь какой-то нелепый сбой в работе экономики, случайная ошибка, какое-то внезапное отклонение от нормы — нет, не в этом тут суть дела, хотя все это и этому подобное в принципе возможно и в реальности постоянно происходит, — тут важно уяснить другое: таким вот неуправленческим образом творится, во-первых, и все «хорошее» тоже, а во-вторых, иначе оно твориться и не может — *только через неуправление*, которое обычно связывается со стихией, что в общем-то правильно, а лучше бы связывать с... *творящей неизвестностью*, что, может, по-ученому и неправильно, но зато весьма верно.

Посмотри вокруг, читатель, и увидишь вдруг, что все вокруг тебя старательно и волево управляется, что все вокруг при этом упорно и чуть ли не стоически самоуправляется, но и что все вокруг тебя, да и ты сам, непременно и весьма вольно... никак и *не* управляется, а в целом или в интеграле как раз — *(не)управляется!*

Экономика тут вовсе не исключение, хотя и делает вид, что она, весьма субъектно-субъективно управляясь, не более чем в меру самоуправляется — и все! — а на самом-

то деле она весьма немало попросту и *не* управляется, а так, прет себе куда-то и все тут, а то и на месте упрямо топчется, тоже ведь при этом никак *не* управляясь.

Феномен и эффект *неуправления* — не более чем некое *ничто*, переходящее в какое-то *нечто*, или же не менее чем некое *нечто* — из полного, знаете ли, *ничто*!

И что же? А ничего, ровным счетом ничего, ибо тут работает наичистейшая, наичестнейшая и наивернейшая... *трансценденция*, по поводу которой и голову ломать не стоит, ибо сама голова в общем-то такая же... э-э... *трансценденция*, а ежели голову и заломит иной раз, то не из-за головы как таковой, а как раз из-за... *неголовы*, которая тоже, оказывается, есть и тоже зачем-то иногда побаливает... без всякой при этом заметной хвори!

Чепуха тут какая-то! Факт, именно так и есть — полная *чепуха*, вполне и не подвластная ни разуму, ни логике, ни физике с математикой, а ведь всю работу, никак себя, кроме как через состояния самой фактологической реальности, не показывающая и не обнаруживающая.

Трансценденция — которая правит в экономике свой прямо-таки бесовский бал, вызывая приливы и отливы, волны и завихрения, уплотнения и дыры, подъемы и спады, процветания и кризисы, а главное — безудержное стремление всей экономики куда-то вперед: больше, дальше, еще больше, еще дальше!

Обрати, читатель, свой взор на современную экономику, подмявшую под себя почти все людское жизнеотправление, наполнившую живой человеческий мир мертвенно-бледной, хотя по-своему тоже живой, стоимостной цифирью, заставляя человека природного эту чудо-цифирь

непрерывно считать, что-то высчитывая, пересчитывая и засчитывая, непременно при этом и просчитываясь, — и благодаря этой цифири принуждена быть, выживать, даже немало и благоденствовать, а то и попросту непринужденно процветать, пусть и раболепствуя перед сей чудесной цифирью, из-за нее болезненно страдая и по ее же поводу здоровски беснуясь — вплоть до полного самоотречения.

Да, человек экономический (не натуральный вовсе, а именно экономический, всюю уже неестественный, вполне уже и математический) управляет вроде бы всей стоимостной цифирью (ее числами, величинами, массаами), но, во-первых, он видит, что цифирь эта ухитряется как-то и самоуправляться, то бишь управленчески чуть ли не объективироваться, становясь в той или иной мере от человека мыслящего и решающего весьма независимой (очарованно-разочарованный человек при этом лишь упорно кивает, греша перед истиной, на... «рынок», не зная толком, что же это такое — *рынок*, разве лишь видя перед собой его благой образчик в виде какого-нибудь багдадского базара или того же одесского Привоза), а во-вторых, человек вдруг замечает, что не так уж именно он управляет всей стоимостной цифирью, как эта последняя им — *человеком!* — управляет, немало над ним издеваясь и втихомолку посмеиваясь.

Не цифра тут раб у человека, хотя вроде бы это и так, а человек здесь раб у цифры, хотя это вроде бы совсем и не так.

На вопрос, управляема ли сегодня человеком разумным экономика или же не управляема, не так-то и просто однозначно ответить, кроме разве уклончивого, а потому и

никакого — «да-нет»: вроде бы управляема, но... как будто бы... и не управляема.

Да, экономика ныне, весьма уже оторванная не только от «золотой», но и натуральной реальности, вряд ли воистину и в целом управляема человеком, ибо она сама более управляет человеком, тоже ведь весьма оторванным от реальности, включая и собственную. Уж не закон ли здесь кое-какой настырно вылезает, столь вообще любимый учеными как имманентный феномен реальности — закон управления решениями, действиями и поведением экономического человека со стороны самой (не)управляющейся экономики. В самом деле, какой-то министр экономики в действительности управляет национальной экономикой, как и какая из экономик не управляет в действительности самим министром, а-а?

Не экономика сегодня во власти человечества, а человечество сегодня во власти экономики, причем человечество и экономика ныне — *одно и то же!*

Говорим «человечество», подразумеваем «экономику», говорим «экономика», подразумеваем «человечество», — не более и не менее!

Помимо власти Уолл-стрита над мировой экономикой и мировым человечеством, пусть и власти могучей, хотя и не абсолютной, есть еще власть экономики над Уолл-стритом и всей мировой экономикой, не исключая и власти над человечеством, причем власть эта тоже могучая, еще и неограниченная.

И трясет ныне человечество от властолюбивой экономики, да и сама торжествующая экономика трясется не только от себя самой и того же нагло-неуемного Уолл-

стрига, но и от трясущегося уже вовсю от этой экономики благодарного ей человечества.

Вот она — роковая *полилектическая апокалиптика!*

И полная, или же почти полная, выходит тут на белый свет *черная безысходность*: ни одна из сторон и сил сего судьбоносного конфликта не может перестать имманентно содрогаться и сообщить *экономике-человечеству* достаточно сильный оздоравливающий тычок, а как было бы надо!

Варианты: 1) пусть все идет, как идет, что большинству из трясущегося неизвестно от чего экономического человечества вполне и достаточно; 2) попытаться что-то предпринять в плане управления экономикой-человечеством из глобального (того же уоллстритовского) центра, чего, кажется, осознал старина Трамп, да не осознает глобальная финансово-информационно-технологическая элита, доверчиво и страстно ждущая лишь нового рывка научно-технического прогресса, за которым последует-де привычное для экономики разрешение: спрос, подъем, процветание, усиление империального господства глобального эксплуататорского ядра над всем планетарным миром; 3) расчленение глобальной мировой экономики и всего человечества на большие, в меру и автаркические, анклавные, оснащенные уже своими собственными управленческими центрами, способными взять под ограничительный, хотя и неизбежно ограниченный контроль взбесившуюся глобальную экономику и само трясущееся бытие человеческое.

Нам, никудышным российским простецам, ничего не остается, как пойти по третьему варианту-пути, разумеется, в паритетном согласии с другими партикулярными анкла-

вами вроде азийско-китайского, азийско-индийского или того же азийско-индокитайского.

Нет, конечно, россияне ныне не настолько наивны, чтобы вполне доверяться дифференциальным «партнерам», но... делать-то все равно нечего — надо развивать и усиливать Россию, ее хозяйство и экономику, вкупе как раз с теми, кто нуждается в союзе и сотрудничестве с Россией и готов соблюдать взаимное согласие, пусть и компромиссное.

Хорошо говорить, да вот как все это сделать, ежели вовсе не все тут зависит от мудрого управляющего сознания, а подчиняется почему-то бессознанию, стихии, даже и безумству, не говоря о корысти и коварстве, как и той же неведомой, своевольной, и победной трансценденции?

А делать-то все равно что-то надо: идти, творить, рисковать, причем, вооружившись метанаучным знанием о реальности, бытии, истории, о человеке и человечестве, о той же Великой Неизвестности, как и о том же неоднозначном и своенравном управлении, которое мало того, что во многом самоуправление, но еще и всегда *неуправление*, хорошо представляя себе при этом, что экономика в управленческом разрезе — не что иное, как... *(не)управление!*

Сложно, вязко, отвратно, да и вообще не очень-то и возможно, а идти-то надо, творить надо, рисковать надо, памятуя, что Россия ныне хоть еще и *в* концептуально-экзистенциальном кризисе, но уже и... *из* кризиса — в гору, а потому сплочение ей скорое, прочное и гибкое нужно, да не так перед лицом враждебного контекста, как перед *самою собою*, что всего как раз и труднее — осознать бы это и не прозевать исторического шанса, который на метафизическом уровне для России сейчас и просвечивает!

Экономика как долговая фишка

Вся онтологическая прелесть *экономики как экономики* вовсе не в производстве и потреблении благ, как это кажется экономической науке, а вслед за нею и многому обывателю, да и вообще не в благах и не в составленных их них богатствах, а в особом субстанциального характера сознаниево-когнитивном счетно-решающем поле — *стоимостном*, или *денежно-ценовом*, опосредствующем, оплодотворяющем, организующем и ведущем собственно производство и потребление благ, их накопление и разного рода посредническое либо конечное применение.

Если экономика и реально существует, то уж не в составе трудо-вещно-предметного мира, как раз производственно-потребительного, где она лишь идеально-виртуально присутствует — как звано-незванная гостья, а непосредственно в сознании человека, в его уме и памяти, в его голове, воплощаясь там в человеческой мысли и выражаясь внутри и снаружи в особого — стоимостного значения — *цифре* (как раз в денежной).

Экономика — *мир стоимости и стоимостной мир*, — и ничего более! *Ничего!* Деньги, цена, капиталы и т. д., включая и товары в их товарной и только товарной функции — всё *это* и только *это* есть экономика, а всё остальное вроде хозяйства, жизни, бытия, в общем — *жизнеотправления человека*, что угодно, но только не экономика.

И ежели экономика в своем полном расцвете, то всё или почти всё жизнеотправление человека подпадает под

назойливую опеку экономики, становясь уже *экономическим жизнеотправлением* — вплоть до культуры с литературой, не говоря о социуме с политикой (и там тоже повсюду деньги, цены, затраты, доходы, инвестиции, ну и неизбежная для мира экономики монетарная коррупция).

Всё или почти всё жизнеотправление поглощается в таком разе экономикой, да, пожалуй, и не поглощается, а, скорее, пронизывается, как и, увы, экономике в меру и не в меру подчиняется, — кто сейчас решится отрицать господство экономики надо всем жизнеотправительным миром: что может сегодня «человече» без денег, капиталов, инвестиций... да... *ничего* (или *почти ничего*), так что фактом является то, что всё или почти всё жизнеотправление, оно же и хозяйство, насквозь пронизано господствующей надо всем этим экономикой, а потому и... стоимостью, а эта последняя ведь не субъект с соответствующим персональным ликом, не говоря о ясных глазах и стройной фигуре, а всего лишь... *субстанция*, прячущаяся прямо в сознании — как в явно выраженном субъектном сознании, или индивидуальном, так и в неявном межсубъектном, или общественном (ноосферном).

Вот она — целостная экономическая реальность, в которой сразу и вместе идея и дух; «живот» и сознание; энергия и информация; мысль и память; слово и цифра; зерна и плевелы; правда и ложь, насыщенность и пустота; нечто и ничто, имманентное и трансцендентное, в общем — *всё!*

Экономическая реальность не может не быть полевой, дискретной, сетевой, «сотовой», но при этом она не может не быть и *центровско-иерархической* (с центрами и иерархией), ибо никакого тогда для безграничного экономическо-

го мира целостного единения (воспроизводственного сцепления), никакой всеобщей организации (даже и стихийной), никакого общего управления (взаимообусловленной деятельности), как и никакой, что особенно обидно для любителей частных свобод, субъектности (всего бесчисленного акторского племени).

Это только кажется, что любимый научниками «рынок» не более чем одноуровневый сонм равновозможных собратьев по взаимной экономической страде, а на самом-то деле «рынок» сей всегда иерархичен, хотя бы потому, что та же «рыночная цена» всегда *выше* самого по себе «рыночного сообщества», она всегда *над* ним, всегда нисходит на него *сверху* — кем бы и как бы она ни была конкретно установлена.

И среди самих равновозможных-де экономических агентов всегда ведь находятся те, которые побольше, сильнее, поопытнее, поделовитее, позорче, поинформированнее, порасторопнее, поудачливее, поавторитетнее, которые непременно оказываются как бы выше других по положению, где-то там наверху, на высших этажах разбойного сообщества, откуда они что-то «рыночное» всем «братьям» и навязывают — предлагая, показывая, лоббируя, ну и диктуя тоже, т. е. всю лидерствуя, созидая в итоге вполне себе господско-вассальные пирамиды.

Берем любую развитую экономику, даже еще доиндустриальную, не говоря уже об индустриальной и постиндустриальной, и видим... что же видим?.. что экономика, обильно распространенная по миру и в нем надсадно молчаливо-трескуче работающая, является в жизнеоправительном мире не так из него самого, как из... *верховых цен-*

тров — посредством слива и влива из центров и сверху в сей мир чудесной идеально-оцифренной субстанции — *стоимости*, которая творится поначалу как раз высшими центрами, и творится ими прямо из *ничего*, а уж затем, вполне уже трудо-творчески, превращается в *нечто*, как раз уже там — в реальном жизнеотправительном миру.

Из ничего в нечто — вот он, *ход стоимости*, а уж потом — из оправданного реалиями *нечто* в ничем опять реальным наверху не оправданное... *что-то*, как нетрудно догадаться, в реальный доход эманлирующих стоимость верхов и эмитирующих деньги центров.

Стоимость-экономика давно уже зачинается в верхах и в центрах, откуда она низвергается как помысленная стоимость вниз, распространяясь субстанциально по пространству всего жизнеоправления, его к себе накрепко привязывая, себе и надежно подчиняя, а уже затем, по прохождении пустой стоимости (квзистой стоимости) по реальному жизнеотправительному (хозяйственному) пространству, реально обогатившаяся (уже вполне себе «телесная» и даже весьма «жирненькая») стоимость-экономика возвращается наверх, как высосанная центрами из экономизированного жизнеотправительного пространства реальная стоимость-экономика, всегда готовая, вновь похудев и оскелетившись, опять ринуться вниз и жадно расплыться по жизнеотправительному пространству ради нового своего реального — кровно-телесного — обогащения.

Из ничто в нечто — таков начальный путь первостоймости, а затем наступает очередь обогащенной хозяйственными реалиями стоимости, то бишь вторичной, уже «бывалой» стоимости, тоже участвующей в походе за ре-

альной стоимостью — теперь уже нечто за «нечтом», что и обеспечивает обходимое для стоимости непрерывное жизнеотправление с целью вытягивания из него — производящего блага, себя самого и возрастающей новой реальной стоимости — сначала стоимостного, а затем и реально благого дохода.

Так или иначе, но есть он — *круговорот стоимости* — сверху вниз и снизу вверх с заходом стоимости в жизнеотправительное пространство и обязательным из него возвращением обогащенной реальным содержанием и возросшей в размере, а вследствие непрерывности сего весьма лукавого процесса и *оборот стоимости* — как вполне оборотистое круговоротное движение.

И теперь самое главное и интересное: ниспадение сначала ирреальной, а затем и реальной (уже оправданной реальным жизнеотправлением, т. е. вернувшейся из хозяйственно-производительной реальности, прошедшей «обжиг» реальностью) стоимости есть ниспадение чисто *долговое*, ибо стоимость должна непременно вернуться наверх — к ее зачинателю и владельцу, и вернуться в возросшем размере.

Представим себе, что стоимостной владетельный и влиятельный «верх», о котором идет речь, это очень большой светлый «Банк», с сетью действующих банковских «контор»-центров, способный через центры-«конторы» эмитировать стоимость, ее внедрять в жизнеотправительный контекст и обеспечивать возвращение уже «обреаленной» стоимости обратно наверх в большой владетельный и восхитительный «Банк».

Эмитируемая «Банком» стоимость отдается этим же «Банком» во временное пользование отлученным от денег и даже самой экономики жизнеотправительным агентам — ради не только и не столько прокручивания не без роста и даже развития самого жизнеотправления, сколько ради прокручивания самой поначалу ирреальной (фиктивной), а потом и реальной («бывалой») стоимости, ее реального, а не фиктивного, возвращения в «Банк», причем в реально возросшем размере.

Обращает на себя внимание игра с переменной мест и обличий стоимостных ирреальностей и реальностей: стоимость то ирреальна, то реальна, как и то она реальна, то ирреальна. Не только начальная (впервые запускаемая) стоимость ирреальна, что понятно, но и реальная (прошедшая оборот) стоимость вдруг становится ирреальной, если, к примеру, избыточно вводится в реальное жизнеотправление, ее по-деловому уже не переваривающее (эффект той же денежной инфляции).

Итак: *экономика как экономика*, то бишь вполне уже ставшая на ноги и вполне уже зрелая экономика — *безусловная долговая данность, она же и сетевая канитель* — и никакой другой данностью она просто не может быть, ежели экономику искусственно не ограничивать извне, радикально сверху не подправлять, а в общем-то... немного и не стерилизовать.

Феномен стоимости, возникший как нейтральный пособитель товарного жизнеотправления, не мог со временем не обнаружить в себе, во-первых, возможности самоотчуждения от товарообмена и самостоятельного бытия в виде уже не цен, а толщи свободных от товарного процесса де-

нег; во вторых, способности использования себя как скопища денег для организации реального товарообмена (сверху и из центров) и даже подбрасывания в товарный процесс уже производимых по его — скопищу денег — инициативе *про-товарных* благ; в третьих, возможности самовозрастания тучи денег через передачу денег во временное пользование производительным и товарным агентам и их — этих денег — возвращение с *приростом*.

Прирост денег как денег — каково, а-а?!

Тут-то как раз главная «экономическая собака» и зарыта — *в факте-феномене прироста денег как денег!*

Или же *стоимости как стоимости*, это уж как кому больше нравится.

Вся экономика как экономика есть не что иное, как гигантский банк, этаким мегабанком, в ведении и ведении которого всё или почти всё жизнеотправление и состоит, находясь с этим чудесно-чудовищным банком во вполне себе долговых, а не каких-то там производственных, отношениях.

Банк сей вкупе с подконтрольным ему жизнеотправительным контекстом — иерархически обустроенная мегапирамида с мириадами внутри нее столь же иерархически обустроенных макропирамид и микропирамидок.

На самом верху сей монструозной мегабанковской мегапирамиды, конечно же, Уолл-стрит вкупе с ФРС и вездесущим долларом, пониже всякие уоллстритовские сотоварищи, еще ниже — партнеры, а еще ниже — «сутенеры», — а еще... э-эх... что об этом распространяться, — и так ясно!

Весь мир человеческий ныне в пределах и под управлением Великой Пирамиды — вполне себе экономической,

стоимостной, долларовой и... *долговой*, и нынешняя пореформенная Россия там же, включая ее «нацсуббанк», «нацсубрубль» и всю «нацсубэкономику», исключая разве чужеродную Пирамиде, от нее сознательно и насильственно отчужденную, российскую «оборонку».

Экономическое тотальное дело, ведущееся от самого верха до самого низа, всё это стоимостное движение сверху вниз и обратно, перемежаемое стоимостными завихрениями на всех уровнях и во всех локалиях мирового экономического пространства, беззастенчиво управляемое и беззаветно самоуправляющееся, еще и безвестно неуправляемое — великое, совершенно и фантастическое, ни с чем не сравнимое... *искусство*, перед которым какая-нибудь шахматная игра или тот же покер — сущие пустяки.

Экономика — *мегаигра*, в которой мало того, что участвуют мириады игроков, причем участвуют с оригинальными правилами, которые ничуть не мешают действовать игрокам вне всяких правил, напористо ублажая себя беззаконием, произволом, своеволием, но при этом и между собой соединяться, объединяться, кучковаться в группы, сети, рои, ничуть не смущаясь ни понуждениями, ни ударами в спину, ни удушениями, не преминуя вдоволь наслаждаться свободой и волей, насилием и рабством, «дружбой» и «подставой», правом и криминалом, миром и войной, честью и бесчестьем.

Однако мириады игроков — игроками, а есть ведь некоторое число *мега-игроков*, в чьих властных, сильных и бесцеремонных дланях как раз и трепещется вся мировая мегастоимость, реализуя вполне по-рабски свое долговое в пользу мегаигроков благодеяние, прельщая сонмы *макро-*

игроков и мириады *микро*-игроков стоимостной и вещественной для них выгодой, но и обкладывая их финансовой кабальной данью.

Многим персоналиям, включая и научных, кажется, что в долговой завязке бывают только банковские заемщики, взявшие в банке кредит и по нему не без горечи расплачивающиеся. Отнюдь, как в таких случаях принято говорить, ибо в долговой зависимости находятся *все* экономические субъекты, обязанные так или иначе вернуть всесильному мегакредитору полученные от него денежки, да еще и не без заметного их прироста, расплачиваясь с высшим «благодетелем» трудом или теми же деньгами, вполне уже реальными, причем не так уж и важно через налоги ли, квартирные платы или магазинные траты, а то и попросту через нечеловеческую банковскую расплату. А в тех случаях, когда кто-либо получает от кого-нибудь денежки непосредственно в дар, то и в этом случае «зелененькие» ненадолго задержатся в руках счастливица, ибо всяческих трат и плат по жизни ведь никто не отменял и никогда не отменит. Деньги летят вниз — в экономическую бездну и непременно оттуда возвращаются, причем обреаленные и возросшие — опять же под бдительным эмитентно-собираТЕЛЬНЫМ оком их мегавладельца.

Круговорот стоимости в экономическом пространстве, встроенном в жизнеотправительное пространство, которое, реагируя, оснащает стоимость реалиями и обеспечивает ей вполне реальное самовозрастание.

Вот она — *главная экономическая фишка экономики* — возможность *тотально-кабальной эксплуатации человека человеком* в ходе и в результате реализации глобаль-

ной экономики в захваченной и управляемой ею жизнеотправительной среде при активном участии подчиненных той же экономике науки, техники, информатики, изобретательства, как и права, государства, политики, идеологии, культуры, ну и религии с церковью (как же без них?), в общем — всего того, что присуще человеческому (и античеловеческому тоже) жизнеотправлению, никак не гнушающемуся ни бессрочным жертвоприношением, ни непременным смертоотправлением!

Каково, а-а?!

*Экономика как царство без-закония**

Наука вообще любит законы, указывающие на наличие устойчивых порядков в онтологической реальности и даже в ее гносеологическом отражении. Настолько сильно любит, что ищет и утверждает законы даже в не самых законотворных и законопослушных сферах вроде человека, его сознания, психики и поведения, как и того же общества, его устройства, поведенческой динамики и происходящих в нем перемен. При этом наука успешно игнорирует метафизическую философию, не столь склонную поклоняться «объективным законам» и всегда тяготеющую к признанию трансцендентности, ну и само собой всю игнорирует ре-

* Опубликовано в журнале Проблемы современной экономики. 2015. № 1. С. 60—64.

лигию, открыто исходящую из признания сверхприродного творческого начала и вообще не склонную к культуре какой бы то ни было «объективности».

Однако пришло время, когда науке довелось признать сначала неопределенность (нео-*предел*-енность, не-*предел*-ьность), вероятностность, стохастичность реальности, а затем и ее самопроизвольность, беспричинность, «внезапность», непредсказуемость. Тем самым науке пришлось пойти на признание как бы без-*закон*-ности хомосоциальной реальности, пусть и не всей, но ее значительной, если не решающей, части. Правда, наука, верная самой себе, постаралась представить сие признание как сугубо научное открытие новой... пусть и не строго научной... реальности, якобы подчиняющейся просто другим законам — даже если и не совсем законным, а то и вовсе уже незаконным, но... все-таки... э-э... *законам!*

Так или иначе, но научное познание, всегда уходившее от метафизики и трансцендентности, было вынуждено признать наличие в реальности того, что выходит за рамки законообусловленного бытия, что происходит не совсем по законам, вне законов и даже супротив законов, освящаемых наукой, — и признать это уже не как отклонения, случайности, ошибки, что было поначалу, а как один из фундаментальных принципов хомо-социального бытия.

Не сразу, не в один миг, но шаг за шагом наукой было установлено, не без поддержки философии, что реальность включает в себя по крайней мере два параллельно-переплетенных мира — порядковый, закономерностный, воспроизводственный, повторяющийся, и стихийный, произвольный, сиюмоментный, неповторяющийся. Второй мир

перестал рассматриваться как аномальный, патологический, криминальный, получив в конце концов статус полноценного, полноправного, даже и законного, мира.

Если обратиться к экономике, то научное мировоззрение перестало (правда, не так на страницах учебников, как в разговорной практике) видеть в экономике — этом оденженном и окапиталенном мире — какую-то оптимально функционирующую машину, реализующую какие-то стремящиеся к оптимуму механические алгоритмы. Экономика все более рассматривается как некое пространство возможностей (и невозможностей тоже), превращение которых в действительность (и недействительность тоже) зависит не так от законов экономического бытия, как от его — этого бытия — *беззакония*. Любой экономический параметр мог оказаться любым (беззаконие), но не каким угодно (от давления одного беззакония на другое, но никак не от априорного действия... какого-то там обязательного закона).

Эволюция все более переставала быть в головах людей стройной машиной и все более представлялась некой нейро-подобной средой, хотя вовсе и не биологическим организмом. Так традиционная экономическая физика (а наука это и есть физика) стала уступать место постмодерновой экономической метафизике, а экономика все более представлялась как некое гигантское, безразмерное, независимое в целом от воли людей и неподвластное сонму внутренних законов, весьма и трансцендентное, счетно-решающее устройство-мир, способное к немоделируемым, непрограммируемым и непредсказуемым решениям, действиям и процессам. На место законов и законного порядка пришли беззаконие, стихия и импровизация. Все разговоры об обу-

словленных объективным законом и заведомо необходимым порядком экономических параметрах, феноменах и процессах, как и обязательных и непреходящих балансах, распределениях и структурах, были раз и навсегда... посрамлены: традиционная экономическая теория — от славной политической экономии рубежа XVIII—XIX вв. до научной экономики конца XIX и почти всего XX вв. — потерпела вполне заслуженное фиаско!²

Итак, современная экономика — не более, чем некая *среда*, однако среда прежде всего не предметная и не агентная, а виртуальная, эфирная, ноосферная. Не агенты и не предметы в основополагании среды, а... дух, коллективное сознание, коллективное бессознательное, мысль. Выходит, что среда эта, будучи средой информационно-интеллектуальной, вполне думающая, решающая, действующая, мало того — *творящая*. Тут тебе и индивидуальные умы, и коллективные, и институциональные, и... трансцендентные (общественные, массовые, мировые). Большой коллективный, упроченный трансценденцией, мозг!

Чем же набит этот мозг? Нет, конечно, не нейронами, хотя нейронов людских в нем, разумеется, хватает, он набит всего лишь... *цифрами*, составляющими числа, числовые потоки, но не простыми вовсе цифрами, как в математике, а особенными — *стоимостными*, имеющими общепризнаваемую функциональную ценность (значимость) и всепроникающую пространственно-временную мобильность, причем ценность и мобильность социальные, соглашенческие, договорные. Это совершенно идеальная ценность, помыслен-

² Подробнее см.: [1—3].

ная, измышленная, разумно вводимая, однако получающая постоянное текущее фактическое подтверждение в процессе своего виртуально-идеального, размыслительного, — от мозга к мозгу и от нейрона к нейрону — движения.

Экономика — это *стоимость*, а стоимость есть не более чем идеальная, чисто информационная, знаковая, оцифренная *субстанция*, которую любой ныне действующий экономический агент не может не признавать — как онтологически и гносеологически, так и операционно (на деятелей науки такое признание не распространяется). Стоимость — функция сознания, его эманация, но и его принадлежность. Вся реализация стоимости происходит в сфере сознания, в мозгах и головах человеческих, и нигде в другом месте она случиться просто не может. Экономическое число, будучи идейным, мыслимым, памятным (сидящим в памяти), не может ни возникнуть, ни закрепиться, ни использоваться, ни исчезнуть вне и без сознания, вне и без мозгов и голов человеческих, вне и без ноосферы³.

Сознание на то и сознание, чтобы не просто вести экономический счет-расчет, манипулировать экономическими цифрами-числами, но и соотносить все свои вычислительно-назначенческие действия с внешней реальностью, получая оттуда необходимую информацию, разумеется, неполную, искаженную, а часто и просто лживую, ее перерабатывая и учитывая в своих решениях и действиях, выдавая во внешнюю среду и свою информацию, вовсе не обязательно и правдивую. Сознание — получатель, производитель и передатчик экономической информации, но насколько

³ Подробнее о концепции стоимости автора см.: [4—7].

ко собственно сознаниевой, настолько и всесознаниевой — от внешних обстоятельств. И вот тут, с одной стороны, сознаниевый произвол, а с другой — средовое (контекстное) на него давление. И выходит в итоге, что вся экономическая параметрия — продукт одновременно сознания и проходящей через сознание среды (ее сигналов), что и делает каждый экономический параметр одновременно как вольным (любим), так и обусловленным (не каким угодно), а что тут оказывается в приоритете: воля или обусловленность — зависит как от принимающего решение сознания, так и от сложившихся при этом обстоятельств, включая и признание средой того или иного субъективного решения.

Главное для нас: осознать, что нет ничего, что заранее, неумолимо и безошибочно определяло бы (ставило пределы) экономическому параметру, его стоимостной величине, как и его динамике. Цена тех же денег зависит от многого, но никак не от какой-то внешней для денег субстанции, которая бы, входя в деньги, определяла и держала бы собою их стоимость (ценность, значимость, измерительную и покупательную способность); цена любого товара не его — товара — цена, от него самого исходящая, а на него — на товар — сознанием возлагаемая и только поэтому становящаяся его — этого товара — ценой (цена более *на* товар, чем *от* товара).

Что нам дает такое осознание?⁴ Не более и не менее, как адекватное представление об экономике, экономической среде, экономическом мире. Не надо тешить себя надеждой, что можно рассчитать, к примеру, оптимальные, воспроиз-

⁴ О природе экономики, особенностях ее организации см.: [8—17].

водственные, взаимоувязанные, да еще и социально справедливые, цены; что можно априорно построить для экономики разные адекватные ей балансы, включая и пресловутый межотраслевой; что можно сотворить какие-то нормальные и вполне обоснованные реальностью деньги, привязав к ним и столь же нормальные валютные курсы. Надо осознать, что экономика более всего *сама по себе*, она принципиально не моделируема и никем извне в целом не создается. Экономика не нормальна, а аномальна

Неплохо бы также осознать, что нет той людской математики, которая могла бы заменить имманентную экономике математику. Великое достоинство экономики как раз и состоит в том, что она решает сама и что за нее никто ничего решить *не может*, если, конечно, речь идет не о частных и кратковременностях, а о целом и непрерывном. Участвовать можно и нужно в экономическом счетно-решающем процессе, как и влиять на его реализацию, иной раз и весьма сильно, но заменить трансцендентную экономическую математику ничем людским нельзя!

Заметим, экономика — это в первую и последнюю очередь *стоимость*, а не те же блага, их производство и потребление. Если бы не стоимость (деньги, цены, капиталы), никакой экономики не было бы вообще, как и не было бы никаких экономистов и заодно никакой экономической науки. Натуральное домоводство — никакая не экономика! Экономика начинается там, где появляются всеобщий обмен товарами, товарные оценки, цены, деньги, капиталы, кредиты, финансы, в общем, где жизнетворчество человека всерьез и надолго опосредуется особого рода идеальной оцифрованной субстанцией, не покидающей ни людских

голов, ни ноосферы, но выделяющейся из реальности не просто одним из составляющих ее компонентов, но и самой этой реальностью, немало управляющей, причем настолько самостоятельно, таинственно и неотступно, что сами людские головы, само человеческое сознание и сама ноосфера оказываются в большой, если не решающей, степени ею управляемыми.

В науке очень любят говорить о *рынке*, что как будто бы совсем и не плохо, но вот не мешало бы хоть как-то расшифровать этот феномен. Рынок, строго говоря — сообщество обменивающихся между собой товарами с участием денег агентов — продавцов и покупателей. Однако реальная экономика не только содержит в себе рынок, но и далеко выходит за его рамки. Рынок — компонент экономики, с чем можно и согласиться. Но вот зачем же соглашаться? Разве лишь для констатации того факта, что сообщество агентов все само и решает, причем не как-нибудь, а в ходе свершающихся им товарообменных акций. В связи с этим под рынком обычно и понимается некая самоорганизационная и саморешающая сила, существующая и реализующая не просто в среде агентов, но как бы и *меж* агентами. И весь вопрос тут только в том, в какой же мере все в экономике так вот само и решается, или же иначе: в какой мере это делает именно *рынок*?

Экономика — мир экономических, т. е. стоимостных, агентов. Стоимость, ее вращение среди агентов, ее собственное движение — сквозь и через агентов — позволяет агентам организовываться в функциональные сообщества. Однако ничего кроме решающих и действующих субъектных голов мы тут не найдем (не товары же решают, не

деньги же сами по себе!). Всё проходит через головы, в них и вершится. Деньги, цены, капиталы, инвестиции, их динамика — все это продукция экономических голов: индивидов, коллективов, институций. Но головы эти разные по мощи своих разрешений — и среди них находятся такие, которые способны к организации не только самих себя, но и близкого или даже далекого от них *экономического пространства* — со всеми его экономическими параметрами, субъектными поведением, движениями стоимости.

Тогда где же тут рынок? Ага, его тут, видно... нет! Выходит, что экономика способна осуществляться, пусть и локально, не полностью, без всякого рынка. Отсюда экономика у нас с рынком (никто этого отрицать не собирается), но не во власти рынка, во всяком случае — в целом, *au total*. Она как рыночна, так и не рыночна! Чего же тогда тут больше: рынка или нерынка? Каждый обозреватель может, конечно, решать по-своему, но мы предпочтем, глядя на современную экономическую реальность, остаться на стороне... нерынка: признав факт *управления* не только внутри экономики, но и управления самой экономикой, хотя и не тотального, — т. е. оставляющего место самоорганизации, а в ее рамках и рынку, или тому, что ученый, деловой и обывательский мир привычно называет рынком, — но лишь как средству дополнительному, вспомогательному, корректировочному!

Неуправляемых зон в жизнедеятельности человека нет или почти нет: все так или иначе управляется, что то же самое, организуется волевым образом из инициационных, эманулирующих и импульсирующих центров. Самоорганизация всегда есть, но более всего как дополнение к организа-

ции (несамоорганизации), как реакция на всякие волевые управленческие инициативы. Просто так висящей в воздухе и не подвергающейся внешней (контекстной) аттракции самоорганизации вообще не существует, но вот в некоторых пределах можно и нужно говорить именно о самоорганизации. То же массовое поведение можно рассматривать как самоорганизационное, но с тем условием, что какой-то скрытый управленческий импульс и для него всегда имеет место.

Неуправляемой экономики нет, лучше даже сказать — тем более нет, хотя нет и тотально, целостно, полномасштабно управляемой экономики. Здесь волевая организация (несамоорганизация) непременно сочетается с не менее, в общем-то, волевой, но как бы скрытно волевой, самоорганизацией. Деньги управляемы, цены тоже, инвестиции тоже, кредиты тоже. Вся стоимостная жизнь управляема. Иное дело, что не совсем вся: вся и не вся, ибо есть в стоимостном мире и самоорганизация, однако... тоже во многом управляемая, правда, не прямым образом, а как бы без управления, не слишком определенно и явно, с неоднозначными реакциями управляемой среды на управленческие импульсы.

Автору этих слов довелось на рубеже 1980—1990-х гг. выступить с научно-издательской инициативой: «Ни план, ни рынок!», хотя реальность экономическая всегда и с планами, и с рынком. Речь шла тогда о том, что не может быть ни тотальной планомерности, ни тотальной, чисто саморганизационной, рыночности. В реальности работает сложная система организации, которую автор тогда же окрестил «организацией самоорганизации», или же управления с само-

управлением и управления самоуправлением. Однако коллективный научный ум как застрял на представлениях XVIII в., так там и сидит. Рыночная экономика, и все! А на вопрос: управляемый рынок это все еще рынок или же не совсем уже рынок? — обычно следует красноречивое молчание.

Поскольку экономика есть сначала и в основе стоимость, а потом и кое-что еще, эту самую стоимость дополняющее, то, говоря об экономическом управлении, следует прежде всего указать на *управление стоимостью* и *стоимостное управление*. Последнее легче признать, чем первое, ибо управление через деньги, инвестиции, кредиты, цены, валютные курсы и т. д. вполне осязаемо и понятно. Труднее согласиться с управлением стоимостью, но оно ведь тоже есть: выпуск денег, контроль над их ценностью и массой, влияние на большие денежные потоки, на кредитование, на инвестирование, на ту же ценность и движение ценных бумаг и т. д., все это есть не что иное, как *управление стоимостью*. И агент (центр), управляющий стоимостью и через стоимость, управляет если не всем, то очень многим в экономике, но не только — он управляет и всем (или тоже многим) в самом жизнеотправлении человека. Это на практике и фактически и есть *экономизм* — реализация не просто экономических управлений, но и управления многим неэкономическим через посредство экономического, т. е. стоимостного, рычага.

Современную экономику полезно трактовать вообще не как рыночную, а как *сетевую*, реализующую сразу как управление, так и самоуправление, как нерынок, так и рынок, как стоимость, так и нестоимость. Сеть хороша очень

многим, среди чего: 1) взаимоувязанность агентов, товаров, стоимостных параметров и капитальных потоков; 2) возможность эффективного управления сетевыми агентами в сочетании с их самоуправлением; 3) стабильность экономических и неэкономических структур; 4) контроль над экономическим пространством, над производством и предложением, а в значительной мере и над потреблением, над спросом, контроль над продавцами и, соответственно, над покупателями; 5) невозможность эффективного самостоятельного функционирования вне сети (или ты в стае, или уже... нигде!). В современной сети не так уж много рынка, зато много кооперации, сотрудничества, расчета, плана. Но самое важное преимущество сети состоит в том, что у каждой сети есть своя *голова*, она же и *центр*, что позволяет, с одной стороны, всем участникам сети взаимно управляться, а с другой — сильному агенту (голове, центру) управлять не то что более слабыми, а менее способными к топологическому видению, анализу и поведению. Сеть вообще не надо представлять всего лишь как... сеть, тут дело сложнее: сеть, о которой речь, ведь и *иерархия*. В сети сразу все: кооперация и власть, свобода и контроль, инициатива и команда, — словом, как раз все то, что и необходимо для жизнеспособного экономического организма.

Помимо сетей есть еще и *кластеры*, точнее бы сказать: сети дополняются еще и кластерами. Кластер — не так, может быть, сеть, как некая совокупность агентов, объединенных единым пространством, общим воспроизводственным признаком или приоритетным интересом. Это не консорциум, не концерн, в общем — никакой не единый агент. Но это и не случайный набор случайных фигурантов.

Здесь не сеть как таковая, но и не как таковой рынок. Здесь организация, базирующаяся, скажем так, на некой самоорганизационной взаимности, нуждающейся в коллективной организации и к ней по мере необходимости переходящей.

Так или иначе, но мы видим сочетание в экономике управления и самоуправления (или «организацию самоуправления»), но, что самое замечательное, возможное лишь в стоимостной среде, в мире идеальной субстанции, называемой стоимостью. Обычно стоимость связывают с оценкой (ценой), что справедливо, но недостаточно, мало того, недопустимо недостаточно, ибо стоимость не только оценка, но и оцененная масса ценности (деньги сами по себе, инвестиции, кредиты, доходы).

Стоимость — именно *субстанция*, разгуливающая по экономике, во все проникающая, все и вся оценивающая. Субстанциальное понимание стоимости никак не воспринимается подкованными научно экономистами: они всё твердят лишь об оценках и ценах, забывая, что на своих личных счетах в банках и в своих кожаных портмоне держат и даже носят не что иное, как... *субстанцию*, пусть и оцененную, но не саму же по себе цену! Цена и масса ценности — не одно и то же!

Стоимость — одно из чудес света, быть может, самое выдающееся изобретение человека, его творческого сознания. Слава финикийцам (или кому там еще?), сотворившим деньги, эту, вроде бы пустую, но такую содержательную и значимую абстракцию, мало того, работающую, направляющую, подчиняющую. Товар — пронизанная стоимостью... э-э... вещь, хотя этой «вещью» может быть и обыкновенная фикция (фантом), а экономический человек — пронизанный

стоимостью, ее духом и сдавшийся на ее милость человек, держащий деньги, ими манипулирующий, все и вся деньгами оценивающий, ими попросту живущий.

Субстанция эта вовсе не мертвая, а вполне и живая. Стоимость — живая ноосфера, эта сфера разума и сознания, но... особого разума и особого сознания, функционирующих по-своему, причем настолько по-своему, что их нельзя ни до конца разгадать, ни полно-объемно смоделировать, ни заменить обычным человеческим разумом и сознанием. Тайна тут, трансцендентность, сверхчеловечность! Это — *космос*! Причем не просто космос, а космос, непрерывно взаимодействующий с хаосом — *хаосмос*! И никому из смертных не отделаться от творящего стоимостного хаоса, как и ни одному из смертных не обойтись без стоимостного же, т. е. производимого самой стоимостью, порядка.

Нет, не надо автора этих строк упрекать в романтизме, в детской наивности, в непонимании сухих и жестких экономических реалий: стоимость — на самом деле не что иное, как *хаосмос*, причем совершенно чудесный, способный решать то, чего не может и никогда не сможет решить человек, как и тот же созданный человеком сверхмощный компьютер (если оставаться в экономике, а не перепрыгнуть в ту же технику). И ежели всё *это* понимать, то не будет необходимости переживать по поводу всяких экономических показателей, которые не более чем лукавые (вибрирующие, меняющиеся, скрытные, обманные) цифры-числа (бог знает, какова на какой-то момент реальная ценность того же доллара и сколько этих самых долларов гуляет в реальном обороте?!). Главное, что *так* решает стоимостная субстанция, хотя на ее решение оказывает влияние и сам

человек, бросая в оборот деньги, кредиты, инвестиции, ценные бумаги, влияя на цены, валютные курсы, банковские проценты, денежные потоки, поведение субъектов, институтов, людских масс. Нет и не может быть в экономике никаких оптимумов, хотя и возникают какие-то — человеку заранее неведомые — пределы.

Человек экономический поступает весьма произвольно, но и стоимость не отстает от человека, награждая его своим собственным произволом. Произвол на произвол, а в итоге... произвольный итог, вовсе, быть может, и не оптимальный в человеческом измерении, но зато оптимальный с позиции реальности, если учесть, что реальность заранее никому не известна и бывает в итоге такой, какой... бывает!

Экономика, базирующаяся на стоимости, не может не быть, при всей видимой упорядоченности... нет, не хаотической буквально, а, скажем так... *хаосозависимой*. Порядок в экономике все время меняется, сопрягаясь с беспорядком, который не так даже свидетельство каких-то текущих неурядиц, как неперенный атрибут переходов от одного состояния к другому. Отсюда есть смысл отличать текущий, так сказать, рабочий беспорядок, от беспорядка исключительного, а то и чрезвычайного, с появлением которого связаны обычно крупные порядковые перемены, качественные скачки и те же экономические крахи. Ясно, что речь в таких случаях идет о разного рода *кризисах*⁵.

Любой кризис — выступление (а не просто наступление) беспорядка, оплодотворяемого сидящим в экономике хаотическим базисом. Обычно кризис связывается с аномалией,

⁵ Об экономических кризисах см.: [1; 14; 17—21].

болезнью, «плохостью». Это, конечно, так, но кризис также есть весть, сигнал, потребность, как и способ достижения, во-первых, воспроизводственной приемлемости экономики, коль скоро хаосмосная жизнь уводит экономику в сторону от этой приемлемости (мы избегаем здесь таких словечек, как равновесие, пропорциональность, сбалансированность, предпочитая мягкое, гибкое и нейтральное слово «приемлемость»), и, во-вторых, необходимых для дальнейшего бытия экономики перемен — по всему кругу возникающих через кризис потребностей. Кризис — как раз то самое зло, которое творит добро! Кризис — ущерб, но и обретение! Кризис — несчастье, но и благо!

Нам важно подчеркнуть *необходимость* кризисов, нужду в них со стороны экономики. Иначе, т. е. без кризисов, экономика не действует, не организуется, не живет, не развивается сама и не развивает всё неэкономическое (производство, потребление, образ жизни, культуру).

Кризис — произвол в экономике, рождаемый произволом самой же экономики либо необходимостью приспособления экономики к каким-то серьезным неэкономическим переменам. Произволовая организация не может обойтись без кризисных произволов! Антикризис возможен, но как атрибут-компонент кризиса, а не как его предотвратитель. Без кризиса нельзя узнать, что преодолевать, от чего избавляться, куда и как идти дальше. Кризис — информатор, судья, палач и... *архитектор*! Сам кризис всегда ведь и *антикризис*! Разные сознательные антикризисные действия возможны и необходимы, но не с целью вернуть экономику в до-кризисное состояние, а с целью обретения экономикой нового, как раз уже и *пост-кризисного* состояния.

Экономика — большая, очень большая — гигантская — *игра*; такая непрерывная, безграничная, во-многом потаенная («чернощичная», и даже «чернодырная») мегаигра; с бесчисленным числом участников, «фишек», фикций и «дурочек», со странными правилами, допускающими и их полное игнорирование с введением в действие любых «неправил»; фактически это *военная игра*, точнее — игра в войну, а еще лучше — игра-война. Экономика — *война!*

Никакой логической модели реальной экономики нет и быть не может. Любое экономическое действие, любое экономическое явление, любой экономический параметр — продукты чем-то изнутри обусловленные, но немногое из перечисленного может быть заранее предугадано, фьючерсно предрешено, заблаговременно запланировано. Экономика всегда одномоментна, хотя она и непрерывна. У экономики нет ни прошлого, ни будущего, тех самых, что достаточно уверенно определяют настоящее. Настоящее всегда... только настоящее, в нем мало чего от прошлого и ничего от будущего. Речь идет именно об *экономике*, этом стоимостном мире, а не о предметах, труде, технике, ресурсах, хотя манипуляции с этими последними тоже ведь полны неопределенности, но, заметим, не такой уж высокой и непостижимой, как у собственно экономики. Экономика — сплошная неопределенность, а ежели и определенность, то, во-первых, внутри неопределенности, а во-вторых, как всего лишь производная от этой вполне необходимой и неизбежной неопределенности.

Вот откуда все невозможности не то что моделирования экономики, но даже ее полноценного «читания»; так ли уж точны экономическая статистика, экономическая

фактология, экономическая картография? Почему это разные эксперты всё видят по-разному, а об одном и том же событии имеют прямо противоположные суждения?

Всё дело тут как раз в отсутствии законов и строго соответствующих им закономерностей, но зато в присутствии... э-э... без-закон-ия, или точнее — без-закония. Да, что-то вроде бы законотворческое наблюдается в экономике, но что при этом интересно: вовсе не законо-тварное, или, лучше сказать, *не-от-закона-тварное*. Вытянуть из экономики закон и навязать его экономике невозможно, а главное — не нужно! Экономика вовсе не « $2 \times 2 = 4$ », а « $2 \times 2 = 3, 4, 5 \dots X$ »! Где тут закон, в этом « $2 \times 2 = 3, 4, 5 \dots X$ », если только не... произвол? Есть, конечно, какие-то принципы бытия и функционирования экономики, о которых можно и нужно говорить, но вот... *законы* (?), — о-о, здесь все очень и очень не просто! Автор может решиться только на один бесспорный экономический закон, да и то относящийся к деятельности экономического субъекта — закон двойного и балансового счета! Все остальное, обычно почитаемое за закон, не под вопросом даже, а под знаком отрицания, обосновываемым самой реальностью. На каждый такой закон есть свой... *антизакон*, — и что тут законнее — кто ж знает?

Если к экономической науке подходить как литературе, еще и детективной, то можно прописать десятки законов, якобы присущих экономике, — не так уж будет важно, есть они или нет, соблюдаются ли экономикой или нет. Однако наука, кажется, еще не литература, а потому все еще должна отвечать за свои слова, — и вот сегодня важнее говорить не о законах, которых либо нет, либо они стираются

в реальности действием антизаконов (т. е. тоже их по сути нет), а о *без-законии*, столь характерном для экономического мира, который в рамках законности просто бы давно издох⁶.

Экономика — не только не механическая механика и не организменная органика, она даже не системная система и не структурная структура. Это особого рода мир-интеллект, похожий на интеллект человека, его сознание, но, надо полагать, все-таки лишь похожий. Экономика — это не просто особый мир, но и мир, наверное, единственный в своем роде, о котором можно сказать только одно — это... ЭКОНОМИКА!

Литература

1. Осипов Ю.М. Теория хозяйства. Начала высшей экономики. В 3-х т. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1998.
2. Осипов Ю.М. Эпоха постмодерна. М.: ТЕИС. 2004.
3. Осипов Ю.М. Обретение. Метафизика бытия и мысли. М.: ТЕИС. 2011.
4. Осипов Ю.М. Тайна стоимости, ее диалектика // *Философия хозяйства*. 1999. № 5.
5. Осипов Ю.М. Еще раз о пресловутой стоимости // Осипов Ю.М. *Очерки философии хозяйства*. М.: Юристъ. 2000.
6. Осипов Ю.М. Стоимость // *Философия хозяйства*. — 2000. № 2.

⁶ Отвечая на запросы науки, автор написал в 2010 г. статью об общественных и экономических законах [22], предостерегая от их физико-механического толкования. Сейчас же автор склоняется не так к «законию» в экономике, как к «без-законию»: реальная экономика все-таки слишком неопределенна, самовольна, импровизационна и неожиданна, чтобы представлять ее функционирование как исполнение законов. Закон — не лучшее понятие для экономики, лишь вводящее в заблуждение!

-
7. Осипов Ю.М. Финансомика // *Философия хозяйства*. 2000. № 3.
 8. Осипов Ю.М. Экономика // *Философия хозяйства*. 2000. № 1.
 9. Осипов Ю.М. Хозяйство и экономика: единство, противоречие... антогонизм? // *Философия хозяйства*. — 2002. № 3.
 10. Осипов Ю.М. Экономика в лучах философии хозяйства // *Философия хозяйства*. 2003. № 2.
 11. Осипов Ю.М. Что есть экономика вообще и что она есть сегодня // *Философия хозяйства*. 2004. № 3.
 12. Осипов Ю.М. Неэкономика (опыт философско-хозяйственного рассмотрения) // *Философия хозяйства*. — 2001. № 3.
 13. Осипов Ю.М. Новая экономика // *Философия хозяйства*. 2007. № 4.
 14. Осипов Ю.М. Основы теории хозяйственного механизма. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1994.
 15. Осипов Ю.М. Экономический механизм // *Философия хозяйства*. 2006. № 4.
 16. Осипов Ю.М. Экономический Постмодерн // *Философия хозяйства*. 2003. № 3.
 17. Осипов Ю.М. Организация // *Философия хозяйства*. 2008. № 2.
 18. Осипов Ю.М. Мировой кризис и мир // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
 19. Осипов Ю.М. Кризис экономической цивилизации // *Философия хозяйства*. 2008. № 5.
 20. Осипов Ю.М. Российский антикризис // *Философия хозяйства*. 2014. № 4.
 21. Осипов Ю.М. Кризис мира и мир кризиса // *Философия хозяйства*. 2014. № 5.
 22. Осипов Ю.М. Законы (закономерности) общественные // *Философия хозяйства*. 2010. № 3.

Экономическое зазеркалье*

Наука любит порядок, структуры, системы, пределы, постоянства, повторы, воспроизводство, одним методологическим словом — *законы*, а соответственно им — *точные знания*, или знания этих самых законов. Сталкиваясь с неопределенностью, беспорядком, стихией, случайностью, произволом, наука либо просто констатирует от всего, по ее мнению, правильного и всего, по ее же мнению, законного отклонения, сбои, ошибки, либо, соглашаясь с фоновым беспорядком, ищет возможность его обязательного гашения посредством наложения на него если не грубо механических, то хотя бы вероятностных, уже и не совсем, так сказать, точных, хотя и по возможности точнообразных, конфигураций, моделей, картин.

Наука обязана своим появлением познанию материально-вещественного, более или менее упорядоченного и достаточно определенного (предельного), в меру и поверхностного мира — *физиса*. Фактически вся наука и есть *физика*, что ни плохо, ни хорошо, а что попросту есть вполне объективная гносеологическая данность.

Однако реальность, — как это сегодня можно утверждать уже по прекращении доминирования в отечестве «научного марксизма», хотя и при все еще продолжающем-

* Опубликовано в сборнике Экономическая теория в XXI веке — 9(16): Российский антикризис и экономическая наука // Под ред. Ю.М. Осипова, В.М. Юрьева, Е.С. Зотовой. М.: Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 293—298.

ся в университетах преобладании «научной философии» и «научного мировоззрения», полна того, что выходит за рамки собственно физиса, хотя и с ним тесно переплетено, а именно — *метафизиса*, с которым современная наука, она же и физика, непременно сталкивается, либо трактуя его по возможности научно-физически, т. е. неадекватно самому предмету осмысления, либо вообще его отбрасывая (не замечая). Но суть дела тут, как и беда самой науки в том, что метафизис, который не материален, не веществен, не определен, не пространствен и не «временен»⁷, все-таки есть (сознание, разум, слово, мысль, смысл, речь и т. п. «вещицы» не что иное, как метафизис, то бишь *нефизис* — и ведь все это реально есть!), не подлежит научно-физическому представлению и соответствующему толкованию, а предназначен для собственно метафизического осмысления, чем уже занимается не наука-физика, а философия-метафизика (заметим, что любая неметафизическая философия, строго говоря — не философия!)⁸.

Обращаясь к экономической реальности, мы заключаем, вполне и неожиданно для экономической науки-физики, что экономика, которая есть оденеженное хозяйство (даже и оденеженная жизнь, ибо хозяйство есть жизнь, ее реализация, жизнеотправление), представляет собой... э-э... *сплошной метафизис*, располагающийся не где-нибудь, а в сознании, в его и только в его сфере, сидящий непосредственно в головах (мозгах) людей (все экономические параметры вроде денег, цен, капиталов, банковских процентов

⁷ Не обладает пространственно-временной характеристикой.

⁸ Философия не там, где ясно, а там, где не ясно.

и т. д. «штучек» не только законченные продукты сознания, но и его непосредственные атрибуты — им просто более ведь и негде находиться!).

Экономикой, следственно, должна заниматься не так даже наука, она же физика, как философия, она же метафизика, хотя научно-физические приемы и ходы познания во все не исключаются для экономики, где присутствует тот же модельный счет, где наличествуют математические расчеты, где снуют туда-сюда стоимостные цифры и числа, где имеют место бесчисленные количественные операции. Тот же бухгалтерский учет, к примеру, ближе, пожалуй, к науке, хотя он попросту не более, чем технология (ремесло). А вот вездесущий аудитор, хоть и мастер-технолог, даже и ремесленник-чудотворец, хоть в какой-то мере и научник, в конечном разе все-таки... тоже ведь себе на уме... метафизик! Весь расчет-оценка, которая совершается ловким аудитором — совершенно, знаете-ли, метафизическое действие, ибо творится сознанием, в сфере сознания, как и бессознания тоже, — и вовсе не всегда очень уж точным образом — не без большой примеси трансцендентной инспекторской интуиции!

Самое важное для нашего подхода к экономике воззренческое заключение, если не гносеологический закон, состоит в том, что *экономика в основе не физис, а метафизис, и отображаться должна в основе не физически, а метафизически.*

В базисе экономики — метафизис, в надстройке... э-э... нет, не физис вовсе, а его недюжинное... подобие... в виде не материально-вещественной вовсе, а всего лишь в идеально-знаковой (цифровой, числовой) данности.

И ежели наверху, на поверхности, в заметных экономических реалиях присутствуют цифры-числа, то тогда что же внизу, в глубине, в скрытых пластах усложненной реальности? Ответ: там сознание вкупе с бессознанием (подсознанием); сущее вкупе с невидимым, но деятельным духом; работающая трансценденция вкупе с... нейтральным *Ничто!*

Поклонникам науки с физикой все это покажется настоящим бредом, хотя сама экономика, вытворяющая на глазах самих ученых черт знает что, почему-то бредом им не кажется. А ведь достаточно соединить два слова воедино: «экономику» и «бред», — и все внезапно становится на место, — и все чудеса экономического бытия, и все магические попытки его научно-объективного-де представления и объяснения, включая и ту же магию экономических комментаторов (естественно, онаученных), которая... нет, не перестанет быть магией, хоть и получит вполне законное себе оправдание — именно как законный бред! Никто не будет искать в экспертных оценках никакой заведомой истины, а попросту будет воспринимать комментарии «знатоков» как заведомо, а потому и истинно... бредовые!

Не может нравиться все это приобщенцам к большой науке, что и понятно, но... экономика, увы — сфера, среда, «море-окиян»... э-э... большого, знаете ли, и вполне объективного бреда, что вовсе не значит, что... для бытия не нужного и не эффективного. Экономика оттого и бред, чтобы действовать по-своему, быть своевольной и... не моделируемой уж слишком, чтобы никто из ее очень разумных, ловких и бесстыжих агентов не смог ею — *экономикой!* —

во всей полноте и навсегда овладеть и благополучно для себя и только для себя пользоваться!

Такое не удастся даже Америке — Уолл-стриту, хотя, казалось бы, наглые ребята из лучшей страны мира вполне себе хозяйничают в мировой экономике. Ан-нет! Не так тут все просто: кризис в мировой экономике уже стал перманентным, как раз с окончательной утратой экономикой «золотого стандарта» и воцарением в ней «псевдозолотого» доллара. Это даже не кризис, а просто некое мета-патологическое состояние, ставшее абсолютной нормой: вне кризиса уже нет экономики, а потому экономика и есть собственно кризис, что как раз и означает обращение экономики в истинный бред.

Но дело даже не в тотальной экономической аномалии, ставшей вдруг нормой, а в особом рода самостоятельности экономики, точнее — *экономического мира*, или *мир-экономики*. Экономика сама по себе стоит, движется, вертится, корчится, бурлит, хулиганит. Ведь это не система, не механизм, не организм, а «море-окиян», среда, сфера, в общем — *мир*, достаточно метафизический, весьма конспиративный и довольно-таки трансцендентный. Это — ноосфера, способная к самобытию, самоорганизации, самоуправлению, хотя и с непременно участии большинства совокупности разного рода агентов и субъектных сил.

В экономике есть, безусловно, пределы, но нет никаких заведомых норм; есть соответствия, но нет преднамеренных пропорций; есть всякие величины, в том числе и предельные, но нет величин постоянных. Экономика — мир, но вовсе не экономическое мироздание: в ней есть потоки, но нет прочных конструкций; есть преткновения, но

нет неукоснительных правил; есть итоги, но нет точных предопределенностей. Экономика — царство произвола, но уж никак не порядка. Порядок в ней — следствие ее же произвола, а произвол для экономики — ее же порядок, а отнюдь не какое-то там отклонение от порядка.

Всякий экономический параметр может быть любым, хотя и не каким угодно! Несомненный закон экономики, да и тот, понимаешь ли, диалектический. Деньги образуют себя сами, в собственном движении, через оценки, приливы и отливы своих масс, в борьбе, в применении; цены тоже образуют себя сами, хотя и через субъектно-субъективно-объективные оценки; то же самое можно сказать о предложении и спросе, да и вообще о чем угодно. Однако под этим сакраментальным «сами» скрывается не так стихия, не так автохтонность и не так самопроизвольность, как скрытность, подпольность, трансцендентность. Да, все параметры субъектно управляемы и субъективно управляются, но так, что каждый параметр не только управляется сам по себе и с самим собою, но и... управляется при этом с самими же субъектами, принимающими по его поводу и вроде бы для себя те или иные решения. Тут все они — субъекты и параметры — вместе! Все они во взаимодействии, взаимопереливах и взаимопереходах, — и подчас невозможно бывает установить, кто и чем или же что и кем тут управляет.

Комментаторы явно несут паразитический бред, что легче всего признать, если попытаться их услышать и понять, а разве менеджеры не «бредят» в каких-то пунктах пространства и в какие-то моменты времени? Разве они всегда полностью представляют ситуацию и полностью ею

владеют? Экономика-то восходит к беспределью: пределы ей совсем и не органичны! Да — пробы и ошибки в деяниях, да — маневры и коррекции, да — контракты и договоры, да — корпорации и сети, да — лидерство и вассалитет, в общем, многое из того, что способствует достойной реализации экономики и ее «откровенных» акторов, что гасит неопределенность, что поддерживает, пусть локальный и временный, но порядок (квазипорядок), что позволяет проскочить через спасенное настоящее и выскочить в рискованное будущее. И все это творится в экономике, в среде экономики, по зову экономики, в экономическом бреде, бредово и вопреки бреду.

Экономика — сама себе субъект, сама себе причина и следствие, сама себе произвол и бред, сама же себе польза и эффективность!

Заметим, не пресловутый вовсе рынок, а именно экономика! Рынок, если он и есть — компонент экономики, а экономика — это все сразу! Решают не рынки (они лишь «под-решенивают»), решает экономика как целое, которая есть поле, ноосфера, «море-окиян». Общественное сознательное и коллективное бессознательное; мировое масштабное счетно-решающее устройство; гигантский массовидный мозг вкупе с необъяснимой «душою». И каждый субъект — частица, элемент, часть, компонент, агент, актер, центр, узел, но при этом и конкурент, разбойник, командор, конкистадор, бандит, рейдер, жулик, махинатор, мошенник... не слабо, правда же? А то в чистой науке лишь продавцы да покупатели, как и просто «выгодники», еще и зависящие-де от издержек, цен, предложения и спроса, полезностей и т. п. «убаюкивающих» «знатоков» экономики штучек!

Экономика — война, мир-война, мировая война! Война реальная, виртуальная, фиктивная и дефективная одновременно. Одна реклама чего стоит! А обработка сознания? А мириады запускаемых «дез», «дымовых завес», «дурочек»? И после всего этого экономика, эта совершенно преступная магия, прикрытая товаром, деньгами и полезностью, оправдываемая необходимостями, законами и потребностями... не бред?

Экономика — истинное зазеркалье, где рядом с реальностью не просто ее обслуживающая ирреальность, а скорее — лишь видимость самой этой ирреальности, но уже не обслуживающей экономику, а над нею... господствующей. Экономика — это всего лишь стоимостное хозяйствование, реализуемое ради... стоимости, где сама стоимость уже мощное зазеркалье, а что говорить об экономике в целом, на этом зазеркалье замешанной и без меры помешанной?!

Конспирация — фундаментальное свойство-качество-состояние экономики. Экономика по преимуществу — *тайна!* И не только в аспекте «коммерческой тайны» и «деловых уловок», а и в трансцендентности и нетранспарентности самого экономического бытия-процесса. Об экономике многое вроде бы известно (статистика, понимаешь ли, отчетность!), но как же мало на самом деле известно об экономике. Экономика — «черный ящик», «темная материя», «подвальные сумерки», — и никакой другой экономика быть не может. *Экономика — сплошное, за малым исключением, зазеркалье!* И все было бы ничего, если б в зазеркалье этом все главное и не решалось! Уходит информация куда-то в Навь, перерабатывается там и выходит в Явь, вызывая

неожиданные и необратимые процессы в экономическом мире, включая и тектонические перемены.

Кризис — самое что ни на есть зазеркальное достояние экономики, ее непреходящая ценность и выгода. Сумеешь быть и выжить в кризисе — сумеешь быть вообще в экономике! Экономика — страстная, жесткая и жестокая игра, причем игра не так с правилами и по правилам, как без правил и им вопреки. Какие-то правила в зазеркалье?! Это ФРС-то у нас правило? Еще и для самой же ФРС?! Хотя и уложения у нее есть, и циркуляры, и предписания кое-какие, и даже проскрипции, — правил вот только почему-то нет!

У экономики, разумеется, полно всяких *институций*. Однако каких, для чего, что же такое решающих? Понятное дело: устраивающих все экономическое поле (пространство-время), обеспечивающих жизнедеятельность экономики, упорядочивающих поведение ее акторов, позволяющих между ними отношения, удерживающих акторов в рамках... э-э... недозволенного. Институции создают и поддерживают кое-какой внешний порядок. Факт! Но какой же все-таки порядок? Сравнимый, наверное, с порядком на футбольном поле, тем самым, что создает возможность игры, не препятствуя ни борьбе, ни импровизации, ни конспирации, ни обману, ни «грязи», ни «калечению», ни выбиванию игроков с выбыванием. В футбол играют как соблюдая более или менее правила, так и их охотно нарушая, но играют не ради же правил, а ради... футбола! То же самое и в сфере экономики: последней занимаются не ради институций, а ради экономики (стоимости), как следуя институциям, так и им... не

следуя, причем не так даже нарушая установления, как их попросту обходя.

Ничего нового, заметит искушенный читатель, все это хорошо известно, а экономика-то все-таки вертится! Именно так, и в самом деле вертится: на так строится, как именно вертится, вполне и турбулентно. И из этого верчения выходит какой-то... э-э... порядок, но не стройный вовсе (не строительный), а *вполне пластический* — подвижный, изменчивый, неустойчивый, как бы и *беспорядочный порядок* (этакий *порядковый беспорядок*). Чуть больше беспорядка — вот и кризис, чуть меньше — уже и процветание, — как и наоборот!

Экономику можно, наверное, сравнить с мозгом, а лучше бы прямо с сознанием, даже допустимо уподобить ее самой Вселенной. Это не просто очень сложная, всюю гибкая и очень переменчивая среда-мир, но это еще и *авто-среда*, *авто-мир*, способные к *авто-бытию*. Экономика ведь не изолирована от хозяйства, жизни, она в них, для них, за них, вопреки им, против них, но главное — пронизана ими, ими наполнена, оживлена. Каждый экономический субъект, будучи пресловутым «экономическим человеком» (агентом стоимости), в то же время еще и... *человек* — со всеми своими это-психо-культурными прибабасами. Так что субъекты совсем даже не точки, не штуки и не единицы, а вся экономика — не сумма, не масса и не какое-то сооружение. Здесь пылающие миры: мир-субъекты и мир-экономика, а потому и что-то живое, несхватываемое, своевольное.

Да, величинами экономических параметров, их динамикой, как и экономическими состояниями, потоками и процессами, а также намерениями и поведением экономи-

ческих субъектов можно управлять, что, собственно, всю и делается. Можно даже повлиять (с того же Уолл-стрита) на состояние и поведение мировой экономики, а вот смоделировать всю экономику и выступить *за нее саму ее же* конструктором никак уж нельзя! Если вывести еще один экономический закон, то он будет гласить так: *управлять экономикой можно, но в пределах ее собственного управления, которое никаким внешним целостным управлением заменить нельзя.*

А экономическое (со стороны самой экономики) управление не просто конспиративно и трансцендентно, оно еще и зазеркально, ибо в чем-то важном оно... из другого мира, прямо оттуда, если хотите — из... *инферно!*

Это-то *инферно* никак не хочется признавать не то что практикам экономики, хотя сделать это им легче всего — погружены ведь!, а собственно ученым — страстным рассказчикам абстрактных мифов об экономике, тем более мифов математизированных, так сказать, «предельно точных», а вот философия хозяйства, глядя на экономику не просто объемно (целостно, холически), а с позиции всего мироздания, полного метафизиса, легко это признает, отдавая при этом экономике должное: велика, сложна, проста, искусна, изобретательна, загадочна, вольна, магична, фантастична, невероятна!

Бред, но зато какой же чудесный бред — вполне ведь и эффективный, правда, лишь для самого же этого бреда — для экономики!

Безумие как вещь субстанция экономической (не)реальности*

Итак:

— «безумие», о котором речь, вовсе не хорошо известное сумасшествие, хотя и не без этого тоже, а самое что ни на есть «умие», но не столько «безумное умие», как у сумасшедшего, сколько «умное безумие», как у вполне себе адекватного «умника», то бишь не так тут «ум от безумия», как «безумие от ума», что то же самое — самоотрицательное до безумия умие;

— «вещь субстанция» — спиритуальная, идеальная, когнитивная, «психейная», «сознаниевая», еще и «говорящая», *вещь* (от вести), она же — основа, начало, исток, очаг, сингуляр, в общем — некое *ничто*, однако... и что-то реальное, вовсю и творящее — как раз... *нечто*;

— «безумие как субстанция» — не проявление чего-либо, не следствие от чего-либо, не чье-либо действие, а некая «суверенная объектность», она же и «субъектность» — *сама-себе-субстанция*, как раз и способная к проявлению, следствию, даже и действию;

— «безумие как вещь субстанция» — думающая, решающая, действующая, красноречиво молчащая, скупко говорящая, ну, и, само собой, творящая — *сама-себе-субстанция*.

* «(Не)» — хитроумная придумка В.Т. Рязанова [12], явившаяся ему, как он сам признался автору сего престранного опуса, во сне — вполне, как оказалось, вещем.

Далее:

— «экономика» (повторим уже в который раз [1—11]) — это не что иное, как *опосредованная* действием нематериальной (не физической), а потому и спиритуальной (метафизической) субстанции, обычно называемой **стоимостью** (value — англ. valeur — фр.), а также ей, этой субстанции по имени «стоимость», *подвластная* часть жизнеотправления человека, включая в качестве своих базисных компонент производство, распределение и потребление разнообразных материальных, спиритуальных, интеллектуальных, виртуальных, тех же стоимостных (денежных) и даже попросту фиктивных, если прямо не фейковых, благ, их возможное присвоение в виде чьей-то собственности и неперенное накопление в виде чьего-то богатства;

— «экономика», обязанная своим существованием феномену *субстанциальной стоимости* (т. е. фактически «стоймостномика», «вэльюномика», «валерономика»), всецело принадлежит, как это характерно для самой по себе стоимости с ее факто-феноменальными деньгами и ценами, не чему-нибудь, а **сознанию**, и «располагается» она непосредственно в сфере сознания: от людских голов (мозгов) до общественного интегративного сознания, обозначаемого обычно как *ноосфера*, — никакого другого места своего пребывания и реализации экономика не имеет и иметь не может;

— «экономическая (не)реальность» — экономика в своей реально-нереальной, при этом и возможно-невозможной, реализации — как явленной, открытой, фактической, фиксируемой, так и неявной, закрытой, конспиративной, неуловимой, то бишь как видимая реальность, так и

невидимая нереальность (вполне при этом и реальная нереальность), отчего в итоге и эта примечательная «экономическая (не) реальность».

Следовательно:

— коли уж речь заходит о «безумии экономики», то подобный феномен не может не восходить, во-первых, к безумию самой стоимости, во-вторых, к безумию обусловленного ею экономического сознания, а уж коли у нас вперед выходит не просто безумие, а безумие как имманентная экономике *субстанция*, то это уже не просто свойство или проявление экономического сознания, а прямо-таки сидящая в нем неукротимая параноидальная «бацилла» («взвесь», «туча», «тьма»);

— «безумие экономики» — не отсутствие в экономике ума, разума, сознания, даже не их повреждение, хотя это и возможно, а всего лишь особенность реального бытия экономики, ее фактической реализации, вовсе не лишенных ни умения, ни разума, ни сознания, но вынужденных все-таки неистово безумствовать: либо непосредственно от себя, либо от связи экономики с обезумевшим контекстом.

Очень умная это «вещь» — *экономика* — ловкая, пластичная, изобретательная, находчивая, проникновенная, вездесущая, наглая, вкрадчивая — совершенно, знаете ли, и... *чудесная*! Ничто в человеческом бытии не может сравниться с экономикой: ни культура с идеологиями, ни научно-технический прогресс, ни даже сама человеческая экзистенция. Что вообще есть в экономике, кроме... самой по себе экономики? Да-а... верно... *ничего*, почти что ничего, всего лишь какая-то незримая и едва уловимая стоимость, эта некая прозрачная, невесомая и летучая субстанция, если

из чего-то «вещного» и состоящая, то всего лишь из... *мысли*, пусть реально и воплощающейся в человеческой памяти, но ведь все равно состоящая не более чем из мысли, вполне и беглой, да еще и выраженной всего лишь в неустойчивых — тоже ведь беглых — цифрах, пусть и в особенных цифрах — социально-значимых, но ведь не более чем в призрачных... *цифрах!*

Мы замечаем, «глядя» на экономику, наличие некоего бескрайнего, как само мироздание, но вовсе при этом не космической упорядоченности *счетно-решающего устройства*, каким-то вполне неведомым человеческому сознанию образом работающего в сфере как раз самого этого сознания и через его активное посредство. Явно здесь какой-то онтологический парадокс, ежели не полный абсурд! И функциональный, кстати, тоже. Что уж тогда говорить об абсурде гносеологическом, вполне и изначальном — еще и аксиоматическом?

Вот она — *всеобщая трансцендентность*, которую так не любит точная, опытная и доказательная наука!

Любовь к чему-либо — не достоверный аргумент, неприязнь — тоже; аргумент тут — лишь сама *реальность*, однако с учетом и *нереальности*, а потому аргументом здесь... весь онтос, сопрягаемый через всё сознание, которое тоже ведь онтос, с гнозисом, который либо онтологичен, либо нет, а потому он либо тоже онтос (знаниевый), либо же не весь онтос и на самого себя неизбывная и забываемая карикатура, вполне, кстати, и умная.

Истоки экономического безумия:

— *сознание как сознание*, ибо сознание вовсе не машина, не механизм, не организм, даже и, строго говоря, не

система — устойчивая и воспроизводящаяся, а круто замешанное на трансцендентности спиритуальное, идеальное, когнитивное, насыщенное эмоциями, переживаниями, недоумениями и страданиями какое-то там *поле*, для которого в изначалье характерен сложный смысло-словно-понятийный *хаос*, из которого эмануруется не строгий порядок, а лишь подвижный, изменчивый, неустойчивый *хаосмос*, который уже не хаос, но и не космос, а так — гибрид между хаосом и космосом, однако гибрид вполне работоспособный, мало того, единственно и возможный, как раз такой полу-, квази- и даже псевдо-порядок, который не избегает ни вольностей, ни импровизаций, ни ошибок, ни несуразностей, т. е. всего того, что приводит в случае чего и к *безумству* — как патосостоянию сознания, так и вселяющейся в него заразной патосубстанции;

— *стоимость как стоимость*, которая вполне адекватна сознанию, отличаясь от него лишь специфической счетно-решающей функцией, исполнение которой столь же хаотично и при случае весьма безумно, как и работа собственно сознания;

— *экономика как экономика*, которая вслед за сознанием и стоимостью, а также испытывая в дополнение внешние раздражающие воздействия от контекста, восходит ко все тому же хаосу, а потому тоже не обходится без патоотклонений, а при случае и без явного безумства — не только обостренческого (временного), но и субстанциального (перманентного).

Промежуточные заключения:

— экономическое безумие — вполне онтологическое, фундаментальное, генетически исходное, совершенно и

неизбежное достояние экономики, как, собственно, и характерное для экономики умение;

— экономика вообще не может быть, существовать, реализовываться *без* и *вне* безумия, которого в экономике весьма хватает, хотя и в разной мере в зависимости от пространства бытия и времени реализации экономики, а также в разных местах и временах «количественном» соотношении с умением;

— безумие — несомненный апокалиптический атрибут экономики, яркое свидетельство ее апокалиптической природы, характерное проявление бытийной апокалиптики вообще.

Отсюда:

— чем свободнее, своевольнее, на себя саму обращеннее экономика, тем более она тяготеет к имманентному безумию, хотя кое-что сходное можно сказать и о противоположном варианте экономической экзистенции: чем экономика связаннее, ограниченнее, организованнее извне, тем больше вероятность прихода отложенного на время (временно подавленного) экономического безумия, чаще всего и избыточно разрушительного;

— безумие имманентно экономике, а потому не полное снятие безумия уместно для управляющего предиктора, а удержание сего безумия в приемлемой для экономики, социума, природы и самого управляющего предиктора мере;

— свобода безумия в сочетании с его же несвободой.

Реальное экономическое действие полно как умения, так и безумия. Оглянись вокруг, ученый обозреватель, и увидишь много чего безумного в экономическом мире, мало того, иной раз тебе даже покажется, что экономика, в осо-

бенности современная (постмодерновая, постреальная, «постзлатоносная», постстандартодевизная), совершенно уже безумна, что безумие здесь не просто уже вынужденный и неизбежный спутник изошренного умия, а наоборот, умение оказывается отрицательным следствием обширного и безостановочного безумия.

Однако важно уразуметь, что при полном доминировании умия не то что не сварганить никакой экономики, но даже и не добиться от нее сколько-нибудь позитивного эффекта, как и наоборот, при полном расцвете экономического безумия экономика идет в явный разнос и не достигает никаких ожидаемых от нее позитивных результатов.

Экономика, как ни странно, *должна быть в меру безумной*, но она *не должна становиться собственно экономикой безумия*, что то же самое — *обезумевшей экономикой*, как раз очень похожей на ту, каковой оказывается современная (постмодерновая) мировая экономика.

Оторванность от житейской реальности, своеволие, безмерие, безграничность, чрезмерность, избыточность, ирреальность, аномальность, беззаконность, зазеркальность, неукротимость, бессмысленность — разве всего этого нет в изобилии и разве всё это не свидетельство *большого разгула большого безумия*, может, уже и *рокового*?

Отрешенная от жизненной реальности стоимость, которая уже сама по себе не что иное как *ирреальная реальность*, не просто господствует в человеческом мире, его куда-то страстно ведет, но и его усердно... *пожирает*, да ладно бы лишь его физис, а то ведь и весь его метафизис: само человеческое сознание, саму земную ноосферу, самого же растерявшегося не на шутку человека.

И дело тут не в одном функционально-управленческом безумии, как и не только в безумии производственно-потребительском или том же экологическом, что более всего обычно бросается в глаза, а уже в безумии определенно феноменальном, субстанциальном, онтологическом, то бишь просто так и не устранимом — на основе и в рамках давно уже зарвавшейся от собственного самоуправства экономики.

Хотим мы этого или не хотим, но над экономикой все более угрозно нависает тень какой-то ее великой отрицательной противоположности — уже *постэкономической*, что скорее всего найдет свое историческое (а может, уже и постисторическое) завершение в какой-нибудь *техномике*, вряд ли совсем уж свободной от какого-нибудь *своего* безумия, но могущей все-таки преодолеть почти что уже невыносимое бремя безумия не в меру разгулявшейся экономики.

А вот каким при этом станется (и останется ли вообще) человечество, то это, как говорится, совсем уже другая история, ведомая, возможно, лишь одному Господу Богу.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Экономика // *Философия хозяйства*. 2000. № 1.
2. *Осипов Ю.М.* Стоимость // *Философия хозяйства*. 2000 № 2.
3. *Осипов Ю.М.* Финансомика // *Философия хозяйства* 2000 № 3.
4. *Осипов Ю.М.* Неэкономика (опыт философско-хозяйственного рассмотрения) // *Философия хозяйства*. 2001. № 3. С. 38—55.
5. *Осипов Ю.М.* Глобальная экономика: не миф, а реальность, хотя и трансцендентная // *Философия хозяйства*. 2002. № 2. С. 9—14.
6. *Осипов Ю.М.* Хозяйство и экономика: единство, противоречие... антогонизм? // *Философия хозяйства*. 2002 № 3. С. 109—118.

7. *Осипов Ю.М.* Глобальное и национальное в экономике // Философия хозяйства. 2003. № 6. С. 11—38.
8. *Осипов Ю.М.* Сознание и экономика // Философия хозяйства. 2006. № 5. С. 9—20.
9. *Осипов Ю.М.* Глобальная экономика // Философия хозяйства. 2007. № 4. С. 205—209.
10. *Осипов Ю.М.* Новая экономика // Философия хозяйства. 2007. № 4. С. 209—225.
11. *Осипов Ю.М.* Субэкономика // Философия хозяйства. 2011. № 2. С. 172—175.
12. *Рязанов В.Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016. 695 с.

Экономика как фикция и как фейк

Для философии хозяйства, которая есть не что иное, как метафизическое в основе, то бишь как собственно философское трактование не чего-нибудь, а всего жизнеотправления человека — *хозяйства*, то нечто, обычно называемое *экономикой* — не более, чем частный случай хозяйства, — как раз *экономический*, — что обуславливается на практике наличием и действием особого рода сознаниевоментальной субстанции (спиритуальной, эфирной, идеальной), обычно называемой *стоимостью*, воплощающейся в текущей экономической реальности в виде денежных и ценовых цифр, производимых как обословленной, так и интуитивной человеческой мыслью, и удерживаемых в людской памяти, имеющих исключительно знаково-культурно-

культурное ценностно-функциональное значение для всего хозяйствующего социума.

Обратим внимание:

— *экономика* восходит к *стоимости*, а стоимость — к по-особому оцифренной в знаково-культу-культурном плане человеческой мысли, обретая в сознаниевой (но-осферной) среде статус самостоящей, самодовлеющей и самоделятельной *субстанции*, разумеется, *идеальной*;

— отсюда все собственно экономическое: деньги, цены, капиталы, инвестиции, кредиты, финансы, денежные доходы, ценные бумаги, — не более чем идеальные *фикции*, обретающие реальное ценностное и функциональное значение только благодаря их всеобщему по хозяйствующему социуму субъектному применению и субъективному признанию, становящиеся вследствие сего применения и признания как бы вполне объективной фундаментальной данностью.

Тут неизбежно встает вопрос о *критерии ценностной истинности* всего экономического: ежели стоимость и все стоимостное не более чем идеальная вещь, пусть и доверительно применяемая в социуме и общественно признаваемая, то каков же тогда субстанциональный материал (субстрат) стоимости, способный помочь любознательному человеку разрешить проблему ее ценностной (величинной, размерной) истинности?

Отвечая на сей непростой вопрос, следует принять во внимание, что стоимость — *сама-себе-субстанция*, и ежели речь заходит о каком-то там субстанциальном материале стоимости, то никакого материала, кроме идеального (ментального, когнитивного), у стоимости быть вообще не мо-

жет, а потому выходит, что коль скоро стоимость все-таки вещь идеальная, то и материал у нее не какой-нибудь, а... идеальный и только идеальный.

Вес того же золота — не стоимостная ценность золота, а всего лишь весовая, а стоимостная ценность золота, его весовой единицы или веса какой-либо массы золота — идеальная (оценочная) ценность: не взвешенная, а... назначенная, не абсолютная, а условная, не телесная, а... «эфирная» (помысленная).

Вот и получается, что стоимость со всеми своими параметрами хоть и реальность, но реальность *фиктивная*, а потому стоимость, это как раз самое что ни на есть экономическое в экономике, есть не что иное как *фикция*, разумеется, вполне реалистичная и с успехом работающая.

Важно уразуметь, что само экономическое сознание оценивает то же золото, его вес, выводя из себя и саму его стоимость, как и стоимость веса золота, и делает оно все это метафизически и трансцендентно, «доставая» ценность, ее размерную единицу как бы из... *ничего!*

Не стоимость тут фиксируется в сознании (вроде того же веса золота), а сознание фиксирует стоимость того же золота — *прямо в себе и из себя!*

Критерий ценностной истинности стоимости для экономического сообщества сопряжен с признавательным обязательством коллективного сознания относительно как исходной (эталонной), так и текущей (практической) стоимостной единичной величины — той же денежной единицы, и признавательного же удержания общепризнанной ценностной истины во времени-пространстве на некоторый

воспроизводственный (оборотный) для стоимости и всего хозяйства срок.

Никакой исходной, идущей от Бога Создателя, постоянной величины с неизменными производными от нее соотношениями в экономике (стоимости), в отличие от физического природного мира, *нет и быть не может!*

Критерий ценностной истины стоимости в распоряжении человека вроде бы есть, но его при этом как бы и нет — вот и вся тут диалектическая загвоздка!

Отсюда стоимость не просто *фикционна* (прозрачна, летуча, призрачна), но и... весьма, знаете ли, *фейкова* (зыбка, непостоянна, обманна).

Долгое время, пока деньги имели материального носителя, в особенности в виде драгметаллов, а жизнеотправительный контекст был не слишком изменчив и весьма территориально обособлен и единообразен, фиктивно-фейковая сторона стоимости и конкретных ее параметров была не слишком заметной, важной и реализабельной, но по прошествии времени, когда свершилась *экономическая революция* и стала бурно развиваться *экономическая цивилизация* с ее неистовым товарообменом, массовым производительным капиталом, всепоглощающей кредитно-финансовой сферой, а главное — с бумажными, то бишь совсем в себе и не ценностными, носителями денег, а потом и с прекращением драгметаллового (золотого) обеспечения бумажных денег и их обмена на ценностные драгметаллы (золото), т. е. с концом «золотого стандарта», фиктивно-фейковая природа стоимости не просто усилилась, а заняла в сем замечательном идеально-субстанционально-стоимостном феномене первенствующее положение.

Все это означало нарастание антиэкономического начала в среде и в рамках самой по себе экономики, когда экономика, будучи уже самой что ни на есть высокоразвитой экономикой — *финансомикой*, радикально ослабляет собственное антихаотное контрольно-ревизионное основание и все более отдается во власть враждебной для нее самой самовольной стихии — вполне уже и *ультраэкономической*.

На арену экономической жизни выходит *денежно-ценово-капитало-финансовый произвол*, — уже не просто дополняющий и оживляющий весь экономический процесс, как в общем-то было всегда — до момента окончательного отказа от «золотого стандарта», а произвол, вполне уже подчиняющий экономику себе и делающий ее не более и не менее как *экономикой безграничного и безостановочного своеволия*.

И ежели взять, да и соединить гносеологически, с одной стороны, произвол и своеволие, вполне уже ставшие для экономики фундаментальными, а с другой, фикцию и фейк, — свойственные стоимости и всей зараз экономике, то получается очень уж гремучая смесь, — вполне уже онтологически и реальная, не дающая покоя ни самой экономике, ни жизненному контексту, ни хозяйствующему человеку, ни всему хозяйственному миру в целом.

Упрощенно и в меру образно говоря, если когда-то можно было ничтоже сумняшеся утверждать, рассуждая об экономике, что $2 \times 2 = 4$, пусть и с некоторыми от 4 отклонениями (в пределах, как принято обычно говорить, статистической погрешности), то теперь... э-э... так уже ни

в коем случае не скажешь, ибо 2x2 в нынешней экономике дает не 4 вовсе, а почти что любой, хотя и не совсем уж какой угодно... *X* (Икс), что позволяет заключить, что всякий экономический (стоимостной) параметр может иметь *любую, хотя и не какую угодно*, — из-за всеобщей взаимозависимости всех параметров и их текущих значений, — величину. Опять же тут перед нами совершенно фантастическая диалектика, а точнее бы сказать — *полилектика* (смещение в один узел многих действующих сил)!

Произвол и своеволие, а бок о бок с ними фикция и фейк, не такие уж в действительности вольные, как может показаться неискушенному читателю, а весьма сдерживаемые и ограничиваемые, но — и это надо четко уразуметь — прежде всего *ими же самими*, разумеется, в конкретной их реализации, как бы уже при этом и *другими* — от других утверждающих их сил.

Произвол на произвол дает какую-то точку (момент) между нами согласия, ограничивающего тот и другой взаимодействующий произволы.

Вследствие борьбы произволов в экономической среде возникает некое почти что и системное напряжение, сопровождаемое подгонкой экономических параметров друг к другу, никак не исключающее при этом их взаимного при желании и нежелании отталкивания и разбегания в разные стороны.

Здесь не так собственно *порядок* присутствует в экономике, как некое ее подвижное воспроизводственное состояние, преодолевающее упрямо сидящий в экономике невоспроизводственный пред- либо пост- воспроизводствен-

ный *хаос*, идущий от осознания стоимости и доводящий под влиянием воспроизводственного напряжения до своеобразного *полупорядка* — *хаосмоса* (уже не хаоса, но при этом и не космоса).

Свое воспроизводственное состояние экономика достигает благодаря все тому же объёму стоимостью экономическому сознанию, разлитому по ноосфере и снабженному синерго-негэнтропийной потенцией. Хаос в сознании и в экономике напрямую от сознания, но и преодоление хаоса тоже ведь от сознания, а иначе ни сознания, ни реализуемой им и в нем экономики. Опять эта диалектика, а точнее бы — полилектика!

Какое вообще сознание без необходимой для него и вполне фундаментальной ирреальности, без вольного воображения, без навязчивых иллюзий, без того же хаоса из поначалу призрачных мыслей, слов, цифр, величин и т. д., как и сопутствующих всему этому чудотворных фикций и тошнотворных фейков? Ясно, что никакое: нечто реальное в сознании всегда из вполне ирреального ничто, а всякий ловкий строй из какой-то попервах несуразной мешанины. Порядок в сознании, который, правда, не идет дальше сознаниевого хаосмоса — деяние самого же сознания, в котором хаос и антихаос чудесным образом сочетаются и взаимодействуют. И в экономике то же самое: хаос посредством антихаоса рождает хаосмос, непременно вновь ниспадающий в хаос и непременно оттуда же возвышающийся обратно. Экономика, как и сознание вообще — сплошная и непрерывная хаосогенная *импровизация!*

Вот где раздолье для практической (онтологической) фантазии, хоть и ограничиваемой контекстными обстоятельствами и внутренними потребностями экономического воспроизводства, но достаточно все-таки своевольной, чтобы, дополняя, а то и замещая, реальность ирреальностью, производить различного рода фикции вроде текущих цен, валютных курсов и банковских процентов, ибо все эти числовые параметры хоть и умело как-то всегда рассчитываются, но ведь при этом и впадают в жизнь прямо... *ниоткуда* — с потолка, так сказать, мало того, они еще и охотно фейкуют, скрывая какое-либо истинное положение дел, которое, правда, никому из смертных, собственно, досконально и не известно.

Вообще неизвестность — обширная, глубинная, темная — не просто неизбежное достояние экономики, но и дарованный ей могучий стимулятор ниспадания фикций и выпадения фейков, о чем проще всего судить даже не по текущим параметровым показателям, их часто совсем и не внятной динамике, а по той же, к примеру, официальной статистике, где что ни параметр, то... фикция, что ни цифра, то... фейк!

Разве можно вообще представить безфикционную и безфейковую экономику, а-а? Конечно, нет! Но вот почему же? Да всего лишь потому, что сама по себе экономика, ведомая стоимостью, есть не что иное, как *большая и разнообразная фикция*, а соответственно — и такого же разряда *большой и разнообразный фейк*! Вот, собственно, и все!

Экономика — *большая фиктивно-фейковая игра*, вполне сравнимая с любой бытующей в людской жизни иг-

рой, разумеется, достаточно большой, матричной, сложной, системной, калейдоскопичной. Достаточно обратить заинтересованное внимание на тот же футбол, чтобы увидеть в нем прекрасный образчик экономики — вплоть до фикций, когда на поле вроде бы игра, называемая футболом, но собственно футбола там почему-то не проглядывается, и тех же фейков, когда, к примеру, пенальтист делает вид, что будет наносить штрафной удар влево от вратаря, а бьет вправо, заставляя вратаря прыгнуть в противоположную сторону от летящего в ворота мяча. «Не верь ни глазам, ни ушам своим, ни уму своему не доверяй, ни образованию своему высшему, ни даже великому опыту, а верь... э-э... чему же?... интуиции, что ли? — о-о, нет, не только, совсем не только... а вот трансценденции верь, неизвестности верь, творящему ничто верь, да и то... самую малость, в общем — ничему такому вообще не верь, но... *действуй!*»

Дело не в том, что кто-то в экономике кого-то специально обманывает, а лучше бы сказать, что все нарочно обманывают всех, хотя это в общем-то и так, а в том, что экономика как феномен реальности онтологически попросту не может не быть *фантомно-фиктивной* и *фантазийно-фейковой*, ибо где она — экономическая истина, которую следовало бы класть в основание и в само работающее «тело» экономики? Какие-такие вокруг нас «истинные» деньги, цены, капиталы, кредиты, проценты, инвестиции, доходы и т. д., а-а?

Что-о, смешно?..

Вот именно! В экономике истинно только то, что реально состоялось, а вот **что** же на самом деле состоялось...

всегда вопрос — кто же это самое **что** вполне достоверно знает?

Опять... смешно!

Ничего тут удивительного, ибо экономика ведь не что иное, как... *тотальный смех*: открытый, скрытый, сдавленный, принужденный, тихонький, тоненький, а то вдруг и... гомерический! Карнавал тут, на котором что ни субъект, то... призрак, что ни параметр, то... маска, что ни действие, то... ворожба, что ни порядок, то... хаос. А тут какие-то имманентные-де законы, устойчивые структуры, упругие системы?..

Подними как-нибудь ясной ночью свою честную голову, читатель, да посмотри на звездное небо и представь себе на мгновение, что небо как-то вдруг заметно зашевелилось, звезды туда-сюда забегали, одна часть звездного неба вдруг погасла, а другая неожиданно озарилась ослепительно ярким светом, а потом... а потом все это небесное как-то внезапно смешалось и... перед твоим удивленным взором вдруг вновь возникло красочное небо, но... совсем уже *другое*, не прежнее, — вот тогда-то, может, ты и поймешь, читатель, что такое экономика, полная беглых фикций и бесподобных фейков, как и вообще всяких мерцающих и беглых реалий, мало того, вдруг и осознаешь, что экономика сама по себе есть не что иное, как... *одна большая фикция*, но при этом и... *один большой фейк*!

«Экономика вопреки» и «вопреки экономике»

Несмотря на то, что практические экономисты занимаются исключительно деньгами и их движением, куплей-продажей товаров, ценами и их динамикой, а также сопутствующими всему этому деяниями вроде инвестирования, кредитования, манипулирования фиктивным капиталом, а также денежного дохоодообразования, включая прибыли, проценты, ренты и заработные платы, ну и такими свершениями, как бухгалтерский учет, бюджетирование или та же биржевая игра, экономисты-теоретики упорно не хотят видеть и признавать, что ничего другого, кроме вышеотмеченного, в собственно экономику не входит, как и из ничего другого, кроме вышеперечисленного и всего ему подобного, экономика в принципе не состоит.

Практический экономист всегда там, где бытует, обобщенно говоря, *стоимость* — эта спиритуальная субстанция, вполне имманентная сознанию, бытующая в его сфере, реализующаяся идеально, размыслительно, мемориально (через память), используя смыслы, слово и особенно цифру, выражаясь в деньгах и ценах, их разного рода проявлениях — не более и не менее!

Стоимость перво-наперво рождается и входит в хозяйственный обиход человека всего лишь как простая сравнительная оценка эквивалентности простого товарообмена, когда обмениваемые вещи-блага даже еще не рассматриваются как товары, а обменная оценка их выражается в самых простых количественных мерах — вещно-товарных. Однако

со временем, по развитию товарообмена и его превращении в систематическое общественное (вполне и социально целостное) деяние, когда какой-то из товаров становится для всех без исключения товаров всеобщим стоимостным эквивалентом, — тут надо вспомнить о всего более подходящих для этого драгоценных металлах, надолго завоевавших себе почетное в экономике место, — когда, короче, появляются на экономической арене драгоценные деньги, стоимость превращается из мимолетной и мнимой оценочной «фишки» в постоянно существующую и непрерывно действующую *оценочно-ценностную субстанцию*.

Нет, конечно, не сами по себе драгоценные вещи-блага — драгметаллы — оказались в свое время деньгами — они лишь лучше любой другой вещи-блага выполняли функцию денег, воистину прочно удерживая в себе или собою сакраментальную экономическую ценность, на них навешанную экономическим сознанием, вполне уже и целостно общественным, и достойно выполняя не менее сакраментальную, вполне тоже и общественную, миссию. Ценностная значимость драгметаллов изменялась во времени и пространстве, но зато не менялись их — этих металлов — материал и его — этого материала — вес, который был, пусть и изменяющимся по своей стоимостной оценке во времени и в пространстве, но вполне устойчивым вещным мерилom невещественной (эфирной) стоимости, а также адекватным вещно-весовым массовидным ее воплощением (количеством, купностью, суммой).

Стоимость уже как целостно общественный субстанциальный феномен, заимевший и общественного вещно-субстанциального носителя в виде прежде всего драгоцен-

ного металла — того же золота, некоторое историческое время выполняла сугубо посредническую в реализации экономики функцию, находясь «внутри» экономического общества и ему всемерно «изнутри» споспешествуя. Однако пришло время, когда стоимость, достаточно напитавшись своей же высокочаимой самостью, вышла на уровень как бы самостоятельно бытующей субстанции, способной не только споспешествовать реализации экономики, но и призвать уже саму экономику к споспешествованию собственно стоимости, а иными словами: служа экономике как воспроизводящейся общественной товарно-субъектной целостности, обычно называемой в науке и на практике «рынком», стоимость, почувствовав немалую субстанциальную силу, неоспоримое функциональное значение и кое-какую институциональную самостоятельность, не могла не заявить о своем праве заставить экономику служить уже непосредственно себе — *стоимости*.

Реализуя сию эгопотребность, стоимость приняла, не без ведома самой экономики и даже некоторого с ее стороны поощрения, самый подходящий для этого образ — *капитала* (самовозрастающей стоимости!), не преминув воспользоваться и такой его замечательно чистой в стоимостном аспекте формой, как ростовщическо-банковско-финансовая, дойдя — уже после и в итоге отречения экономики от «металло-стандарта» (обеспечения фиктивных денег драгметалловым запасом с обменом их на драгметаллы) — до полного и вполне доминационного расцвета денежно-финансово-виртуальной составляющей экономики и превращения последней в ведомую вольноопределяющимися финансами экономику — *финансомику*.

Зародившись в среде активной хозяйственной жизни, ее достаточно затем освоив, стоимость, развившись до капитально-финансового образа и распрощавшись со своей охранительной вещно-благовой подкладкой в виде драгметаллов, завоевала не только главенствующую позицию в экономике и во всей хозяйственной жизни, но и получила возможность быть не чем-нибудь, а прямо-таки... *causa sui* — *самой себе причиной* (исходить из самой себя), а в интеграле — властвовать надо всем экономическим и неэкономическим, им управлять, исходя прежде всего из своих — уже и произвольных — мотивов-соображений, заставляя весь управляемый ею контекст ей же — вольной стоимости — хотя и вынужденно, а потому немало и сопротивляясь, но все-таки подчиняться.

Итак: произвольное господство преданной самой себе своевольной стоимости, переходящее в произвольно-авторитарное бытие экономики как действующей общественной целостности; это неизбежно порождает противоречие между стоимостью как генератором-очагом экономики и самой экономикой как сферообразной реальной целостностью, а также неизбежно вызывает противостояние со взаимными противодействиями между экономикой и всем социохозяйственным контекстом; отсюда необходимость и возможность введения в экономическую гносеологию такой замечательной «фишки», как... «*вопреки*», ну а вместе с этим и таких познавательно-объяснительных феноменов, как «*экономика вопреки*» и «*вопреки экономике*».

«*Экономика вопреки*». Это значит, что, во-первых, *вопреки себе самой*, когда стоимость вовсе не отзывчивый внутренний момент экономики, лишь ей бдительно внима-

ющий и ее старательно обслуживающий, а произвольный ее властелин, к безудержной своевольности которого надо непрерывно и ловко экономике приспосабливаться, не избегая и тех же стоимостных по своим истокам «обобщающих» кризисов; во-вторых, *вопреки потребностям контекста*, когда экономика не только не считается с неэкономическим контекстом, который она обязана вроде бы более всего лишь обслуживать, а заставляет сей контекст не только приспособляться к произвольно-авторитарной экономике, но и становиться таким по образу, качеству и структуре, каким слепо и «бесшабашно» хочет своевольная экономика, — а в итоге выходит, что экономика в целом и обусловленная ею социально-хозяйственная жизнь руководствуются не разумом человеческим, хотя это и есть, а более всего абстрактно-субстанциальным, пусть вроде бы и хомо-социальным, но уже *вне-* или *над-* человеческим «разумом», как раз в основе своей стоимостным: разум человеческий тут подчиняется разуму нечеловеческому, что ни плохо, ни хорошо, но что не снимает произвольного господства стоимости над экономикой, а экономики — над социохозяйственным бытием.

Отсюда и «*вопреки экономике*», что означает опять же вопреки себе самой, но уже как бы с другой стороны, когда экономика вынуждена ради самосохранения искать приемлемый вариант собственного выживания, прибегая к неэкономическим ресурсам и рычагам на себя же управленческого влияния вроде тех же государственных (дирижизм, кейнсианство, этатомизм) и институциональных (институции, право, регламенты) средств, а также означает необходимость прямого давления на экономику, а то и ее —

полное или частичное — игнорирование со стороны социохозяйственного контекста — уже ради самого этого контекста, его бытия, движения и развития вопреки экономике.

Нет, конечно, во всех подобных экономических «несуразицах», провоцирующих явление этого вынужденного многозначного «*вопреки*», не лежит чей-то злой умысел, не виновата чья-то плохая работа, не сидит чье-то роковое заблуждение, хотя, может, и не без всего этого, — здесь все-таки неперенная и неотвратимая реальность, которая была, есть и будет, пока была, есть и будет экономика, ведомая произволовой субстанциальной стоимостью. А экономика-то ведь миру человеческому очень даже нужна, мало того, она ничем другим и не заменима, во всяком случае, с незапамятных времен и до сей поры, хотя вовсе не так уж и обязательно, чтобы она была именно *такой*, какой она была ранее и сегодня есть.

Экономика — сложный и весьма запутанный онтологический узел просто так неискоренимых внутренних и внешних, вполне и фундаментальных, противоречий, противостояний, противодействий и противоборств, вовсе не сводящихся к пресловутой конкуренции с ее клинической борьбой за экономическую выгоду. Тут дело посерьезнее: власть стоимости надо всей реальной экономикой и вопреки ей, этой власти, реализация «*экономики вопреки*»; власть экономики над жизнеотправительным контекстом и вопреки ей, этой власти, реализация «*вопреки экономике*». И если учесть тот небезинтересный факт, что стоимость субъективно-властно управляема, пусть и не безоговорочно и не так уж и полноценно, а также управляема субъектно-

властно и вся экономика, пусть и не совсем достоверно и не вполне эффективно, то наше *«вопреки»* не только резко возрастает в цене, но и обретает вполне уже фундаментальное для экономически обустроенного мира значение.

Экономика — вовсе не мирный мир с некими внутри него конкурентно-деляческими коллизиями, а вполне себе *мир-война*, потрясаемый напряженной и пока еще в целом и в итоге более или менее компромиссной борьбой как внутри себя, так и с внешним контекстом.

Своевольное уоллстритовское господство над своевольной «одолларовенной» стоимостью, как и своевольное доминирование американизированного мирового финансового капитала над своевольной же мировой экономикой, не могут не вызывать сопротивления как всей экономической мировой сферы своему глобальному водителю-поработителю — американизированному до последней своей фиброчки монетарно-финансовому империальному «монстру», так и сопротивления всемирного, цивилизационно все еще разнообразного и по-разному этатически обустроенного неэкономического контекста уже самой глобализированной, и по-своему тоже своевольной, экономике.

Итак: *тотальное экономическое своеволие с не менее тотальным его внутри-, вне- и не- экономическим умериванием — как раз всей экономике вопреки, включая и саму по себе «экономику вопреки».*

Сегодняшняя глобализированная экономика — она же сетевая, информационно-оцифренная, глобально стандартизированная, невероятно подвижно-скоростная, «вневремя-пространственная» с высокоинтеллектуальным, высокотехнологическим и высокопроизводительным базисом, вполне себе игровая, виртуально-фиктивная, миражно-призрачная,

менеджерially-произволовая и т. д., то бишь в интегральном выражении-представлении воистину *постмодерновая экономика* — эта невообразимо хаосно-аномально-безмерно-своевольная экономика, для которой вовсе нет никакого умного и пристойного научного определения и для которой всего более подходит лишь какой-нибудь мифологический квалификационный образ вроде того же «*чудища окаянного*» (!).

Обращаясь гносеологически к экономике, не смешно ли нынче рассуждать вполне глубокомысленно о неких чуть ли не обязательных принципах, правилах, законах, порядках, якобы в экономике царящих; приводить разнообразные точные-де формулы, строить многочленные системы и сложные симулятивные модели; предвидеть неперемные расцветы и увядания, подъемы и спады, возгоны и кризисы, ибо все это и ему подобное если и имеет какое-то ментально-альтруистическое отношение к экономике, вполне и запоздалое, то уже не имеет для нее никакого действительного гносеологического значения: перед нами уже не просто другая по форме и поведению экономика, а вполне себе уже *иная* по своей неопределенной и неопределимой *сути* экономика, существующая мало что *сама по себе* и *для себя*, но еще и (Sic!)... *вопреки себе*, но это еще не все — *вопреки и всему человеческому жизнеотправлению*, что ставит вопрос не только о качестве бытия торжествующего над природой и космосом человечества, не просто о его потрясающем всякое воображение необыкновенном будущем, но и о простой выживаемости человечества — как именно человечества, но даже уже и как... увы... *постчеловечества*?

Вопрос грозен и, как говорится, «стоит ребром»: быть или не быть человечеству под роковым патронатом интенсивно обезумивающейся экономики?

Пока человечеству удастся не то что справиться с разошедшейся в безумном раже экономикой, но хотя бы находить с ней некий произвольно-подвижный компромисс, разумеется, ценой огромных человеческих усилий, гигантских природо-ресурсных затрат и безудержной имперо-колониальной экономической эксплуатации большей части планетарного мира, причем все это в разгорающейся борьбе с «чудищем окаянным», но ведь так бесконечно продолжаться не может, а потому на повестку исторического дня все более настойчиво выходит проблема преодоления своевольной экономики, зараженной двойным экономическим безумием: «экономикой вопреки» и «вопреки экономике».

Глобальная своевольная экономика постмодернового образца вполне возможна в реальности, что своенравно и весьма вычурно и настырно ею демонстрируется, а вот эффективно управляемая глобальная экономика, да еще и управляемая ради нормального (уже не клинического) общепланетарного человеческого жизнеотправления, не очень-то, судя по всему, возможна, о чем весьма уже патологизированная реальность тоже вполне убедительно, хоть и нелюбезно, упрямо свидетельствует.

Вот вам и вполне гуманитарный, не говоря о сакральном, приговор экономике, успевшей надменно впасть в безудержье и даже стать своей собственной самоубийственной противоположностью — этаким работающей против жизнеотправительного контекста и себя самой *антиэкономикой!*

И тогда неизбежно встает вопрос: А что делать в таком разе человечеству?

Вопрос понятный, да вот ответ на него совсем не такой уж понятный, почти что и невозможный: либо вперед в технокибертронную *постэкономику* — ту же *техномику*, способную на основе и в рамках тотального информационного социума вообще обойтись без когнитивной хомосоциальной стоимости, либо же поначалу все-таки преобразовать нынешнюю экономику в другую — более отвечающую потребностям немало уже экономически растерявшегося экономического человека — все-еще-человека, еще не полного киборга, хотя уже и не очень-то самого-себе-человека (куда теперь несчастно-счастливому человекообразному без тотализирующегося компьютеризованного и оцифренного бытия?).

Наверное, надо бы, не мешкая, двигаться по второму варианту — преобразовательному, хотя и первого варианта, вполне уже трансгрессивного, человечеству в общем-то уже, видно, не миновать, но пусть он станет все-таки в исторической очереди вторым — воистину как раз уже пост-экономическим.

Что касается преобразовательного варианта, то задача тут состоит в *достижении эффективного волевого управления в основе свободной, но не своевольной экономикой*, чего можно достичь, если вообще этого можно достичь, только путем пространственно-функциональной фрагментации мировой экономики, ее крупномасштабной партикуляризации, посредством не дробления ее на отдельные, замкнутые на себя части, а лишь выделения в мировом экономическом пространстве *больших локальных сред*, освобожденных от власти единого глобального центра и попадающих под управленческое воздействие собственных — уже локальных относительно всего планетарного мира — центров.

Что-то подобное уже происходит на планете, ставя не только под сомнение, но и под вполне уже реальное отрицание господство уоллстритовского монетарно-финансового моноцентризма и прокладывая пока еще не очень зримый, но уже весьма чувствующийся, путь к мегаэкономическому полицентризму с соответствующей этому мегаэкономической дифференциацией планетарного эконо- мизма.

Как это может произойти?

В войне, конечно, вполне и мировой, однако не в тер- моядерной, после которой нечему будет ни трансформиро- ваться, ни трансгрессировать, а в войне, изобретательно обозванной «гибридной», а лучше бы сказать — *в войне без мира и без войны*, а так в *мире-войне*, когда всего лишь кто кого в планетарном борческом бытии таки «перебытует»: либо передовой (Западный) мир, но уже поглощаемый им же порождаемым посмодерновым антимиром — это с одной стороны, или же мир вроде бы отставший — как раз неЗа- падный, но уже устремившийся вперед, однако не столько вослед передовому миру, а уже к своей собственной, им упорно рождаемой, новомировской — запостмодерновой — альтернативе — это с другой стороны.

Война тут, знаете ли, целых миров, включая и войну все-еще-человеческого мира с набирающим силу антимир- ром, в которой экономика как ведущая практика, так и как важнейшее средство, но при этом и как... неистовая деса- крализованная жертва, а что в итоге выйдет — решать не столько человечеству, сколько... *трансцендентной метאי- стории!*

Гиперэкономика как антиэкономика

Позволим себе сразу заявить, что нынешняя глобально-финансово-виртуализированная, она же *постмодерновая*, экономика — *гиперэкономика* — чрезмерная, безграничная, излишняя, нереальная, фиктивная, своевольная — не только переросшая обслуживаемый ею людской производительно-потребительный мир, над ним при этом авторитарно, произвольно и безраздельно властвуя, но и переросшая уже... *саму себя* — как обращенную к самой себе и себе самой преданную данность, став не просто самодовлеющей самой-для-себя данностью, на и данностью, уже выходящей как за пределы своей сугубой феноменальности (фактической событийности), так и за пределы своей насущной ноуменальности (сущностной концептуальности).

Перед нами не просто безразмерная мегамасштабная экономика, а экономика... перестающая быть... собственно экономикой, может, это уже и какая-то *сверх-экономика*, а скорее — преодолевающая саму себя в своей же собственной сути некая ультрановая экономика с чертами уже... э-э... субстанциальной *антиэкономики*, — не более и не менее!

Это уже *такая* экономика, которая не соблюдает саму себя как собственно экономику, не сознает в себе и для себя имманентной нормы, не знает приемлемого способа ее поддержания, а в случае крайней необходимости и способа ее нового для себя обретения — даже посредством и ценой острого системного кризиса.

Постмодерновая экономика — это экономика, как бы вышедшая за пределы себя самой, уже не подчиняющаяся себе самой, саму же себя презревающая.

Главное для экономики состоит теперь не в том, чтобы что-то из необходимого бытийного непременно для себя блюсти: пользу, необходимость, взаимность, общность, целостность, а более всего лишь что-то непременно и своевольно вершить, верша и саму себя — вплоть до недопустимого, ненужного, чрезмерного, вредного — не то чтобы при этом и сильно самой же экономикой желанного.

Не холостой вовсе тут ход, но и не оптимально-меровый, а так — беглый, тряский, а во многом и зряшный.

Экономика окончательно утрачивает чувство *меры* — как потребной для нее самой, так и для всего обусловленного ею жизнеотправления — пусть даже и стихийной меры, и неустойчивой, и неопределенной.

Теперь вокруг «экономика без меры»: не только без того же денежного «золотого стандарта» и преобладания тех же реально-товарных рынков, а вообще без всякого ощущения и поддержания какой бы то ни было хоть априорной, хоть апостериорной грани.

Любопытно, не правда ли?

Всё это в общем-то не так уж и просто осознать, в особенности убежденным любителям стройной упорядоченности хомо-социальных систем, их объективной-де «законопослушности», как и неперменной приверженности нормам и абсолютным мерам, даже и тем из знатоков экономики, которые хоть и акцентируют внимание на экономических неравновесиях, диспропорциях и избытках, не говоря о колебаниях и кризисах, но тоже ведь исходят из

неизбежного тяготения экономики к своей воспроизводственной мере и обязательному восстановлению системной нормы по итогам любой внезапно или же закономерно возникшей аномалии.

А вот экономика уже решительно отказывается... от самой себя, становясь нежданно-негаданно, качественно вдруг выворачиваясь... *антиэкономикой!*

Вот это... да-а!

Ни меры теперь никакой, ни разумной нормы, ни, тем более, вождельных законов, ни даже вразумительных возвратов экономики к самой себе — только вперед, да еще и в неизвестность с ненужностью, пусть и по хронически уже кризисному, то бишь вполне аномальному, пути, но... *вперед!*

Отставшим же, хоть и праведным — хана!

Не имеет теперь значения, какой ценности и в каком количестве гуляет по свету доллар; откуда, зачем, куда, в каких объемах, по какой цене и на каких условиях текут безразмерные инвестиции; какие вокруг цены, чему они справедливо не соответствуют и какой несправедливости, наоборот, соответствуют, почему они мало и изредко падают, но зато неуклонно растут; отчего общая гипертрофия экономики и зачем за ней слепо идет захваченное бодрой экономикой жизнеотправление — все более искусственное, избыточное и немало уже фиктивное, если не попросту фейковое; почему у малого людского меньшинства совершенно безумные по громадности доходы, а у большого человеческого большинства не более чем скромный «прожиточный минимум»; отчего разлагается и падает перед невежеством ниц массовое и даже элитарное образование, исче-

зает гуманистическая культура, немислимо дорожает здравоохранение и усиленно растет разнообразное наркопотребление, отнюдь не только траво-медикаментозное, но и интернетное, музыкальное, автодорожное, экстремальное, шопинговое; почему вдруг возник и процветает массовый, вплоть до военизированного, антигуманный терроризм, щедро кем-то финансируемый, тщательно обосновываемый и зачем-то решительно подогреваемый, и т. д., и т. п.?

Вопросы, вопросы, вопросы!

А ответы на них, ежели и есть, уже ничего и не значат.

Почему, отчего, зачем?

Выход из Нави в Явь *гипертрофированной антиэкономики* означает и выход под ее покровительством и при ее участии и *хомо-социального антимира* вообще с его неморальностью, развязностью, изысканной-де моден-антикультурой и «обезьяньей» масскультурой, как и всем информационно-сетевым «человекоником».

Дело-то ведь... дрянь, господа!

Современная экономика — своенравный, отвязанный и отвязный, несущийся зачем-то и куда-то вперед, безоглядный и бестормозной, но при этом еще и вполне себе обезумевший, *монстр*, которому у человека экономического уже нет веры с честной надеждой, как и на которого нет у сего человека никакой управы с крепким намордником, а есть лишь одно нервное восхищение, замешанное на безумном страхе с невыразимым отчаянием.

Все это эмоции, скажут нам досточтимые адепты чудотворной экономики, а где, мол, доказательства?

А разве они нужны — эти пошлые доказательства, ответим мы, разве не достаточно самого беглого взгляда на

обезумевшую экономическую реальность, которая свою бесноватость и не скрывает, уже откровенно кичась своими нечеловеческими «возможностями»?

Обострение любой апокалиптики значимо как раз тем, что никто ничего и не собирается скрывать, ибо она — апокалиптика — чувствует себя полной и безоговорочной победительницей, а ее адепты — дерзкими самодовольными победителями, перед чем и перед кем склоняется, бросившись ретиво оземь, весь рабски униженный апокалиптикой и ее адептами человеческий мир.

Ха-а, уж не антиэкономическая ли революция свершилась на планете Земля и уж не противозкономическая ли революция грядет на планете, ежели планета сия все еще хочет оставаться вживую вкупе с колонизовавшим ее странноприимным человечеством?

Вот оно как: судьбы экономики, человечества и Земли настолько тесно сегодня переплетены, что главный вопрос экономики ныне — не вопрос ее познания, оправдания или того же роста ее эффективности, а вопрос выживания человечества и даже самой счастливо-несчастной планеты Земля!

Вот уж где эсхатология, так эсхатология!

Безудержная гиперэкономика, уже вывернувшаяся в антиэкономику (антиэкономическую экономику) и вполне свихнувшаяся от собственного бескрайнего самоудовлетворения; удовлетворенное, обольщенное и напуганное неестественной, если не попросту... патологической, гипертрофией экономической цивилизации уже весьма обыскусственное человечество (как бы эрзацчеловечество) и, наконец, пригорюнившаяся от своей странной и, кажется, страшной

космостратегической участи красавица Земля — нещадно насилуемая экономическим «гиперчеловеком», страдающая от его гиперэксплуатации, неистово стонущая, но при этом и угрожающе ворчащая.

Любая экономика склонна к беспределу и безмерию, но не любая экономика из беспредела и безмерия охотно и радикально исходит, а вот современная постмодерновая гиперэкономика, она же и антиэкономика (легкая, летучая, вольная), как раз именно из беспредела и безмерия вовсю и исходит, прихотливо порождая любую из невозможных экономических (и в то же время антиэкономических) реальностей, ничуть не заботясь об их объективно-закономерностном обосновании.

Что хочу, то и ворочу!

И ежели все-таки не совсем всё, то, помимо внешних (контекстных) объективных обстоятельств, препятствующих субъективным произвольным деяниям, еще и по причине ответного произвола со стороны самой же целостной экономической среды, тоже ведь имеющей свой резон к сопротивлению. Произвол на произвол дает... нет, конечно, не порядок как таковой, а всего лишь... жизнеспособное целостное произволение — не более того!

Гиперэкономика, разумеется, вовсю работает, по-своему и эффективно, ибо целей своих она достигает — вполне уже и *бес-цельных*, но вот для чего же она все-таки работает и какой же ценой достигает своих бесцельных целей?

Никто в грешном зёмном мире ничего на этот счет не знает, ибо ни насущные потребности тут уже не при чем, ни производительные пределы, ни какие-то там оптимальные

затраты ресурсов, факторов, сил, энергий, интеллекта, духа, природы как таковой: чувствует все-еще-человек, что с экономикой что-то не так, а подделать-то со взбесившейся гиперэкономикой, возбуждавшей и инфернальную антиэкономикую, ничего не может.

Процветание, понимаешь ли, суперпотребление, гедонизм с драйвом, благополучие с протяженной донельзя земной жизнью, если не с квазибессмертием — какая тут может стать управа на добродетельную экономику, все это благолепие передовому человечеству, насквозь при этом экономическому, щедро дарующую?

Западня! Вполне и круговая.

Ну и несущийся вперед экзистенциальный поток, в котором сразу всё: вожди, элиты, народы, континенты. Кто и что может ослабить сей поток, переориентировать, обратить вспять, остановить, запустить совсем иную экзистенцию? Уже вроде бы пытались превентивно и инициативно в том же СССР, да где он теперь — этот самый СССР?

Да и не сам по себе СССР, а его в основе *неэкономический* — тотально-планизмический — строй (именно *строй*, а не поле, среда, сфера, как у экономики). Побыл какое-то время сей немагический строй, немало и доброго совершив, да вот нет его теперь, а вместо него... э-э... все та же экономика, да еще и в своем разнузданно-гипертрофированном виде.

А всё почему?

А попросту потому, что ничего *иного* человеку брэнному, грешному и порочному, к тому же амбициозному, алчному и делячески изощренному, кроме благодетельной и безудержной экономики, попросту *не дано!*

И ежели субъектно-субъективного решения по сдерживанию и упорядочиванию глобальной гиперэкономики не будет со стороны мировой правящей элиты найдено, а этого таки и не случится, то за дело возьмется объектно-объективный фактор, причем не какой-нибудь, а сама же гиперэкономика, вкупе с выпущенной ею из преисподней и в самой гиперэкономике благодарно возрастающей... *анти-экономикой*, которые вместе обязательно сотворят какую-то несусветную всесветскую катастрофу, ибо она — гиперэкономика со своей антиэкономикой — не просто беременна какой-то там будущей катастрофой, а она уже сама по себе... *катастрофа!*

Нет, мы не нагнетаем ни злобных страстей, ни поганой чернухи, ни даже бойкого алармизма, мы просто предлагаем видеть реальность *такой*, какова она есть, и иметь дело именно с *такой* — совершенно при этом реальной — реальностью, а не какой-то там книжно-теоретико-фарисейской, настойчиво подсовываемой образованному-де homo sapiens просвещенными донельзя университетами.

Гиперэкономику перманентно трясет — как от собственной стволковой лихорадки, так и от контекстной тектонической вибрации. Потрясения — норма для гиперэкономики. Любая катастрофа — тоже ведь потрясения, уже и непосредственно эсхатологические. Да и предотвратить любую катастрофу возможно лишь через потрясения — реформные, революционные, войновские, террорные.

Гиперэкономика любит потрясения, она ими живет, дышит, питается (недаром же она — *монстр!*). Так что спокойный мир — миром, а потрясения в нем неизбежны —

либо пристойно обыденные, либо непристойно катаклизмен-
ные, а то и те же вынужденно... *антикатастрофные*.

Думается, что весь планетарный мир стремительно приближается к антиглобальной и антиэкономической катастрофе, которая в то же время и зёмная (или даже антизёмная) антикатастрофа: мир сначала распадется на большие части с присущими им управляющими центрами, а потом... эх, если б не знать, а то ведь лезут в голову всякие нелепые картинки... а потом, видно, уже будет — если мир вообще останется! — совсем *другой* мир — не глобальный и не экономический, а... да-да, как раз тот самый, о котором так давно мечтает просвещенное человечество, но вот какой именно — из утопических или же антиутопических... о-о, пусть уж это решит сама история!

Криптопатэкономика

Многое ли мы знаем о реальной экономике, располагая официальной статистикой, сонмом научно-экспертных выкладок и массой обывательских представлений, — что в узкостоимостной, что в широкопроизводственной ее интерпретациях: знаем ли мы, что же на самом деле происходит в недрах и на поверхности экономической и производственной сфер; насколько правдива представительная фактологическая от экономике-де цифирь, включая даже и реальную продукцию, ее состав и объемы; какие «всамделишные»

процессы вершатся в экономике и общественном производстве; какие в действительности принимаются решения, возникают ожидания и происходят вокруг свершения; что в реальности «думает» о себе сама экономика, на что готова и может решиться, в том числе и вполне невероятно, внезапно, алогично и т. п. и т. д.?

Короче, не «крипто» ли перед нами в связи с экономикой, не «зазеркалье» ли, не «закулисье», не «подполье» и не «преисподняя» ли, как и попросту не сознательная ли тут как и бессознательная тоже, закрытость, скрытность, сокрытость, то бишь не завелась ли и не царствует ли в экономике большая объективно-субъективная, стихийно-волевая, естественно-искусственная... *тайна*?!

С одной стороны, реально-ирреальные (деятельские и процессуальные) потемки, с другой — реально-ирреальная тайнопись, обычно называемая фактологией, а с третьей — не так собственно знание о предмете, как о нем лишь приблизительное, нередко и попросту эскизное, воззренческое представление, весьма замешанное на вполне логичном незнании, алогических несуразностях и безудержной, часто и бестолковой, фантазии.

Да, экономический онтос сложен, изменчив, противоречив, но главное — конспиративен, темен, скрытен, хоть и на удивление чудотворен, а потому экономический прогноз весьма неточен, непонятен, условен, путан, мифологичен, по-своему даже и сказочен.

Можно с немалой уверенностью утверждать, что темени и незнания в связи с экономикой заметно больше, чем света и знания: «темная материя» тут в приоритете, а не какая-то высветленная разумом объективная данность.

Не художничать тут вовсе неизвестность среди жирного знания, а наоборот — вымороченное знание в среде неугодного незнания!

Все это ни плохо, ни хорошо, а попросту так *есть*, с чем и надо всюду считаться, отделяя, по возможности, мух от котлет, зерна от плевел, правду от кривды, а знание от незнания, как и наоборот — незнание от знания.

Итак: *криптоэкономика!*

За этим необъятным и виновно-невинным «крипто» скрывается, как можно было уже заметить, очень многое: и вся экономика («терра инкогнито», понимаешь ли!), и управление в экономике и экономикой; и происходящие в экономике процессы, включая и творящиеся в ней зачем-то и откуда ни возьмись самопроцессы.

Нравится это кому-либо или не нравится, но это так: экономика в целом и в основе — *неизвестное нечто, как, собственно, и известное ничто*, и лишь частью своей она есть *нечто известное*, всегда при этом весьма сомнительно известное, даже и вполне вроде бы фактическое, явное-де, чуть ли не истинное.

Расследующий уголовное преступление «сыскарь» может иной раз и установить подлинную истину, найдя преступника и обнаружить мотив преступления, а вот инспектирующий экономику заядлый и вредный экономист-ревизор вряд ли вполне и до конца разберется, что же такое происходит с текущей экономической реальностью, ибо он имеет дело, в отличие от «сыскаря», не с достоверной реальностью, пусть и старательно скрываемой, а с totally недостоверной ирреальностью — чуть ли не с *иным миром*, к которому нет у экономиста-«сыскаря» вполне эффективного шифровочного ключа.

Интересно все это, не правда ли?

Однако намного интереснее тут другое: есть ведь еще и сознательно загоняемая в криптосферу, то бишь в тень, подполье, резервацию, часть экономики, причем не только стоимостной, или монетарно-финансовой, экономики, но и производственной (включая и торговую).

Хорошо известные «оборонка», теневая и криминальная экономики, домохозяйства, или те же закрытые статьи в госбюджетах, если вообще не закрытые параллельные бюджеты — наилучшее тому подтверждение. Любая экономика значительной частью своей находится в общем-то в открытой *криптозоне* (финансовой ли, производственной ли, торговой ли), представляя собой даже некую онтологически целостную, в себя смотрящую и существующую как бы наряду с легальной экономикой особую данность, находящуюся в тесном взаимодействии со всей экономикой, во многом и нелегальном.

Криптоэкономика — это прежде всего свойство экономики вообще, ее онтологическая, как бы концептуальная, тайна, но при этом и сознательно закрытая по тем или иным мотивам часть (сфера, сегмент, сектор) экономики, ее, так сказать, нелегальная доля, где как раз кое-какой порядок, как и во всякой «зоне», безусловно, поддерживается, как и имеется кое-какое о «зональных» реалиях достоверное представление.

Во всяком экспертно-исследовательском суждении о самотворящейся экономике (производстве) важна, безусловно, собранная в разящий кулак достоверность, противостоящая-де расхожей недостоверности, лишь искажающей реальность, но важнее всего тут как раз степень недостоверности... самой же этой будто бы видимой, обзорно

установленной и убедительно подтвержденной достоверности. На первом плане тут оказывается, как это ни странно, не так вовсе степень собственно достоверности, как все-таки... степень недостоверности. Вот и выходит не столько знание о знаемом, сколько явное незнание вроде бы явно известного!

Отсюда и научно-экспертная мифология по поводу экономики вообще, или *параэкономическая мифология*, очень по современному интеллект-миру распространенная. Можно даже заявить и совершенно вроде бы невозможное: при всем обширном знании текущей экономической реальности никто из адептов достоверного-де о ней знания эту самую реальность достоверно-то и не знает!

Взять хотя бы родную отечественную экономику: кто, когда и в полной мере ее знал ранее, как и кто, как и в какой мере знает ее сейчас?

Госплан, НИИ при Госплане, Институт экономики РАН, Национальный банк или та же амбиционная ВШЭ?

В 1990-е гг. российская экономика показала всему свету, нарушая все принципы, законы, модели и матрицы всемирного экономического гнозиса, что экономическая реальность может быть... *любой*, мало того — еще и *какой угодно*... причем для себя же самой, а вовсе не для пресловутого «Регулятора» (этакого сакрального «Предиктора» вроде ФРС или того же Госплана), над которым экономика не отказывает себе в удовлетворении изрядно и поиздеваться.

Экономика со всей своей себя же определяющей неопределенностью — «дремучий лес», «бескрайнее хмурое море», «глухие тектонические недра», та же неизвестная «темная материя», а вот по-философски — не более и не менее как всего лишь «работающая трансценденция».

В лихие 1990-е оказалось вдруг, что деньги по ценности своей единицы и количеству в обращении этих единиц могут быть любыми и даже какими угодно; цены с инфляцией тоже; никаких никому приемлемых кредитов может не быть, но зато всю могут быть немыслимые по высоте ссудные проценты; денег вообще может у агентов не быть, зато может стать безденежный (параденежный, квазиденежный) бартер; падение производства возможно любое, безработица тоже; временный периодический кризис совсем не обязателен, ибо никакой сравнительной нормы тут нет, а потому либо сплошной непрерывный кризис, либо просто уже его натужное отсутствие (о каком-то «кризисе» можно вообще говорить в условиях «придонной экономики», отчаянно барахтающейся на дне бытия?); да и собственно экономики как работающей системы может не быть, хотя общество будет все равно как-то хозяйски выживать: и грабеж тут может быть любой, и коррупция, и всякое иное уродство.

Экономика допускает всё!

Никаких тут тебе матриц, моделей, механизмов, организмов, систем, законов, принципов, в общем — никакого заведомого порядка, а лишь *хаос с произволом* да с непрерывно и вольно меняющимся *хаосмосом* — как раз вместо строевого и даже временами почти что стройного порядка, столь любимого научно обработанными экспертами.

Темное это варево — экономика, в котором чего только нет, точнее, в котором есть всё, кроме порядка, стройности, системности, что можно было бы смакетировать, затем умело подогнать под выдуманный хитроумно макет, а потом еще и ожидать исполнения экономикой сего тщательно продуманного манкового макета.

О-о, вмешиваться в экономическое варево, его старательно управленчески помешивая, вполне можно, даже

ожидая при этом от экономики чего-то от нее и впрямь ожидаемого, но всегда при этом получать в реальности все-таки что-то... *другое*, часто и совершенно неожиданное.

Экономика вообще — царство произвола, беззакония, беспредела, что обычно по-научному скромно называется стихией, отклонением, ошибкой, недоучетом, сбоем, неравновесием, диспропорцией, на крайний случай — *кризисом*, а на самом-то деле является органичной принадлежностью экономики, ее невозмутимым и незамутненным кредо, без чего нет и вообще не может быть экономики, ее самоорганизации и саморазвития, не говоря о волевом ею управлении и даже навязанном ей извне развитии.

Хорошо было бы наконец-то понять, что в экономике, как и во всем осознаниином мире, не знание и порядок доминируют в сознании и его мире, а *незнание* и *хаос* (ничто, пустота, темень), отчего не незнание — дыра в знании, а знание — некий косный вершок среди тьмы незнания.

Несмотря на то, что экономика — атрибут, плод и орудие сознания, а вместе с этим мозга, разума, мысли, расчета, памяти, она есть при этом и воплощение некоего *субстанциального безумия*, из цепких объятий которого ей никак не вырваться, а потому любому рациональному наблюдателю ничего не остается, как признать наличие неких безумственных криптопатосостояния и криптопатоповедения экономики: ни рассмотреть толком сию криптопатоэкономiku, ни понять ее, ни в чем-то достоверно разобраться — одна в ней *сумасшедшая тайна!*

Заметим, уже и не просто тайна — от той же сложности, той же безграничности, того же своеволия, а прямо-таки *безумная тайна*, с которой даже никакому экономисту-

эскулапу не справиться — ни познавательно, ни операционально, ни тем более целительно.

Экономисты всех стран, мастей и ориентаций еще только осознают, что безумство, о котором речь, — не просто аномальное отклонение в состоянии и движении экономики, а самая настоящая для нее органика, ее вполне онтологическое бремя. Обзывая это «криптопато» всего лишь кризисом как бы временным и преодолимым — ничего об этом престраннейшем феномене фактически не сказать, ибо здесь даже не болезнь, хотя и есть кое-какая хроническая патология, — это уже не что иное, как именно *безумие*, вполне уже и *онтологическое*.

Безумие, о котором речь, — не прямой аналог обычного житейского человеческого безумия, хотя кое-что сходное тут и есть, — это некое апокалиптическое бытие, если уже не антибытие, при котором даже хорошо продуманный рациональный и вроде бы позитивный акт оказывается вопреки себе причиной чего-то, мягко выражаясь, «несусветного», аномального, гиперболического, нелепого, вредоносного. Сколько ныне в самой по себе экономике самой настоящей... *антиэкономики*, усердно экономику отрицающей и весьма уродующей!

Однако не надо думать, что сама экономика при этом не работает, что она не справляется со своим предназначением, что не приносит человечеству пользы, удовлетворения и радости, нет, всё это есть, но уже, увы, в алгоритме потаенного и неодолимого безумия, то бишь как бы и вне какого-либо рационально воспринимаемого алгоритма: нельзя же гносеологическое «умие» наложить на онтологи-

ческое безумие, как, собственно, и наоборот — сообщить от предметного «иррацио» какое-то знаниевое «рацио».

Вот почему умная, иррациональная, логическая наука пасует ныне перед совершенно уже иррациональной экономической реальностью, теша саму себя сначала иллюзией собственной для себя достоверности, а затем принимая разверзшуюся тотальную и хроническую аномалию всего лишь за частично временную кризисоподобную паузу в целом-де упорядоченно и достоверно движущегося и неуклонно развивающегося экономического онтоса.

Вся загвоздка тут в том, что умное человечество мало что уже сто́ит, разинув рот, перед неподъемной экономической тайной, но и внезапно оказалось лицом к лицу, тоже не закрывая рта, с полным незнанием того, *что* есть по сути своей и на самом деле экономика, что она реально выделяет и куда она идет, увлекая за собой соблазненное ею весьма уже экономическое обезумевшее человечество.

Если совсем еще недавно казалось, что уж экономическая-то наука почти всё или же очень многое знает, то сегодня, увы, надо быть очень уж простодушным онаученным персонажем, чтобы веровать в онтологическую достоверность бытующего экономического гнозиса.

Человечество — трудовое, предпринимательское, финансовое, творческое, потребительское — само по себе; экономика, будучи для пытливого человеческого ума по большей части не более чем *криптопатэкономикой* — сама по себе; экономическое воззренческое знание-незнание — само по себе, — вот оно — роковое противорасположение с неизвестным для человечества конечным результатом!

Экономика, будучи криптопатозкономикой, — сама себе тайна, как и сама себе власть, а для якобы разумного человека — мало что фетиш, выбрасывающий человеку потребности, полезности и всякие блага, во многом совершенно ему и не нужные, но и ненасытная бездна, поглощающая вместе с давно уже излишними потребностями, избыточными полезностями и фиктивными благами и самого человека, весьма уже, кстати, экономикой расчеловеченного.

Без экономики человеку вроде бы нельзя, но и с экономикой, как раз весьма ему неизвестной и неподвластной, еще и весьма патогенной, человеку уже очень даже страшно, — вот и вся тут недолга!

Экономика вообще — непрерывный, всепоглощающий, неостановимый, патохаосный поток, он же и потоп, захвативший человечество и несущий его неизвестно куда — со всеми его благами и антиблагами, полезностями и вредностями, потребностями и фикциями, да так, что дух у человека экономического захватывает — от телеологической неизвестности и эсхатологической внезапности!

Где же тут выход? Нет, не в стимулировании спроса, чего жаждет экономика, подбодренная лукаво добродушным и стратегически близоруким Кейнсом, а в ограничении и связывании экономики, ее подчинении управляющему центру, ее овразумлении, что возможно лишь в условиях, выражаясь по-модному, *гибридной автаркии* — крупнонациональной или, скорее, группомежнациональной, как раз той самой, при которой контроль над экономикой вовсе не уничтожит потребной ей свободы, но зато задаст экономике иные режим и результат функционирования — *гуманистические*, — и кто из нынешних властолюбцев и мздоимцев

это поймет и неожиданно для себя осуществит, тот и может надеяться на просветление экономики, ее легализацию и укрощение глобального смертоносного экономического потопа!

Война, стало быть, тут же заметит пронизательный читатель, — что ж, может, и война, но не на уничтожение, а за сохранение, — да и разве ее нет — войны-то, как раз и обозванной нарочито и не без лукавства «гибридной», то бишь как бы и не войной вовсе, а так... «войновским карнавалом», за которым скрывается жесткая внутривидовая борьба — за место под солнцем, тоже уже чуть ли не гибридным — под солнцем вроде бы, но и под тенью от солнца тоже.

Война, конечно же, но ведь и *революция* тоже, и тоже, понимаешь-ли, гибридная, уже ради свержения всего патологически античеловеческого, — ныне дело уже не в распределении богатства, не в неравенствах и не в классах, даже не в эксплуатации человека человеком, хотя и во всем этом тоже, а в борьбе между *человеком* и угнетающим его все более и более *античеловеком* (нелюдем, бесом, зверем), что то же самое — между *угнетенным миром* и *гнобящим его антимиром*.

Апокалиптическая, так сказать, революция!

Война, безусловно, вероятнее такой вот революции, но почему же не случиться и войне, и революции?

А можно ли иначе — вполне-де *мирно*, без войны и без революции?

Можно, наверное, но для этого ведь требуется совершенно невозможное: *всемирный межчеловеческий компромисс*, сопровождаемый преобразованием если уж и не самого

по себе человека как сакрально земного феномена бытия, то хотя бы еще бытующего в самосознании человечества, что позволит перевести планету мирным путем в режим многоцентрового и плюропартикулярного бытия и осуществить перевод всемирной экономики под соответствующий планетарной полиморфии эффективный контроль с построением приемлемой для всего мира единой, уже и кибертехно-электронизированной валютно-финансовой, а лучше бы сказать — просто ценностно-расчетной системы.

Очередная утопия, — заявят нам экономические рационалисты, не желающие вроде бы войн и революций, но как раз всё и делающие, чтобы они были — эти войны и революции, — на что мы ответим: да, утопия, ну и что из того, ежели она и только она стоит за сохранение планетарного мира и цивилизации человека?

Такая вот у нас совершенно неумная романтика, которая на поверку — чего, конечно, нет и не будет — куда как ценнее ныне всего умного-де в своем безутешном безумии чисто экономического рационализма, — не так ли?

«Экономика в разнос»
как «экономика на вынос»

Экономику не понять, если не принять во внимание онтологическое — генетическое, фундаментальное и функциональное — значение для экономики имманентного ей и

только ей метафизического начала, основания и действенного смысло-решающего ядра — *стоимости*, а вслед за этим не признать, что экономика есть не что иное, как *мир стоимости* и *стоимостной мир*, а потому и мир, восходящий непосредственно к сознанию и бытующий в сфере сознания — в головах людских и в людской же ноосфере, то бишь мир спиритуальный, идеальный, когнитивный — *мир мысли* и *из мысли*, пользующийся смыслами, словами и цифрами, рождающимися в уме человеческом и его никогда не покидающими, как и мир, непрерывно запечатлевающийся в памяти человеческой и ее тоже никогда не покидающий — мир-образ, мир-призрак, мир-мираж, полный неопределенностей, вариаций, искажений, заблуждений, иллюзий, неточностей — мир-калейдоскоп, одновременно *мир реальный* и *мир нереальный*, открытый и закрытый, доступный наблюдению извне и весьма при этом конспиративный, то бишь мир-миф, мир-шифр, мир-головоломка, но и мир-тайна, мир-загадка, мир-лабиринт, в общем — *криптомир*, он же и *мир хаоса* и *мир из хаоса*, убегающий от хаоса, вполне и творящего, и вбегающий в *хаосмос*, никогда при этом не добегающий до *космоса* (космического порядка), но зато непременно ниспадающий вновь в хаос, чтобы снова начать бегство от него, но и это не все, ибо это еще и мир-поток, мир-поле, мир-облако, мир-«море-окиян», но никак не мир-механизм, не мир-организм, даже не устойчиво воспроизводственный мир-система.

Вот вам, господа ученые, и определеньеце... без всякого ясного определения, ибо тут не так определять надо, как попросту понимать, а понимая — признавать!

Ничего удивительного, что такому вот «мирку» вполне присущ и кое-какой... *разнос*, восходящий к разделенности, подвижности, переменчивости, непостоянству насыщающего сей мир крайне пластичного, дискретного и весьма поэлементно, почастно и целостно самоопределяющегося «материала» — как раз *стоимостного*! Мириады элементов; великое множество частей, потоков, завихрений (на плоскости, вниз, вверх); бесконечное количество мотивов, решений, акций; необозримое число выборов, вариантов, обходов, уклонов; обширнейшая масса событий, состояний, перемен, фактов, свидетельств, показаний. И, конечно же, всеобщий субъектный произвол и повсеместное субъективное своеволие, интегральная общественная стихия и разорванная социальная аритмия, вынужденная волевая импульсивность и неизбежная деловая волнительность.

Хочешь, не хочешь, а... *разнос*! Причем не как лишь неудобная аномалия, а как вполне *нормальная угодность*, ибо иначе тут — в экономическом мире — попросту нельзя: так существуют и работают такие вещи, как сознание, мозг, психея; именно так существуют и работают стоимость, деньги, цены; так должна бытийствовать и функционировать экономика в целом.

Чем дальше вглубь экономики, как и вглубь тех же сознания, мозга, психеи, тем непонятнее, загадочнее, таинственнее — вплоть до полной неизвестности, до сплошной тьмы, до тотального ничто!

Экономика вся вроде бы на виду, но при этом она в своей фундаментальной работающей части где-то там — в тени, в темени, в криптосфере, то бишь вовсе и не на виду, что совсем не мешает экономике быть, действовать, тво-

рять, не забывая ни о себе, ни о жизнеотправительном и жизненноважном для экономики контексте, ни о работающем, производящем и потребляющем, как и творящем человеке с его сложным социумом, ни о благотворительной и при этом крайне проблемной для человека планете Земля с ближайшим ей загадочным космосом, но в то же время, что очень важно — быть, действовать, творить, ориентируясь прежде всего на себя, на стоимость, на эту в общем-то трансцендентную субстанцию, имеющую свой собственный мир, по нему повсеместно разлитую, его преднамеренно держащую, им намеренно управляющую, над ним безоговорочно властвующую.

Разнос, о котором речь — состояние, свойство и фактор бытия экономики, вовсе не склонной не то что к часовническому (от механических часов) порядку, но даже и к порядку космическому, а все потому, что иначе экономика попросту... *неисполнима*.

Есть строгие, точные, устойчивые системы — те же твердотельные природные и технические; есть системы вероятностные, колебательные, стохастические — живые, организменные, социальные, пожалуй, что и космические; а есть... э-э... объекты, которые не просто не слишком внутри себя упорядоченные, но которые и системами-то трудно назвать, ибо хаотичны они, переменчивы, неуловимы — как целое, разумеется, к которым относятся, к примеру, сознание, мозг, психика, ноосфера, возможно, все мироздание, включая его «черные дыры» и какую-нибудь «темную материю», ну и, конечно же, всецело относится экономика.

В этих бытийных данностях, к которым как раз и тяготеет экономика, существует и даже доминирует обозначен-

ный выше «разнос» — вполне и творческий, однако разный он, этот самый «разнос»: вариативный (от одного состояния к другому), трансформационный (от одной формы бытия к другой), преобразовательный (от одного бытийного образа к другому), — и каждый из сих «разносов» в той или иной мере патогенен — от почти незаметных отклонений от «нормы» до серьезных аномально-кризисных эксцессов.

Разнос разносу — рознь; есть вполне, так сказать, органичные экономическому миру разносы, не представляющие большого риска для экономики, наоборот, ей вполне нужные и даже полезные; а есть и такие, что сопровождаются как серьезными внутренними потрясениями, так и жуткими несообразностями с контекстом, представляющие уже немалую опасность для экономики, ее «безбедного» существования; именно при этих последних и происходят заметные мутационные перемены в экономике, упорно ищущей продолжения своего грешного бытования, как и его непременно настигающей, пусть и ценой вовсе не малых, а весьма и больших, если не попросту гигантских, потерь.

«Экономика вразнос» — ничего в общем-то хорошего, но вовсе не обязательно, что это обязательно что-то вроде самоубийственного флаттера с непременным для экономики страшным концом. Экономика — «вещь» крайне рискованная, но зато и с немалой степенью бытийной прочности, приспособляемости и выживаемости. Многовековая и очень разная история экономических разносов это убедительно подтверждает: трудно себе представить что-либо более гибкое, ловкое и... жизнеспособное, чем экономика. Сколько всяких происшествий, обострений, падений, ям, кризисов, «концов», в общем — разного рода разносов, а экономика

все тут как тут: иная, конечно, со временем, но ведь...
ЭКОНОМИКА!

Пока экономика базировалась на ручном производстве благ — не безграничном ни по объемам, ни по разнообразию продукции, и свято соблюдала ценностно-количественную связь денег с драгметаллами, в особенности с золотом, то разносы, о которых речь, были не настолько велики, чтобы их замечать и специально о них говорить, за исключением разве экстраординарного случая переполнения товарных рынков и рынков драгметаллов по итогам колонизации Нового Света.

Однако пришло для благодетельной экономики и вполне уже ей органичное «разносное время», как раз тогда, когда в производство пришла машина, приведшая к неограниченному росту производительности, объемов и разнообразия продукции, что динамизировало и анархизировало экономику, а на место драгметаллов пришли бумажные и кредитные деньги, ценные бумаги и всю раскрылась банковско-биржевая финансовая игра, т. е. когда экономика как целое стала весьма и весьма произвольной, а стоимость явно заявила о себе как самостоятельная и своевольная субстанциальная сила, способная не только к обслуживанию людского жизнеотправления, но и к овладению им, не пренебрегая при этом своим вольноопределяющимся статусом, то бишь прямо-таки «по-королевски».

Периодические кризисы экономики того же XXI в. — яркое свидетельство явной уже *разности* как собственно экономики с ее уже вполне разносной стоимостной субстанцией, так и ведомого ей разносной экономикой динамичного производства-потребления. Тут все сразу и со-

шло: 1) вольность и своеволие стоимости; 2) своеволие и разность экономики; 3) динамическая податливость машинно-фабричного производства с соответствующим ему «развязным» массовым потреблением.

Настигли экономику и вполне уже эпохальные для нее кризисные разности, когда экономика, намертво переплетенная с динамичным производством и массовым потреблением, искала выход в стоимостных и технологических переворотах, как и, разумеется, в колониальной экспансии во все стороны света, а также в развязывании и ведении имперо-экономическими государствами так называемых мировых войн — европейских по сути и генезису, хотя и действительно мировых по масштабам.

И что же разность? Он просто принял со временем хронический характер — вследствие окончательной утраты ценностно-количественной связи денег с драгметаллами (крах «золотого стандарта»); гипертрофии всей стоимостной (банковской, биржевой, финансовой, фиктивной) сферы с чрезмерным своеволием всего стоимостного дела; высокой и тоже своевольной производительностью производственной базы, а также безразмерной и быстро меняющейся номенклатурой потребительского рынка.

Хроническое присутствие в экономике «разности» потребовало сначала появления в экономической организации волевой управленческой силы интегративного характера — сети корпораций, а затем и внедрения в экономику внешней управляющей силы — государственной, причем в самом что ни на есть целостном аспекте (финансовом, инвестиционно-перераспределительном, институциональном, функциональном, дирижистском и т. д.).

Вторая мировая война 1939—1945 гг. с последовавшим за ней восстановлением инфраструктуры, производства и потребления, всего жизнеотправления, а также возникшая в итоге войны мощная волна научно-технического прогресса способствовали корпоративно-государственному овладению экономикой и относительно высокому и устойчивому росту и развитию всей производственно-потребительской сферы, что хоть и не сняло насовсем разностной потенции в экономике, но заметно сию потенцию ослабило — до поры, которая не замедлила все-таки явиться — прямо через четверть века как бы и «безразносного» экономического процветания.

Да — процветание, да — «безразносное» (квази-бескризисное) — и это все не без водительства в западном экономическом мире невыразимо усилившихся и ставших несомненным мировым лидером Соединенных Штатов, а также из-за стимулировавшей единение и развитие западного мира межсистемной, вполне и миромасштабной, «холодной войны» между Западом во главе с США и, условно говоря, Востоком, где уже главенствовал весьма окрепший и тоже ставший мировым лидером СССР. Если и имел тогда место какой-то «экономический разнос», то он, скорее, стимулировал раскатившееся вдруг процветание, чем надсадно ему препятствовал (недаром же «разнос разносу — рознь!»).

Однако большой негативный разнос, причем принявший общемировой масштаб, не обошел стороной вроде бы уже стабильно и навсегда процветавшей экономики в ее счастливом евроамериканском варианте. Через четверть века вдруг наступила десятилетняя заминка, ознаменовавшаяся рядом фрагментарных кризисов (валютным, нефтяным,

сырьевым), а также общим мировым кризисом 1974 — 1975 гг.

В дело тогда вступила и новая крупная, вполне и эпохальная, трансформация экономики вкупе с производством-потреблением: 1) вскачь пошла *глобализация мировой экономики*, все более освобождавшейся из-под государственного влияния и пограничных уз, вконец порвавшей с надзирающим за мировыми деньгами «золотым стандартом» и давшей зеленый свет мировому фиктивному финансизму с ведущей ролью безудержного, вполне уже и «пустого», доллара, а также воистину всеильного, хотя вовсе и не такого уж фиктивного, Уолл-стрита (придавшего потребную ему «законность» мировой долларо-финансовой кабале); 2) явилась новая волна научно-технического прогресса по линии *неоиндустриализма* с его электроникой, технологикой, автоматикой, кибернетикой, компьютерикой, информатикой, биотехнологикой, «микромирикой» и т. д., что открыло новые производительные возможности и рынки для массового производства и потребления; 3) случились чудесный (явно добровольно-спровоцированный) как бы проигрыш СССР в «холодной войне», внезапный саморазвал СССР и соцлагеря, открытие в связи с этим новых полуколониальных рынков для западной империальной экономики; 4) стали энергично и быстро подниматься экономически производительно и потребительно Китай, Индия, Бразилия и другие как бы отставшие страны, расширяя возможность мирового экономического процветания.

И все было бы ничего, если б вновь не наступила прямо через колдовскую четверть века (ах, этот Н.Д. Кондратьев со своими длинными циклами и волнами!) новая цикли-

ческая «трясучка», да ладно бы просто внутрисистемная (чего в экономике не бывает!), а то ведь непосредственно уже и *системная*, то бишь не просто болезнетворная (поражающая экономику изнутри и на какое-то время), а то ведь ставящая экономику на грань даже не обычной внутрисистемной трансформации, а самой что ни на есть... *трансгрессии* — перехода к какой-то уже качественно *иной* экономике, если уже не к... *постэкономике*.

Тут-то и возникает неприятная для экономики как таковой связка между «*экономическим разносом*» и «*экономикой вразнос*».

Не впервые в общем-то, как хорошо известно, в истории экономики, но... ведь уже во-первых, в предельной точке расцвета глобализации, финансизма, неоиндустриализма как и вообще мультикультурного постмодернизма с его потрясающей воображение искусственностью; во-вторых, когда уже ни тебе безоговорочного нео- или суперколониализма, ни краха альтернативного полумира СССР с соцлагерем, ни тебе спасительной для Запада новой мировой «войнушки», а наоборот — бурное развитие всего *незападного* мира с его геостратегическими локомотивами, сошедшимися в БРИКС'е, как раз того самого мира, который не собирается ни добровольно колонизоваться, ни оставить ведущее производственно-потребительское место экзистенциально наглому Западу, ни плясать под уоллстритовскую долларофинансовую долговую дудку, мало того, который уже эсхатологически угрожает Западу всеми возможными для него способами и по всем, знаете ли, вроде бы и невозможным для него направлениям.

Самое главное гнездовище мировой экономики вообще и современной глобо-финансо-виртуально-информационно-цифровой экономики в частности — *неоэкономики*, увы, хоть еще, быть может, не в слишком и явно выраженной, но уже... *в осаде*, что господин Д. Трамп, видно, весьма почувствовал и будто бы вознамерился чуть ли не удерживать мировую экономическую ситуацию на кругах своих, обеспечив дальнейшее, а в чем-то и новое, доминирование США на планете Земля.

Трамп, конечно, вряд ли до конца понимает всю серьезность того, что есть сегодня «экономика вразнос», устремившаяся и «*в разнос*» (на части), что история уже поставила на выигрыш кое-чего *иного* — то бишь на «*экономику на вынос*», и что выправить тут уже вряд ли что возможно, а поэтому остается лишь стойко и умело подчиниться обстоятельствам, пережив что-то схожее с тем, что пережил, не смоги пережить себя самого, СССР со своим «братским» соцлагерем — как раз четверть века тому назад!

В общем — *трансгрессия*, или же движение к *иному*, но пока еще не в полную *постэкономическую-техномическую*, а, скорее, в структурную новую, так сказать, *мировую неоэкономику* — уже по-крупному партикуляризированную (фрагментизированную) и непременно полицентричную, уже довольно контролируемую новыми мировыми экономическими центрами — вплоть до «гибридной автаркии» больших мировых партикулов, как раз тех самых партикулов и центров, которым удастся создать и некую необходимую для планеты общемировую координационную и контролируемую локальными центрами суперэкономическую надстройку, прежде всего валютно-финансовую.

Любопытнейшая сложилась в мире экономики ситуация: обычная экономическая война, она же де конкуренция, соперничество, тот же империализм, как-то незаметно перетекла на современном этапе в *общемировую экономику-войну*, когда господство того же самоуправного авторитарного доллара есть уже не что иное, как откровенная война доллара с миром, а уж сопротивление доллару со стороны мира — тем более!; когда наличествует не просто война разных экономик — тех же национальных, региональных, мировых, а война одной по качеству мировой экономики — уже перманентно кризисной, хотя и поспешно модернизирующейся (информатика, кибернетика, интернетика, нетика, виртуалика и т. д.), с другой по качеству мировой экономикой, только еще идущей на смену этой не просто кризисной, а уже и погибельно разносной, экономике; когда альтернативной экономики вроде бы еще нет в текущей реальности — факт!, но... она уже все-таки есть — в проекте самой же онтологической реальности, могущей в будущем как состояться, так и не состояться — на радость или на беду земному человечеству! — но кто ж из смертных *это* довольно знает?

Экономика и цифра: кто кого?

Отвечая на простой, но очень не любимый экономистами-теоретиками, вопрос: «Что есть *экономического* в *экономике*, или же в чем, собственно, *суть экономики?*», мы

неизбежно приходим к тому столь же простому ответу: «Это... *стоимость* (Value, valeur), на поверхности экономического бытия выражаемая *деньгами* и *ценами*, не считая всего от них и как таковая стоимости производного вроде тех же капиталов, инвестиций, кредитов, ценных бумаг, деривативов, расходов, доходов, налогов и т. п. экономических вещей».

Отсюда *экономика* есть не что иное, как часть жизнеотправления человека, обусловленная наличием, участием и движением стоимости, которая есть не что иное, как *духовно-идеальная (эфирная) субстанция*, гнездящаяся в сознании (или в сфере сознания, включая общественное сознание — *ноосферу*), обязанная своей реализацией мысли и памяти, слову и цифре, расчету и счету, в общем — разуму, когнитиву, работающему мозгу. Иного местоположения для экономики, кроме сферы сознания, нет и быть не может.

Всё, что обычно относят к экономике вроде благ, средств производства и предметов потребления, ресурсов, труда и т. д., никакой экономикой не является, всё это всегда было, есть и может быть вне экономики, хотя и не вне жизнеотправления человека. Если жизнеотправление легко подпадает в русском языке под понятие *хозяйство*, то в иных языках, в частности, в английском и том же французском, для жизнеотправления нет никакого вообще обобщающего понятия, кроме расплывчатого *Economie*. Отсюда необходимость вводить дополнительное слово для обозначения собственно экономики или стоимостного хозяйства — *ekonomika*.

Итак, примем *экономику* за *экономику* и попробуем эту *экономику* (*ekonomika*) рассмотреть в ее единении с

цифрой — *экономической цифрой*, той самой, что связана с деньгами, их величинами, отображена в деньгах, или ими выражена, то бишь с *цифрой денежной*, пусть и обозначающей не только деньги, но и цены, инвестиции, расходы, доходы, налоги и т. п. экономические «штучки».

Все внимание у нас к *цифре* — *экономической цифре*!

Как раз к той самой цифре — *экоцифре*, без которой нет и не может быть никакой экономики, ибо цифра — это не просто цифра, а цифра субстанциальная, то бишь стоимостная, несущая в себе стоимостную (ценностную) субстанциальность, а потому и *плотская цифра*, не то составляющая, не то просто обозначающая, *размерную плоть экономики*.

Интересно, не правда ли? Цифра тут не просто знак, а и сама плоть некой духо-идеальной реальности, называемой экономикой (*экономіка*). Цифра! И ничего более! Та самая цифра, которая, вобрав в себя числовым образом некую абсолютную на момент ценность, отражает через другие числа сравнительную значимость той или иной экономической вещи. Экономика — оцифрованное субстанциальное нечто, цифрующее экономическое сознание, в нем сидящее, а также цифрующее экономически всё вокруг неэкономическое, попадающее в зону действия стоимости (денег), превращая это всё в постоянную (как золото и тот же труд) или же временную (как картина Ван Гога на аукционе) свою принадлежность. Тут имеет место эффект *экономизации бытия*, превращение его (части его) в хорошо всем известное, хотя и по-разному трактуемое, *экономіе*, а по-нашему — в *экономическое хозяйство*.

Стоимостная цифирь, выраженная в разных изменяющихся числах и гуляющая по пространству экономики, — собственное содержание экономики, адекватная ей телесность, ее ничем не заменимое виртуальное тело.

Экономика — *цифирь и только цифирь!*

Однако цифирь-то не простая, а... волшебная (денежки ведь!), — и волшебство ее от экономической (товарно-обменно-ценностной), тоже вполне виртуальной, субстанциональной начинки — стоимостной, без чего цифра лишь только цифра — не более чем математический знак. В цифирь эту заложена — вполне субъективно, сознательно, когнитивно — стоимость (дух, так сказать), а стоимость получает от цифири вполне счетно-расчетную выраженность, мало того — телесность. Бери себе в мыслях и считай себе мысленно, да ведь не что-нибудь, а... *абсолютное виртуальное богатство*, — хошь в золоте, хошь в бумаге, хошь попросту в мнимых цифрах!

Цифра (число) должна непременно совпасть со стоимостью, а стоимость — с цифрой (числом). Экономическое (товарно-обменно-оценочное) сознание и совершает сию совместительную процедуру — путем проб и ошибок, повторов и исправлений, разумеется, сознание общественное — ноосферное, где наличествуют и в котором активно участвуют мириады индивидуальных (личных, коллективных, массовых) сознаний.

Работает большая — безграничная и весьма вольная — *счетно-решающая социальная машина*, чувствительными элементами в которой оказываются мириады индсознаний — экономических агентов, а агрегатными платами в

которой служат некие образования, которые обычно принято называть рынками, секторами, отраслями.

В механизме сей машины не просто цифирь, даже и обогащенная стоимостью, а конкретные ролевые цифры (числа), они де цифровые параметры — деньги с их ценностью и количеством, а также цены в их денежной (ценностной) выраженности. *Оцененные деньги и оденеженные цены*. Все остальное экономическое так или иначе воплощено в деньгах и имеет ту или иную цену.

Деньги и цены во взаимной неразрывности — главное существенное и функциональное ядро экономики.

Нет денег без цены, нет цен не в деньгах!

Деньги и цены — продукты работающего сознания, плоды реализующейся мысли, элементы бодрствующего когнитива. Они возникают, будучи назначенными, как и назначаются, будучи возникшими. Они могут быть *любыми, но не какими угодно*, ибо все оказываются взаимодействующими и взаимосвязанными, хотя и не жестко; они зависят друг от друга; они все в и из денежно-ценовой сети, не имеющей точных и строгих пределов, но тяготеющей к целостности.

Вся параметровая экономическая цифирь если и не определена целиком, но целостно взаимообусловлена, пусть и не строго, пусть и анархически: деньги к деньгам и ценам; цены к ценам и деньгам — в итоге мир денег и цен, дружащий с неизменно присутствующим в нем хаосом, переходящим непременно во вполне уже воспроизводственный хаосмос, пусть и не без коллизий, потерь, кризисов.

Итак: экономика — мир экономической (стоимостной) цифири; это есть большая цифрообусловленная счетно-

решающая полноценная машина; цифра тут не просто вспомогательное служебное средство, а сама управляемая сознанием плоть экономики; экономика в цифре и через цифру, а оттого она причина цифры, хотя и от этой же цифры следствие.

Многовековая теоретическая экономия проглядела цифру как плоть экономики, сосредоточив внимание на чем угодно, кроме цифры, — а ведь ничего, кроме стоимостной цифры, в экономике своего собственного попросту и нет. Возникает вопрос: «А как же практически наполняется ценностью экономическая цифра?». И ответить на сей простой вроде бы вопрос совсем и не просто, ибо это происходит хоть и наяву, но... весьма и скрытно, таинственно, трансцендентно, в общем — «черт знает как!».

В глубинах сознания ведь это происходит, включая бессознание, через работу всего осознаниенного счетно-решающего социального механизма, что делалось когда-то с подключением к счету-расчету весовых значений драгметаллов, прежде всего золота, а сейчас через прямое вменение ценности в ведущую в мире валюту — доллар, а затем и во все остальные валюты, с долларом непременно связанные, а с помощью вмененных доллара и остальных валют осуществляется назначение всех без исключения цен в мире, свободно-принудительно между собой взаимодействующих.

Тут всю господствует произвол, а не закон, правда, когда произвол «наезжает» на произвол и кое-какой ценовой порядок, вполне, конечно, хаосмосный, непременно возникает — обычно временный, срочный, иной раз и мимолетный, хотя вдруг и весьма устойчивый.

И какой же бывает ценность доллара как такового? А кто же это знает: есть она — ценность доллара, и все тут!

Да-а, ну и ну, как же это все понимать?

Вот так и понимать: ценность есть, но ее как бы и нет, что как раз и показывает полную нематериальность и почти полную трансцендентность феномена стоимости — духовно-идеальной сущности, которая является из глубин сознания, в нем сидит и им загадочно определяется.

Здесь важно учитывать факт априорного согласия, тоже весьма трансцендентного, наличествующего экономического мира не ценностнотворческую миссию доллара, всеобщего признания незнамо какой ценности доллара, лишь учетно выраженной в других валютах через обменные валютные курсы.

А дальше... а далее погружение экономических агентов в пучину валютнооцифрованной экономики — мира ценностной цифири, и возможная для каждого агента бесконечная экономическая игра со стоимостной цифирью в руках агента, перед его глазами и в его воображении (игровыми картами, платами, платформами).

Стоимость ведь не создается, а вменяется, причем во всё, во что ее можно (удается) вменить.

Будучи сначала произвольной, стоимость вливается в хозяйственный, жизнеотправительный, бытийный миропроцесс, в нем пребывает, его обслуживая и им же управляя, она буквально впивается в реальные потребительные вещи, придавая им рабочую цену, а потом, если стоимости удастся пройти через реальность, сохранив себя и увеличившись в размере (объеме), она становится уже реальным ценностным благом.

Ирреальная стоимость обращается в реальную — таков деятельский путь трансцендентного виртуального феномена, называемого стоимостью.

И ирреальная стоимостная цифра, поначалу весьма и произвольная, превращается в реальную объективированную, уже и вполне обоснованную, цифру.

Тут и возникает ложное впечатление, то цифра сия производна от вещей, а не обращена к ним; что она не от субъективированного сознания, а от объективированной вещи; не от самой себя, а от чего-то иного.

Стоимость *сама себе субстанция*, а экономическая цифирь — хоть и объективированная, но тоже *сама себе цифирь*, разумеется, не как сама по себе цифирь, а как лишь цифирь стоимостная.

Констатируя онтологическую вполне и плотскую принадлежность цифири вообще и в особенности стоимостной цифири экономике как таковой, причем принадлежность изначальную и неперемнную, можно, с одной стороны, вполне хладнокровно воспринять внезапное-де нашествие на вековую экономику новейшей «цифровой экономики», а с другой — разглядеть что-то действительно новое, что несет с собой нынешняя, вполне и оголтелая, «цифровизация экономики».

В собственно экономической практике есть свои технологии вроде того же бухгалтерского учета или тех же финансовых транзакций, не говоря о всяческих подсчетах, анализах и проектированиях. И внедрение в практику разного рода технических средств, в особенности счетно-решающих, заметно меняет саму эту практику, делая ее все более технизированной, а пожалуй что — *технотронной*.

Скоростная обработка больших информационных массивов; мгновенная передача безразмерных объемов информации на любые расстояния; системное моделирование реальных процессов, пусть и симуляционное; ускоренное делопроизводство; возросшие возможности системной аналитики и принятие более обоснованных оперативных и стратегических решений; возрастание возможностей управления и усиление роли субъективного фактора в организации экономической жизни.

Все это очевидно и не требует особых доказательств. Гораздо меньше очевидно другое: возможные качественные перемены в экономике в связи с выраженным изменением онтологического значения и функциональной роли присущей экономике цифры. Если сейчас цифра в экономике является *экономической* (вполне имманентной экономике), то что может произойти с экономической цифрой и самой экономикой при нарастании технического мотива в жизнеуправлении пока еще присущей экономике цифры? Если сейчас экономическая цифра — продукт социализированного экономического сознания, то что может случиться с этой цифрой, когда она, все более технизируясь, окажется более продуктом того же искусственного, т. е. вовсе уже техно-электронного, разума, чем продуктом разума чисто гуманитарного?

Вот уж вопросы, так вопросы!

В самом деле — что?

Искусственный, он же цифро-электронно-технический, разум, все более и более встраивающийся в разум гуманитарно-социальный (ноосферный), вряд ли останется в роли вспомогательного подмеханизма этого гу-

манитарно-социального разума, а непременно выйдет на все более ведущие позиции, хотя бы в силу неизбежно возрастающей от него зависимости чисто человеческого разума, но ведь не только — искусственный разум обязательно навяжет все более зависимому от него человеческому сознанию все более и более рациональную, а потому и упорядоченную, конструкцию реальности, которая, хочет она того или нет, будет все более становиться реальностью... *неэкономической*, то бишь все более *технотронной*, шаг за шагом расставаясь со своей социально-стоимостной сутью.

Технотронная цифра непременно одолеет цифру экономическую, а экономика станет не просто постэкономикой, а истинной *техномикой*, а по сути своей — *цифрономикой*.

Эра гуманитарно-социальной стоимости с ее деньгами, ценами и капиталами завершится, хотя словечки эти и останутся в обиходе на неопределенное время, но суть они будут отражать уже другую — техно-цифирную, когда цифра, рассчитанная и введенная в оборот технически и будет собственно ценностью — самой по себе ценностью, вполне уже информационной по содержанию — тому же битогенному.

Дето тут не в самих по себе техногенных величинах, а в их чисто информационной природе, а также в овладении ими хозяйственным процессом, уже и постэкономическим, когда технический расчет вытеснит расчет гуманитарно-социальный и окажется во главе тотального управленческого процесса.

Если стоимость вменялась в хозяйственный оборот, в нем витально бытовала, встречая и корректирующее от него

на себя воздействие, то технотронная счетно-решающая машина попросту подомнет под себя хозяйственный оборот, который станет не рассчитываемым в ходе самого себя, а априорно рассчитанным и лишь подчиняющимся априорно совершающемуся для него расчету — тотальному, текущему, гибкому, самоизменяющемуся.

Очень интересное наступит время, когда всё (буквально всё!) будет априорно и непрерывно рассчитываться и не дай бог кому-либо от этого тотального рассчитывания отойти в сторону: тут уже не «рынок» с его стоимостными конкурентными потоками, а самый что ни на есть *расчетный тоталитаризм*, от которого никому и никуда уже не деться, разве лишь в небытие.

Да, будет действовать счетно-решающий технотронный центр, будут осуществляться сбор и переработка тотальной информации, будет вестись рассылка технотронных решений, будет иметь место всеобщая реактивность среды, как и будет иметь место менеджериальное — и тоже оцифрованное — участие остаточного — вполне и оцифрованного — человека в работе гигантской, управляющей всем и вся технотронной машины.

Такая картина кажется фантастической и не достижимой. Однако это лишь сегодня так кажется, а завтра... завтра так уже не будет казаться, ибо приоритет искусственного мира с его оцифрованным интеллектом наступает как раз во времена не только апогея — и конца! — научно-технического прогресса, но и реальной земно-природной эсхатологии, то бишь тоже конца, а потому на очереди не расширение бытия, а его сжатие — до удобоваримых для Земли и Космоса размеров.

Отсюда потребность в крутой оптимизации бытия, его безжалостной рационализации и жесткой регламентации, примерно таких, какие сегодня наблюдаются в сфере науки, образования, здравоохранения, того же банковского дела — менеджериально-цифро-расчетные, когда менеджер — не человек вовсе, а лишь встроенное в большую счетно-решающую машину некое как будто бы одушевленное устройство.

Прообраз будущего уже налицо, — и не только в электронно-управленческом настоящем, но и в кое-каком прошлом — в тех же военно-мобилизационных деяниях, как и в том же тоталитарном директивном планировании советского образца.

Цифра одолеет не одну экономику, она покорит себе и все человеческое бытие, включая и самого человека.

В начале было *Слово*, ну а в конце... *Цифра*: что тут... *не такого?*

ПРИКЛАД ОТ ЗОИЛА

*Что есть экономика вообще и что она есть сегодня**

Вот уже десятилетие, как я пытаюсь ввести в научный обиход различие «экономики» и «хозяйства», толкуя хозяйство как самую жизнедеятельность человека, а экономику — как частный случай последней. Когда мы понимаем под экономикой особого рода организацию человеческого хозяйства, восходящую к социальному разделению хозяйства, обмену деятельностью, сравнительным оценкам всего и вся, необходимым для совершения обменного процесса, использующему деньги как средство всеобщего обмена, но так же и как главное условие и приоритетную цель хозяйствования, то экономика начинает обрастать необходимой онтологической ясностью, не мешая в то же время познающему субъекту проникать в содержимое того, что она, безусловно, представляет, но чем в полном объеме никак не является, т. е. в содержимое хозяйства. Экономика — надстройка над хозяйством вообще, и поскольку эта надстройка располагается не вне хозяйства, а в самом хозяйстве, т. е. это хозяйственная надстройка (лучше сказать, пожалуй, не надстройка, а суперструктура), то экономика есть не что иное, как *особенное хозяйство*, однако никогда

* Опубликовано в журнале *Философия хозяйства*. 2004. № 3. С. 88—99.

и ни при каких условиях полностью хозяйство вообще — как вообще жизнедеятельность человека — не покрывающая. В самой что ни на есть экономической хозяйственной реальности многое — и как выясняется — очень многое, если не основное и главное, — экономическим вовсе не является (разве все вокруг в жизни можно свести к товарному обмену и содействию денег: многое, если не основное, в той же личной жизни, в жизни дома и семьи, в реализации учебного заведения, больницы, конструкторского бюро, заводского цеха, любого управленческого аппарата и т. д.? — при желании ведь нетрудно убедиться, что большая часть хозяйственной жизни не относится напрямую к экономической организации, хотя в условиях развитой экономики этой организацией повсеместно и опосредствуется). Но несмотря на все мои попытки, ученое сообщество, за редким, правда, исключением, упорно отказывается принять предложенное мною различие «экономики» и «хозяйства», продолжая настаивать на всего лишь синонимичности двух терминов, не замечая даже и того факта, что в ряде случаев слово «экономика» вообще недопустимо к использованию: разве можно сказать, к примеру, «поэтическая экономика Пушкина», а вот В. Ходасевич позволил себе написать книгу «Поэтическое хозяйство Пушкина» — и, как видим, ничего, все здесь спокойно сошлось, ибо хозяйство и есть сама жизнь человека во всех ее проявлениях и действиях, а вот экономика — с ее сухим экономическим расчетом — всего лишь часть жизнедеятельности человека, точнее, особенный способ ее организации. Я постоянно привожу следующий довод в пользу различия «экономики» и «хозяйства»: сказать «экономика Бога» нельзя, а вот «хозяйство Бога» —

можно!, — ибо хозяйству совсем не чуждо творение, а вот экономике?.. Наука вроде бы любит доводы, а вот с подобными аргументами почему-то научное сообщество не считается (какая-то экономика реализуется, к примеру, на тех же лекциях в университете, а вот самый обыкновенный хозяйственный процесс в это время идет — производство знания? или какая же экономика реализуется на заседании ученого совета, хотя действие здесь абсолютно хозяйственное — обмен информацией и мнениями, выработка решений, производство восклицаний и умолчаний?..).

Экономика — по-особому организованное хозяйство, однако это всего лишь часть хозяйства вообще, его момент.

Понимая экономику именно таким образом, т. е. не как хозяйство вообще, а как лишь особенный способ его организации, легко заключить, что главным действующим лицом в экономике является *экономический субъект*, способный принимать *экономические решения*, а главным благом для такого субъекта является особого рода благо — *экономический эффект*. Продолжив размышления, нетрудно убедиться, что экономический субъект, экономическое решение и экономический эффект реализуются в экономике через посредство... *денег*, а деньги — особого рода, — и совершенно экономическая, — субстанция, кстати, абсолютно идеальная (при этом не имеет никакого значения ни реальное воплощение денег, ни их конкретное происхождение). Экономическим субъектом является хозяйственный агент, действующий на основе и с помощью денег; экономическим решением является хозяйственное решение, обусловленное деньгами; экономический эффект — денежный эффект.

Есть деньги, есть все экономическое, как есть и остальное хозяйственное, коли господствует экономика, нет денег — ничего нет, а если и есть, то только уже неэкономическое. Когда тот или иной хозяйственный агент делает что-то неденежное (не обусловленное деньгами, их движением), то он совершает нечто просто хозяйственное, часто вообще технологическое, и делая это, он не является в этот момент экономическим субъектом — это-то как раз очень важно понять, тем более что всего неденежного ему приходится совершать иной раз гораздо более, чем денежного. Ощущение какой-нибудь жизненной потребности — явление хозяйственное, а вот удовлетворение этой потребности через посредство денег — акт уже экономический. Можно сколько угодно ощущать голод, но погасить его *в рамках экономики* можно только с помощью денег.

Но дело здесь не в одной посреднической роли денег. Все гораздо сложнее. Деньги в экономике — не просто посредник, это еще и всего *начало* и всего же *конец*, с денег все хозяйственное начинается, деньгами же и завершается (либо с возвратом авансированных денег, либо, наоборот, с их невозвратом). Мало того, деньги не просто начинают хозяйственный процесс, они его в прямом смысле слова *запускают*, причем постоянно *входя* в хозяйственный процесс — *извне*, а, пожалуй, что и *сверху*. Деньги бытуют *в* хозяйстве, но они бытуют и *вне* хозяйства, более того, они бытуют *над* хозяйством. Представление, что деньги всего лишь функция от хозяйства и вне хозяйства они лишь находятся в качестве неиспользуемого сокровища, вряд ли соответствует всей их действительности. Не отвергая вообще данного представления, за которым есть своя правда, заме-

тим, что деньги способны не просто бывать вне хозяйства, временно его покидая, что происходит, кстати, постоянно и повсеместно, но и, что особенно важно, *возникать* вне хозяйства и, возникая, в это хозяйство входить в качестве необходимого ему фактора, однако не ради одной лишь посреднической — обменно-оценочной — функции, но и ради вообще *ведения* хозяйства, его *организации*, но опять же не только в интересах самого этого хозяйства, но в интересах... самих денег, как и их держателей-управителей.

Наблюдая пристально реализацию экономического хозяйства, я все более склоняюсь к *субъектно-властно-волевой* трактовке денег, все более отходя от общепринятой *стихийно-имманентно-объективной* трактовки. Да, когда-то, быть может, деньги и имели характер самовозникающего в хозяйстве вспомогательного средства, но те времена, если и были, давно канули в Лету — в развитой экономике деньги не возникают в хозяйстве, а *приходят* в него. И дело здесь не только в том, что деньги вполне сознательно выпускаются в свет властным экономическим центром, но и в том, что они постоянно входят в хозяйственный процесс — хоть в виде каких-либо выплат — извне и сверху. Деньги глобально *кредитуют* хозяйство, точнее, сообщество хозяйственных агентов, становящихся вследствие такого кредитования как, с одной стороны, экономическими субъектами, так, с другой стороны, экономическими должниками. Деньги даются извне и сверху, их внизу принимают и внутри используют, их затем возвращают. Экономическое сообщество — сообщество денежных кредиторов и денежных должников. Ничего другого и быть в экономике не может.

Деньги входят в хозяйственный мир с обозначенной ценностью (за денежную единицу) и с определенным количеством (денежных единиц). Оставляя в стороне проблему расчета ценности денег и их приемлемого количества, которая никаких теоретических трудностей не представляет, ибо возможный произвол здесь легко сочетается с совершенно твердыми его коррекциями, сосредоточим внимание на практическом использовании денег в реальном хозяйстве, а в реальном хозяйстве выделим самое главное — обменно-оценочный процесс.

Если есть деньги, то можно их пускать в дело, т. е. в обмен на неденьги. Однако каждый экономический, т. е. денежный, субъект встречается при этом с оценками, фиксирующими пропорции обмена. В экономической реальности всюду сплошные оценки, выраженные в тех же самых... деньгах, что то же самое — *цены*. Субъект встречается с ценами — *миром цен*. Откуда эти цены? Почему именно такие цены, а не другие? Оставляя в стороне проблему влияния на цены самих по себе денег, их текущей ценности и имеющегося количества, попробуем обрисовать механизм ценообразования в рамках уже по-особому понимаемого экономического хозяйства, когда, как мы уже отметили, деньги не возникают внутри хозяйства, а *входят в него*, не просто его обслуживают, а *ведут*, т. е. когда имеет место *приоритет денег над хозяйством*, когда не деньги — функция от хозяйства, а *хозяйство есть функция от денег*, когда не хозяйство первично по отношению к деньгам, — *деньги первичны по отношению к хозяйству*. Согласимся, что экономика у нас получается какая-то воистину *другая*, — и для такой экономики возможна какая-то *иная* процедура цено-

образования. По размышлении можно догадаться, что речь должна пойти о вхождении извне в оцениваемое благо, которое становится в связи с этим *товаром*, ожидаемой этой благом-товаром оценки, а не об изъятии (изведении) этой оценки из самого блага-товара, пусть и в сравнительных отношениях с другими имеющимися в обществе благами. Оценка блага-товара, таким образом, не выходит из блага-товара, а, наоборот, *входит* в него, т. е. образуется, как можно предположить, где-то *вне* блага-товара, хотя и в непосредственной с ним связи, ибо это оценка не чего-нибудь, а как раз самого этого блага-товара.

Оценка образуется вне блага-товара! Тогда где? — Ну хотя бы в головах людей-экономических субъектов, оперирующих деньгами и товарами, осуществляющих обмен и... производящих оценки. Согласимся, что в головах людей — уже вне благ-товаров. А коли так, то какими же соображениями руководствуются эти самые головы, с учетом чего они делают оценки — хотя бы в основе и в первую очередь?

Опять же достаточно поразмыслив, можно заключить, что руководствуются экономические субъекты при выделке цен... опять же деньгами, а чем же еще? — правда, не столько вообще деньгами, сколько деньгами практически, находящимися более всего в их руках, теми самыми деньгами, которые субъекты должны либо просто потратить, ожидая новых поступлений извне и сверху (в качестве того же жалованья), либо пустить в дело (в бизнес), чтобы вернуть затраченные на дело деньги с приростом — ведь без прироста денег, их, как принято говорить, самовозрастания, нет никакого интереса вообще пускать деньги в дело. Такое дело, которое есть дело сугубо экономическое, может

быть разным, но оно обязательно предполагает производство экономических оценок, в частности, цен, а среди последних — цен на разного рода потребительные блага, которые непременно приобретаются всеми экономическими субъектами — что для конечного, что для промежуточного потребления, что для чисто потребительского потребления, что для производительного, что для реального потребления, что для симулятивного. И вот выясняется, что все, что, будучи по природе неденежным, выходит в сферу обмена на деньги, т. е. любые неденежные блага-товары получают *вмененную цену*: либо с участием затраченных на появление благ-товаров денег, или авансированных денег, ищущих своего возврата с приростом, либо без него, если таковых затрат нет или их давление бывает несущественным (на природные ресурсы, к примеру, игровую услугу или тот же антиквариат). Ценообразование — денежная операция, операция денег, операция с деньгами. Начиная любой бизнес-процесс, он же и хозяйственный процесс, авансированные деньги предъявляют свои неперенные требования к цене производимого на эти деньги блага, что хорошо известно из феномена издержек и их обязательного возмещения; и если таковых предварительных издержек нет, они плохо учитываются или не имеют принципиального значения, то определение продажной цены идет, так сказать, в свободных деньгах, не связанных ни с какой предварительной денежно-воспроизводственной процедурой. Как, к примеру, определяется цена на землю, лес, недра, интеллектуальный продукт и т. д.? Субъективно свободно. Разумеется, что-то ограничительное обязательно учитывается, но в принципе именно так: субъективно свободно, что не мешает учесть

любые ограничения, в том числе и объективные, а часто просто трактуемые как объективные. Короче, воспроизводство денег с приростом, их самовозрастание, диктует цены на производимые в обществе блага-товары, а если и не само по себе воспроизводство какой-то авансированной суммы денег, то всего-навсего производство денег из акта обмена какого-то блага-товара на деньги. Возможно ли все это? А почему нет, коли деньги — это *параллельная субстанция*, парящая над хозяйством и распределяющаяся по нему в соответствии с реальными и даже нереальными возможностями своего хозяйственного бытия, заметим, бытия непременно вмененного? А вменением их авансированием денег для хозяйственных дел или использованием для тех же оценок, занимаются экономические субъекты — совершенно, кстати, сознательные существа, если не попросту счетно-решающие устройства. Иное дело, что все экономические деяния, все операции с деньгами, о которых мы говорим, происходят по всему хозяйственно-экономическому пространству, что любое экономическое исчисление производят все экономические агенты сразу, а главное, агенты, взаимодействующие между собой, что любая экономическая операция всегда является операцией многих агентов, в том числе и противостоящих друг другу, что все агенты и их экономические исчисления так или иначе противоборствуют, ограничивая каждого из агентов и каждое из исчислений, что на всякого продавца должен быть покупатель, у которого уже несколько иной, даже и противоположный, экономический интерес, что многие из продавцов испытывают досадные переживания от наличия иных аналогичных же продавцов, что покупателей одного и того же блага мо-

жет быть множество, а потому всегда можно рассчитывать на разную реакцию покупателей и т. д. и т. п., — и это все говорит о том, что вменение цен во блага-товары не может быть совсем уж каким угодно, хотя способно быть порою и таковым, что есть всеобщая товарно-денежная взаимообусловленность, порождающая и целесообразную взаимозависимость всех цен и денежных потоков между собой, что означает известную объективность субъективно реализуемого экономического процесса, однако объективность, исходящую от взаимодействия субъективных волей, а не от чего-либо еще, т. е. объективность, так сказать, внутри-экономическую, а не вне-экономическую, идущую либо прямо от природы, либо от неэкономических свойств хозяйственных элементов, тех же благ-товаров. И если кому-то может показаться, что экономические исчисления и намерения субъектов обусловлены лишь экономическими мотивами, то это неверно: экономическая сторона дела вполне способна учитывать неэкономическую сторону, скажем, и при определении тех же цен. Мы стараемся подчеркнуть здесь не изолированность экономического (денежного) от неэкономического (неденежного), а лишь особенность и приоритет экономического расчета относительно любого другого — *в рамках экономики!* Экономическое само решает, каким ему быть в своей реальной выраженности, оно не нуждается ни в каком неэкономическом начале-материале, чтобы выполнить для себя необходимое. Та же, к примеру, цена, исчисляется вполне субъективно, может учесть те же затраты на труд (не труда, а *на* труд — sic!), как и учесть качество блага, его редкость, окружающий его благодетельный «мираж» и т. п., но она не нуждается ни в подсчете са-

мого по себе затраченного труда, ни в каком-то физически выраженном единообразном «количестве качества», ни в особом собственном показателе редкости, ни уж тем более в какой-то субстанциальной «миражности». Нет ничего неэкономического и неденежного, тем более материального, физического, вещественного, что могло бы определить субстанциально суть и ценность экономического и денежного, не говоря уже о том, чтобы определить, так сказать, весомым образом: нет той внешней субстанции, которую можно было бы взвесить (исчислить), чтобы выразить через нее состав экономического, улавливая тем самым его содержание, еще и по-своему измеряя. Экономическое входит в хозяйственное, снабжая его *своей* субстанцией, само с этой субстанцией играет, навешивая на нее и через нее свои ценностные (ценовые) ярлыки. Мир экономического самого по себе — мир экономических (денежных) чисел, цифр, а также числовых и цифровых измерений экономическим всего неэкономического. Отсюда и «внешненность» экономических оценок относительно неэкономического, их вмененность в неэкономическое, их некая надхозяйственность.

Свобода экономического по отношению к хозяйственному не в том, что экономическое реализуется без хозяйственного, что экономика вне хозяйства, а в том, что экономическое, будучи погруженным в хозяйственное, способно само решать свои экономические вопросы, направляя своими решениями хозяйственное, делая хозяйство зависимым от экономики. Экономический мир сам по себе — совершенно *идеальный мир*, это мир *идеальной субстанции*, которую принято называть *стоимостью*, той самой стоимостью, которая бытует сразу в деньгах и оценках, как и в тех

же капиталах и ценных бумагах, которая везде и во всем, которая исходит из отношений людей и реализуется сразу через их головы, которая вбирает, перерабатывает и распределяет экономическую и в немалой степени хозяйственную информацию, которая как раз и решает все по-экономически — через экономических субъектов, их решения и действия, их экономическое поведение. Экономический мир — мир *идеальных элементов и параметров*. Товар как товар — нечто идеальное, деньги как деньги — тоже, цена — тем более, а что, собственно, в экономике не идеально, какая величина, какой расчет, какое действие? Разумеется, если экономическое не путать с хозяйственным, выделяя в последнем и неэкономическую составляющую.

Да, авторучка, которой я вожу по бумаге, материальна, как и сама бумага. Даже написание материально. Ну а функция авторучки и бумаги, написанных букв, тоже материальна? А смыслы, которые выведены на свет и заключены в тексте, разве они материальны? То же самое можно сказать об авторучке, бумаге и тексте как о товарах: что в них как в товарах материального — именно *как в товарах*? Цена? А цена разве это вес авторучки, белизна бумаги, четкость почерка? Да нет же, все эти качества могут, конечно, влиять на цены, но все они не сами же по себе цены, которые есть всего лишь числовые обозначения... числовых величин, причем не абсолютные вовсе, а относительные, мало того, обусловленные и какими-то другими ценами, т. е. во всех отношениях они есть что-то совершенно идеальное. Нравится нам это или нет, но все собственно экономическое — *идеально!*

А раз идеально, то и объяснять это экономическое надо *как идеальное*, а коли так, то причем тут, к примеру, материальные свойства вещи-блага, которые, может, и влияют на денежную оценку вещи, но сами по себе материалом оценки, не говоря уже о цене, не являются? Не свойства вещи констатируют экономическую оценку, а всего лишь оценка фиксирует в себе свойства вещи, — ах, как было бы хорошо это уразуметь, чтобы не копать понапрасну ради раскрытия сути ценообразования в тех же затратах труда на производство благ, которых нет и быть не может — чтобы их измерить, или в полезностях вещей, которых тоже не измерить и которых, следственно, тоже нет, или в соотношениях спроса и предложения, несоответствие которых бывает известным обычно лишь по динамике цены, да и то в неопределенной возможности, а равенство, в случае опять всего лишь стабильности цены, ничего не говорит о величине цены как таковой, т. е. не раскрывает главной обусловленности оценки!

Как не хочет ученое сообщество признавать смыслового разделения, а затем и функциональной специфики *хозяйства* и *экономики*, так не хочет оно признавать и *идеальности* экономического, то бишь стоимостного, денежного, оценочного, соответственно, самости и «внешненности» экономического начала, его способности к самодействию, мало того, к организации — что себя, что хозяйственного, его самостоятельной счетно-решающей возможности-функции.

Деньги и цены — разве они так уж объективны, не говоря уже об их пресловутой материальности? Они вполне субъективны и идеальны, даже и разумны, ибо за ними сто-

ят и в них воплощаются самые что ни на есть разумные субъекты — хозяйствующие по-экономически люди. Даже если деньги имеют металлическое основание, то не золото же само по себе деньги, как и не вес золота определяет ценность денег — все как раз наоборот — решение людское делает металл деньгами, а субъективное решение центрального денежного субъекта (эмиссионера) определяет относительную ценность золота, его веса, хотя и с учетом многих объективных условий, в том числе и общего кругооборота товарных цен. Цена прежде всего *субъектное решение*, а потом уже действующая величина в деньгах, испытывающая естественное влияние от других цен и ценовых решений, как и разных обстоятельств. Цена *вольна*, хоть и не произвольна, она же и ограничена, хотя и не жестко. Цена не *от* товара, а *в* товар, иной раз ей вообще нет дела до товара, его физических и социальных свойств. Не воспроизводство товара волнует в первую очередь цену, а воспроизводство самой себя — среди себе подобных. Однако цене нет никакого смысла отрываться от воспроизводства товара, в особенности, воспроизводящегося постоянно. Цена и не привязана жестко к воспроизводству товара, у нее есть и свой резон быть. Самостоятельность цены, ее «вышесть» по отношению к оцениваемому товару, ее инаковость относительно хозяйственного характера товара, ее даже и своеволие в сравнении со многим ею же оцениваемым — замечательные свойства цены, делающие ее воистину замечательным феноменом идеального экономического мира. Чем, к примеру, определяется мировая цена на нефть: издержками с прибылью, затратами труда, полезностью, предельной полезностью, редкостью, соотношением предложения и спро-

са и т. д., или все-таки... *субъективным решением*... неважно, конкретно кого? А цены на медикаменты, на железнодорожные и театральные билеты, на голландские цветы, на строительство какого-нибудь аквапарка и его же услуги, на водку и сигареты, на жилье... может, хватит перечислять, а то так недолго и цены всех товаров перебрать, пока найдешь, вдруг!, цену, соответствующую издержкам плюс прибыль, затратам труда, полезности товара, его предельной полезности, редкости, соотношению предложения со спросом и прочая, прочая, прочая (привлекаются ведь еще энергетические затраты вообще, информационные объемы, производительные эффекты, и т. д. и т. п.)? Что ж, приятно, наверное, решать неразрешимые задачки, искать, к примеру, материальную субстанцию в идеальной, т. е. нематериальной, среде, чтобы потом еще и как-то ее измерить, а измерив, предложить априорно как ту же цену товара, которая, правда, если она свободна, просто-напросто завтра и изменится, не взирая на все скрупулезные расчеты; или измерять то, что измерению вообще не подлежит; или решать сложную измерительную задачу, не обращая внимания на тот факт, что эта задача как-то сама по себе решается — каким-то самоходом, причем иначе решаться она вообще не может. И это ведь веками, веками!..

Деньги и цены — всего лишь *расчетные решения*, выраженные в числах и цифрах, входящие в хозяйственное бытие, его отражающие, но и по-своему организующие, мало того, им *управляющие*. Если бы деньги и цены не были бы чем-то внешним по отношению к хозяйственному процессу, в него входящим, то вряд ли они обладали бы той свободой, которой обладают. Не деньги и цены ведь в раб-

стве у хозяйства, а как раз хозяйство в рабстве у денег. Почему же? А потому что экономический разум — не хозяйственный разум, это совсем другой разум, хотя он и по поводу хозяйства; это разум, который *вне* хозяйства и *над* ним; это разум, который способен весьма далеко отстоять от реальной хозяйственной среды — как, к примеру, разум, эмитирующий доллары, от какой-нибудь сибирской деревушки, погруженной в реальный процесс; это разум, который решает для хозяйства, но и вместо него, а решая, заставляет хозяйство осуществляться в соответствии со своими, принятыми вне и над хозяйством, решениями. Разумеется, реальное хозяйство не может не влиять на экономическую систему и ее решения, но именно *влиять*, а не определять. И чтобы это уразуметь, полезно принять во внимание феномен *экономической власти* — над тем же хозяйством, именно экономической, ибо иного рода такой вот власти, т. е. без денег и оценок, просто быть не может. Только денежная и оценочная власть, т. е. экономическая власть, способна держать хозяйство под контролем и осуществлять его в своих интересах. Для такой власти нужна *единая идеальная субстанция*, которая как раз есть *стоимость*, как нужна и способность этой субстанции проникать везде и всюду, развешивая по всему пространству *различные конкретные оценки* — то ли что-то объективное и онтологическое учитывающие, то ли нет, но зато хорошо учитывающие то, что называется экономическим интересом.

Экономическая власть, о которой мы говорим, *кредитующая власть*, а все хозяйство со всеми своими субъектами ходит у этой власти в *неоплатных должниках*. Деньги просто так никому не даются, цены запросто не назначают-

ся. У всего экономического своя логика, а уж у экономической власти — тем более. Зачем же отдавать экономическое начало в распоряжение реального хозяйства, когда можно, игрово распоряжаясь экономическим, реально распоряжаться хозяйством. Неужели феномены денег, капитала, банков, кредита, ссудного процента, ренты, ценных бумаг, концернов, финансовых групп, инвестиций, валютных курсов, государственных бюджетов и долгов, налогов, заработных плат и жалований, вольного ценообразования, миграции капиталов, страхования, таможенных сборов, обязательных плат, выплат и штрафов и т. д. и т. п. ни о чем *таком* не говорят? Да, было время, когда экономическое не слишком выделялось из хозяйственного, почти что его и обслуживая. Но это время давно прошло. Экономическое уже давно там, где и должно быть — вне и над хозяйственным, реализуясь через хозяйство, но не столько ради него, сколько ради себя. А что значит ради себя? Да очень просто: ради *экономического дохода* — в деньгах, за которым стоит не одно только потребление реального продукта, но и многое другое, причем не одни лишь инвестиции, а та же, к примеру, политическая власть.

Экономический доход подразделяется, как известно, на *доходы*, и об этих доходах много говорят: о прибылях, ссудном проценте, рентах, заработной плате, жаловании, но почему-то не говорят об *экономическом доходе вообще*, а ведь он тоже есть — *как доход экономики от хозяйства*. И доход этот по сути своей есть не что иное, как некая *плата хозяйства экономике* (от хозяйства к экономике), за возможность реализации и за рабство, причем осуществляемая в виде своеобразного *отката* — реальных денег вослед

вкатываемых виртуальных (сначала в реальное хозяйство вкатываются виртуальные деньги, в том числе и в форме обычного капитала; затем эти деньги работают в рамках реального хозяйственного процесса; потом отработавшие деньги, ставшие реальными, возвращаются к их «дарителям», хоть и разными путями и в разные сроки).

Таковым, собственно, является *глобальный экономический круговорот*, ставший в настоящее время совершенно реальной реальностью. Этому круговороту соответствуют свои глобальные пропорции и балансы, свои потоки и оценки, свои решения. Так вот: хозяйство ныне не только не реализуется по всему миру вне этого экономического круговорота, но и не реализуется без сонма больших решений, принимаемых на самом верху круто ворочающейся экономической махины. Тут уж впору заговорить даже не об экономике, а о *глобальной финансомике*, если работающие деньги и творимые ими оценки принять за *финансы*, а с учетом глобального масштаба и характера финансовой деятельности не постесняться назвать финансовую сферу *глобальной*.

Тем самым мы подошли к существенной характеристике современной экономики. Да, это, конечно же, экономика — со всеми своими атрибутами, но это уже во многом другая экономика, которая бытует не просто вне хозяйства и над ним, а как бы и *помимо* хозяйства, заботясь более всего о себе самой, чем собственно о хозяйстве. Природа экономики в существе своем не изменилась, но заметно изменилась реализация экономики, причем не в одном лишь механизменном плане: экономическое начало настолько уже ушло куда-то ввысь и находится в своем центрированном

бытии в каких-то почти что неведомых далях (где, скажем, теперь мировой решающий экономический центр?, откуда сейчас вываливаются на планетарный хозяйственный мир большие экономические решения, отличающиеся вполне глобальной судьбоносностью?), мало того, экономическое начало получило в высшей степени *виртуализированный* характер, когда возможность не только дополняет действительность, в нее переходит, а прямо-таки эту действительность собою уже замещает. Ничего невозможного нет теперь для экономики, а главное, ей уже не надо всерьез заботиться о реальном хозяйстве, о том же самом производстве благ: хозяйство и производство давно уже сами начеку, они рады услужить глобальной финансомике, дающей им необходимый живительный кислород — деньги, более того, они готовы в буквальном смысле слова *содержать* эти деньги, бросая все свои силы на их превращение в реальные деньги, как и на удержание этих денег в приемлемых воспроизводственных границах. Не экономика более всего заботится сейчас о деньгах — это делает ею же эксплуатируемое хозяйство, которое всячески и обеспечивает жизнеспособность *виртуальной суперэкономики*.

Я применяю следующий словесный образ для характеристики современной экономики: «экономики сверху» — в отличие от бывшей ранее «экономики снизу». Мы все привыкли представлять экономику как вырастающую непосредственно из производства, путая вот уже не одно столетие производство благ и экономику. Но не производство благ делает экономику экономикой, а лишь особая организация производства благ, а лучше сказать, жизни, делает хозяйство — а не одно лишь производство — экономическим,

причем такая организация, при которой основным реперным (опорно-ориентационным) благом становится особое благо, или благо из благ, всем благам благо, а именно деньги (ранее и повсеместно — золото), т. е. собственно экономическое благо. И наука почему-то меньше всего обращала, да и обращает, внимание на производство именно этого блага, но не в аспекте его выпуска в свет, а в аспекте его главной роли в экономическом производстве, занятом не столько производством благ, даже и не производством денег, а производством *экономического эффекта*.

Экономический субъект — экономические решения — экономический эффект!

Вот это действительно главное для экономики, а не товар, сами по себе деньги, труд и его затраты, потребности и полезности, предложения и спросы, редкости и воспроизводимости, всякого рода предельности, как и многое другое, чем забита до краев экономическая теория, давно уже пребывающая в концептуальных конвульсиях от неразрешимых головоломок. Субъект — решение — эффект! Вот вам и клеточка экономики, в которой есть сразу все необходимое: голова (сознание), действие головы (вовсе не такое уж произвольное), результат. И почему же эту несчастную голову, действующую вполне разумно и эффективно с незапамятных времен без всякой экономической теории, забивать разными не имеющими прямого отношения к реальности интеллектуальными фантазиями? Разве цены не назначаются субъектами и не назначаются в полной мере субъективно? разве цены не произвольны, как и разве они как-то не определены? разве цены не воздействуют на цены, как и одна цена не входит в другую цену? разве цены не взаимо-

обусловлены и разве они рождаются вне всякой связи с другими ценами? разве цены «выходят» из благ, а не «входят» в них, учитывая, естественно, разные физические и социальные параметры благ? разве цены не обязаны в первую очередь воспроизводству стоимости, а потому уже воспроизводству всего остального? разве цены не являются экономическим решением и не сопряжены с экономическим эффектом? разве можно на все в мире товары навесить цены из одного центра? разве можно удерживать цены на одном и том же уровне длительное время? разве может экономический агент не стремиться к росту цен, что является способом регулируемого бытия всего экономического, его приспособления к изменяющимся обстоятельствам, его выживания (и это без всяких изменений в затратах труда и полезностях)? Такие вопросы можно множить и множить, если, конечно, не обратит свой взор на действительную природу экономического, самой экономики, всех ее элементов, а природа эта *субъектно-идеальная*, и никакой другой она быть не может. Соответственно и игра цен, как и любых иных экономических параметров, *субъектно-идеальная*, что не значит вовсе, что она абсолютно оторвана от реальности, ибо игра-то ведется с реальностью, причем хозяйственной.

Экономика, конечно, в хозяйстве, но она и вне хозяйства. И вот это-то *вне* чрезвычайно важно. У экономики своя, если можно так выразиться, материя, она все делает по-своему и в своих интересах, что не мешает ей так или иначе учитывать потребности хозяйства, его чаяния и ограничения. Экономика не просто вне хозяйства, но и *над* ним. И так было всегда, правда, долгое время, этот факт не особенно бросался в глаза — экономика основательно сидела в

реальном производстве благ, выступая всего более, если не прямо в служебной роли относительно хозяйства, то хотя бы в роли непосредственного его участника. Но время шло, экономика все более выходила из сферы реального хозяйства и производства, становясь все более «овнешненной», чистой и на себя замкнутой экономикой. Пришел и момент, когда такое положение экономики — относительно, во-первых, хозяйства вообще, во-вторых, производства благ, в-третьих, самой себя — не замечать уже было невозможно. Этот момент отличался и воцарением особенно *больших экономических субъектов с особенно большими экономическими решениями и с особенно большими экономическими эффектами, соответственно, с большими объемами, большими потоками, большими структурами*. А большое — на то и большое, чтобы не только не быть малым, но и вести экономическое хозяйство неким *большим способом*, воздействуя на *большие параметры*, оперируя с *большими величинами*, достигая *больших результатов*. А все эти «большинства» — не одно лишь количество, но и особое качество — *новое качество*. Какое же?

Здесь я использую понятие *организации самоорганизации*, что означает, что самоорганизация хозяйства и экономики, или то, что происходит в них как бы само по себе, без прямого управленческого воздействия откуда бы то ни было, во всяком случае, таковое либо отсутствует совсем, либо не обнаруживается, либо игнорируется как незначимое, дополняется сознательной организацией, способной сделать так, что самоорганизация оказывается всего лишь организуемой самоорганизацией, которой ничего не остается, как следовать за сознательной организацией, ее допол-

нять, к ней приспособливаться, ей служить. Получается, что сознательная организация теперь уже не момент всеобщей организации, к тому же служебного свойства, а особого рода *суперорганизация*, обладающая возможностью в чем-то заменить самоорганизацию (тот же знаменитый рынок), в чем-то дополнить ее, а в чем-то и «урезонить», взять под контроль, направить, одним словом — организовать. И коль скоро речь идет об общественной самоорганизации, или самоорганизации больших хозяйственно-экономических систем (макросистем), то рассматриваемая сознательная организация должна быть общественной, масштабной, достаточно разнообразной и довольно-таки сильной (властной), чтобы обеспечить управление самоуправляющимся сообществом самоуправляющихся субъектов, что как раз и говорит за «большинства», о которых шла речь выше. Выходит, что суперструктурная экономика больших параметров есть та самая управленческая структура, которая способна реализовать на практике *организацию самоорганизации*.

Согласимся, что здесь уже реализуется иное качество экономической организации, когда весь хозяйственно-экономический низ так или иначе «слушается» суперэкономического верха. А если учесть, что этот суперэкономический верх еще и центрирован, хотя и сложно, иногда без явного единого, тем более монолитного, центра, то можно себе представить всю качественную особость такой экономической организации, а соответственно — *такой* экономики.

Такая экономика в своих главных, основных, решающих потоках и «претензиях» прямо-таки выливается сверху и из центра, из суперструктуры, на хозяйственную среду. Деньги, инвестиции, кредиты — все оттуда, но оттуда же и

важнейшие оценки — главных цен, валютных курсов, ссудных процентов, отсюда же и контроль над определяющими хозяйственными потоками. А самое важное: там производятся *судьбоносные решения*, да не просто там, а именно там они только и могут производиться, ибо там информация, там интеллектуальная способность, там возможность реализации принятых решений, одним словом, там — *власть*. Да не просто власть, а власть над гигантскими пространствами, над сложнейшими структурами, над обширными целостностями, над целыми мирами, надо всей планетой.

Суперструктура, о которой идет речь, прямо-таки «крышует» хозяйственный мир, пронизанный экономикой, а экономика в целом выглядит вовсе не как всего лишь распростершаяся по хозяйственной поверхности масса, а как самая настоящая и вполне стройная *пирамида*, фундамент которой действительно в реальной хозяйственной сфере, а вот вершина — весьма далеке от таковой, она уже там — вверху и в центре, в супермире. Но ничто не мешает этому супермиру «крышевать» весь хозяйственный мир, оживляя его экономически и экономически же извлекая для себя пользу. Вниз — большие экономические решения, часть в виде самых обыкновенных идеально-информационных *фикций*, вверх — реальный экономический эффект в виде реального же дохода, который можно по-интеллигентному назвать *финансовой рентой*, а лучше бы определить как самый обыкновенный *откат*.

Уверен, что нарисованная мною картина не произведет никакого впечатления на приверженцев что трудовой стоимости, что предельной полезности, что экономического

либерализма, что рыночной экономики и т. п. интеллектуальных построений, т. е. всего того, что вроде бы говорит о реальности, но чего в самой реальности почему-то нет, никогда не было, да и попросту не может быть. Реальный экономический механизм совсем иной, — и чтобы его как-то понять, надо признать, что экономика — не само по себе хозяйство, не совокупность благ, не их производство, распределение и потребление, и т. д. и т. п., а всего лишь особого рода *организация* хозяйственной жизни, сводящаяся... (sic!) не к хозяйству как таковому, тем более в его материально-физической воплощенности, а к особому рода *расчету*, производимому людьми с помощью и в рамках идеального *стоимостного механизма*, не только в целом охватывающему реальное хозяйственное пространство, его как бы окутывающему, но и устроенному иерархически, т. е. функционирующему не только по горизонтали и по объему, но и по вертикали и по векторам, осуществляющим не одну лишь нижнюю расчетную власть, но непременно и расчетную власть верхнюю, а с учетом решающей роли верхних властных эшелонов реализующим самую настоящую «экономику сверху», а не «экономику снизу», когда вовсе не верх служит низу, как это все еще кажется либералам-рыночникам, а низ с упоением обслуживает верх — как это хорошо уже знают нынешние дирижисты-глобалисты.

Экономика — не столько хозяйство, сколько контроль над хозяйством, этим последним особому рода *управление*.

***Магия политэкономии
и магизм политэкономов****

Что говорить, есть она, *магия политэкономии* — издавна славной и совсем еще недавно неприкасаемой и незыблемой науки, как есть и *магизм политэкономов* — что построивших когда-то старательно большой политэкономический миф, вдруг канувший нежданно-негаданно в идейную Лету, что чающих его чудесного внезапного воскрешения и... продолжения, продолжения, продолжения!..

И невдомек почему-то политэкономам, что все тут не просто-так, что политэкономия, повитав порядочно вокруг своего так и не проявленного убедительно предмета, сначала приказала *сама себе* долго жить, перевоплотившись в вульгарную (то бишь поверхностную), еще и вольно математизированную (то бишь в высшей степени-де «научную»), экономическую теорию, а лучше бы сказать — в набор экономических теорий, между собой никак не связанных, а потом политэкономия получила приказ извне, уже от властей — умереть и никогда не воскресать, будучи навсегда замещенной конгломератной (постмодерновой) экономической теорией.

И все-таки на многих устах сегодня все-таки *политэкономия*, этот удивительный, притягательный, прямо-таки магнетирующий миф!

* Опубликовано в журнале Философия хозяйства. 2012, № 3, С. 99—116.

Что же это такое — *политическая экономия*, и почему она все-таки более всего миф, и почему же столь до сего дня магнетирующий?

Политэкономия заявила о себе как самостоятельная отрасль знания в XVIII в. в Европе, прежде всего в Англии, хотя само словосочетание «политическая экономия» явилось на свет во Франции еще в начале XVII в. по инициативе Монкретьена, написавшего тогда оригинальную работу — «Трактат политической экономии».

У любого еще-не-политэконома возникает естественное желание уяснить поначалу, что же означают слова, входящие в столь интригующее сочетание — *политическая экономия*. И ежели такому любознательному-неофиту покажется, что достаточно задать вопрос любому уже-политэконому и получить сразу же искомый ответ, то он глубоко ошибется, ибо никакого сколько-нибудь ясного ответа он не дождетса, ибо что «экономия», что «политическая» не только многозначны, но и вообще, пожалуй, ничего по случаю не значат, точнее, означают, конечно, что-то, но что-то совершенно при этом неопределимое, а потому и означают в общем-то... *ничто!* И что-то этакое, разумеется, имеется в виду, вроде бы для всех политэкономов и приемлемое, им чуть ли не понятное, но вот что же именно... о-о!.. до сих пор так, знаете-ли, почему-то из идейного тумана-то и не вышедшее.

Жила-была политэкономия, не зная ничего о себе вполне достоверного, да и ушла вдруг куда-то, так ничего о себе и не узнав, — не любопытно ли это, не курьез ли тут всесветский? А ведь сколько было по многим странам и весям трудов, раздумий, текстов, предложений, трактовок,

споров, решений и... никакого тебе окончательного разрешения — от самого рождения до... э-э... ухода!

Главное слово здесь, конечно, *экономия*, с греческого языка вроде бы домоводство, домохозяйство... но какое же такое домоводство у основателя политэкономии француза Монкретьена или «основателя классической политической экономии» англичанина Петти, ежели пишут они по преимуществу о торговцах и промышленниках, о товарах и рынках, о ценах и налогах и т. п. вещах, которые к домоводству как таковому мало имеют отношения, короче, ежели следовать Аристотелю, то пишут они более о *хрематистике*, а не о домоводстве, тем более что само по себе домоводство, по показаниям всех без исключения домохозяев, ни в какой научной экономии, да еще и политической, не нуждается. Интересно, что и торгово-финансовые финикийцы, как и промышленно-торгово-финансовые европейцы, ни в какой специальной абстрактно-теоретической (философической) науке тоже никогда испытывали нужды. Так в чем же дело: что есть на самом деле, по Монкретьену и Петти, «экономия» — домоводство или же что-то другое, скажем, общественное хозяйство или хозяйство общества, как и попросту хозяйство в общественном масштабе, а скорее, наверное, все-таки хрематистика в общественном масштабе, что то же самое товарно-денежное, оно же и *капитальное* (*капиталистическое*), хозяйство?

Получается, что «экономия» тут никакая не экономия, если, конечно, за дом не посчитать все общество в целом, что сделать все-таки нельзя, ибо разделенное на частные хозяйства общество своего собственно общественного хозяйства (домохозяйства) вести никак не может, а если и мо-

жет, то хрематистическое, следственно, не самое... «домовитое».

«Экономия» в политэкономии, таким образом, — явная условность, если не «невольная» обманка, так и не получившая четкой характеристики. Вышло так, что это всегда была некая жизнетворная сфера, где наличествовали блага, товары, деньги, цены, капиталы, предприятия с работниками и машинами, банки, кредиты, рынки, собственность, имели также место присвоение, богатство, производство, обмен, распределение, потребление, а также налоги, бюджеты, инвестиции, валютные курсы, финансы, ценные бумаги и т. д. и т. п. Это-то всегда и видели перед собой политэкономы, воображая в уме весь этот как бы экономический мир и выделяя из него в качестве предмета изучения что-нибудь особенно для каждого из них привлекательное: богатство ли, производство ли, воспроизводство ли, ценность ли, отношения ли, конкуренцию ли, собственность ли, присвоение ли, воровство ли, сотрудничество ли, эксплуатацию ли, доходность ли... Вот так и бытовала сотню-другую лет политэкономия, перескакивая от предмета к предмету и споря сама с собой, никак предмет свой окончательно так и не определив. И получилось, что «экономия» есть нечто и есть вроде бы все возможное в этом нечто, но в то же время это всегда оказывались какая-нибудь конкретная частность и непременно при этом... всеобщее ничто!

Еще меньше шансов быть удовлетворительно объясненным оказалось у термина «*политическая*». Политика — искусство государственного управления. Если исходить из этого, то «политическая» есть синоним слова «государственная», отчего политэкономия оказывается не чем иным,

как учением о государственном «домоводстве», «домохозяйстве» или же попросту хозяйстве. Что ж, неплохо, и, надо заметить, политэкономия совсем и не чуралась этого, ведя рассказ о государственной собственности, государственных деньгах, госбюджетах, госфинансах, государственных доходах и расходах, налогах и сборах, государственных землях, лесах, недрах, водах, но и государственных заводах и фабриках, портах, флотах, дорогах, равным образом и о государственных служащих, армейцах, полисменах, крестьянах, рабочих, как и, конечно же, о тюрьмах с тюремщиками и заключенными в тюрьмах сидельцами. И если бы политэкономия оставалась в пределах государственного хозяйства, то и проблем бы никаких не было: вполне законной тут была бы именно *политическая экономия*.

Столь же допустим термин «политическая» и в случае, если это касалось бы государства не как только учреждения (аппарата), но и как территории, как страны. Можно было бы использовать здесь и слово «национальная» — как синоним «политической» и более по сути адекватное предмету, но и «политическая» тут вполне подошло бы.

Прошло бы это словечко и в случае особого внимания к тому, что обычно называется экономической политикой: политикой по поводу экономики (но уже не только в духе греческого домохозяйства) и политикой, осуществляемой экономическими средствами (денежной, кредитной, валютной, налоговой и т. д.). Однако политэкономия в своем «политическом» рвении сразу же вышла за пределы государственности, страноведения и политики как таковых, а занялась... ну, правильно... однеженной, отоваренной, обоб-

мененной, окапиталенной, обрыноченной... э-э... экономикой, точнее же, как раз именно *экономикой*, но, заметим, не домоводством вовсе, даже и не поместьеводством, как и не ремесловодством, и не фабриководством, а тем, что за пределами дома, поместья, ремесленной мастерской, фабрики, или, скажем так, между всеми ними, занялась как раз тем, что относится к междомыю, межпоместью, «межпредприятийству» — к общественной системе опосредованных деньгами товарно-обменных отношений, приносящих его участникам денежный доход; позволяющих делать деньги в процессе воспроизводственного движения денег (через производство и за деньги неденежных благ, их товарообмен с участием денег, через кредитование деньгами и т. д.), в общем — через превращение денег в *капитал*.

Отсюда выходило, что политическая экономия была фактически экономией не дома, а капитала, капитальной экономией, капиталистической экономией, и должна была бы по сути так вот и называться — *капитальной (капиталистической) экономией*, а ежели предпочла все-таки словцо «политическая», то, видно, из уважения ею общего капиталофильского курса, взятого в те времена передовыми европейскими сообществами (курса как политики или же политики, поощряющей подобный курс).

Тут убивались сразу три зайца: одобрялся и пропагандировался феномен капитала; обосновывалась любая политика в его пользу; прикрывалась, а то и оправдывалась вся неблагоприятность капитала как вполне зверской по тем временам практики.

Выходило, что в политическую экономию был сразу же заложен мощный идеологический момент, как раз и обо-

значенный словом «политическая» и сопровождавший исследовательское повествование о текущей реальности, представленной нейтрализующим словцом «экономия».

Политэкономия в итоге сложилась как учение о капитале и капитализме, причем более идеологическое, чем онтологическое, а само название «политическая экономия» служило не отражению сути предпочтительного предмета, а играло роль мифоподобного его прикрытия.

Вот и случилось двойное мифотворение: в предмете, который так и не был никогда достойно определен, и в столь неопределенном, если не в неряшливом, содержании, полном по идейно-научным соображениям неясностей, неразрешимых противоречий, выдумок, легенд.

Политэкономия родилась как *адепт капитала и капитализма*, постеснявшись при этом честно об этом заявить, хотя бы назвав себя, к примеру, *капиталоведением* или же, на крайний случай, *экономоведением*, обозначив при этом экономику как оденеженную, товаро-обменную, капитальную, рыночную и т. п. практику. Тут все было бы не только честнее, но и, наверное, жизнеспособнее. А ведь фактическая жизнеспособность у политэкономии оказалась не очень-то устойчивой, а историческая судьба — не просто турбулентной, но и вряд ли по большому счету завидной.

Не успела политэкономия в английской (смитовско-рикардианской) интерпретации воцариться в интеллектуально-политическом пространстве достопочтимой Европы, как оказалась подвергнутой острой критической ревизии, смелым концептуальным корректировкам и даже вполне последовательному отрицанию. Стали возникать вдруг... другие, а потому и весьма разные политэкономии, и ничего

страшного тут поначалу в общем-то не было: на место одного мифа просто приходил другой, а какой из всех был самым при этом реалистичным, кто ж это знал? Предмет ведь был размыт, задачи сокрыты, содержание туманно и вариативно. Повылупливались разные школы политэкономии, среди которых были вдруг замечены и... не совсем политэкономические, скорее — постполитэкономические... строго-де научные, фактологические-де, математические-де. Однако перед окончательным низвержением политэкономии возымел место... потрясающий любое воображение... расцвет политэкономии, связанный с именами Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

То был явный апогей политэкономии, но то было хотя и высшее, но и последнее ее слово, увы, не удержавшее политэкономия как незыблемое знание не то что в вечности, но хотя бы еще на одно столетие. Будучи приверженцем, хотя и критически настроенным, английской версии политэкономии, получившей, как известно, прозвание классической, Маркс, завершив системно-исследовательски саму эту версию, дал такую ее идеологическую критику, при которой единственным результатом могло быть только... полное отрицание как самого предмета классической политэкономии, который Маркс честно назвал *капиталом*, так и самой этой политэкономии, но уже ради изменения самой социо-экономической реальности — перехода от капитала, то бишь *экономики* или *экономии*, к некапитальному образу «домоводства» — без частной собственности, наемного труда, денег, товарообмена, рынка и всех остальных атрибутов капитало-экономики, или же, вспомним Аристотеля, хрематистики.

Маркс, доведя рассмотрение капитализма до его полной эксплуататорской крайности, отверг вообще капитализм, предлагая заменить его социализмом, но тем самым подписал приговор и... самой политэкономии, которая была как раз учением о капитале и ему-то верно, хоть и мифотворчески, служила. Социализму уже никакая политическая экономия не была нужна, ибо в нем ничего не оставалось ни от экономии-экономики (капитало-хрематистики), ни от конкурентно-эксплуататорской политики, ее старательно обслуживавшей. Маркс, как вместе с ним и Энгельс, стал последним крупным классическим политэкономом и первым крупным, потом уже и классическим, *не*-политэкономом, а попросту идеологом неполитэкономического социализма, но при этом вроде бы уже не утопического, а... чуть ли не реального, ибо... *«научного»*-де!

Несмотря на суровый приговор со стороны Маркса с Энгельсом, политэкономия, конечно же, продолжалась, но все более теряя свою идейную привлекательность и самую исходную политэкономичность, обретая абстрактно-нейтральные, поверхностные, описательные характеристики, пока не выродилась в уже вполне неполитэкономическую экономическую теорию, точнее, в сонм экономических теорий, а еще точнее — неких системоподобных взглядов по поводу экономики: маржиналистских, институционалистских, кейнсианских, «неоклассических» (правильнее было бы сказать — неклассических), эконометрических, монетаристских, неонституционалистских и прочих, прочих взглядов.

Ежели классическая политэкономия никогда не была концептуально единой, но всегда отличалась некой пред-

метной общностью, то *теоретическая экономия*, более называемая вокруг попросту *экономической теорией*, вообще не предполагала никакой внутри и для себя целостности — ни предметной, ни методологической, ни концептуальной, не без восторга приветствуя вдруг утвердившуюся в мире европейского Постмодерна бесподобную эклектику. Политэкономия хотя бы стремилась к некоторому отражению реальности и ее идейному оправданию, а постполитэкономия если и ставила перед собой какую-либо научно-исследовательскую задачу, то только ей себя и посвящала (институционализм, кейнсианство, монетаризм, неоинституционализм), не слишком заботясь об адекватном отражении реальности, а все попытки целостного-де представления о реальной экономике сводила к ради самих себя сконструированным моделям (маржинализм, эконометризм, «неоклассицизм», факториализм и т. д.).

Нельзя сказать, что в ряде теорий (либерализм, институционализм, кейнсианство, дирижизм, неоинституционализм) не содержалось того или иного рационально-реалистического момента, но все эти моменты затрагивали частности и не могли стать элементами целостного и вполне реалистичного абстрактно-теоретического представления об экономике. Даже кейнсианство, несмотря на всю свою вроде бы политэкономичность (речь в нем ведь идет о государственной экономической политике, государственном «домоводстве»), ушло куда-то вбок от экономики, объясняя экономическое поведение экономических субъектов более всего психологическими моментами, а не принадлежностью этих субъектов к капиталу, имеющему «наглость» обладать

своими собственными, вовсе не психическими, принципами реализации (воспроизводства).

Отход всей постполитэкономической науки от феномена капитала был, конечно, не случаен: очень уж не хотелось адептам капитализма в разгар его собственного общего кризиса (с конца XIX в.) говорить о капитале, который, приняв к тому времени финансово-корпоративный характер, стал главным источником хронических неурядиц, острых кризисов и великих потерь в экономике, а также мощного напряжения в обществе (усиления классовой борьбы) и в международных отношениях (колониализм, эксплуатация слабых стран сильными, подготовка и ведение мировых войн).

Экономическая наука, потихоньку распрощавшись с классической политэкономией, все дальше уходила от феномена капитала, или же капитала как социально-хозяйственного феномена, переключив внимание обучающегося в университетах «экономического человека» на так называемые механические факторы, в состав которых капитал уже попал в виде средств производства и только, на полезности, на предельные эффекты, на «рынок», на спрос и предложение, на сотворенную ценность денег и текущую инфляцию, на конкуренцию и олигополию, на инвестиции, доходы, накопление, на финансы, кредит, ценные бумаги, бюджеты и т. д. и т. п., в общем — на экономическую поверхность, на экономическую феноменологию, начисто забыв о глубине, сути, сущности, ноуменологии, полагая, что ничего, кроме явлений (фактов), нет и быть не может, что одно явление (факт) зависит от другого (или одно влияет на другое) и все явления (факты) никак не определяются ника-

кой действующей в глубине, на сущностном уровне, ноуменальной силой. В общем — одни явления (факты) и никаких тебе сущностных субстанций! Но при этом и воистину бесподобное мифотворчество, знаете ли, совершенно уж «научное».

Классическая политэкономия, она же и собственно политэкономия, создававшаяся не математиками, а философами, не только не пренебрегала сущностной стороной бытия, но и старалась соответствующим образом трактовать экономическую реальность, не только заметив феномен капитала в качестве главного феномена интересовавшей ее экономики (капитализма), но и дав этому феномену сущностно-субстанциальное толкование — как движущейся и возрастающей в своем движении особой, причем невидимой, субстанции — *стоимости*; мало того, политэкономия постаралась и стоимости дать субстанциальное толкование, приняв, будучи научно-материалистической, за таковую человеческий труд, участвовавший в производстве благотоваров.

И ежели с идеей стоимостного содержания капитала было все в порядке (субстанциально-стоимостное толкование капитала — величайшая заслуга классической политэкономии!), то с идеей трудового содержания стоимости не так все было замечательно, ибо объяснить удовлетворительно трудовое исполнение и наполнение стоимости не удалось, да и было такое объяснение попросту невозможным. Не только стоимость не материальна, но и труд-то во все не материален (где он — труд? даже и как затрата какой-то там биологической энергии?), а политэкономия, верная научной, то бишь материалистической, философии

(идеологии), не могла не давать именно материалистического (научного, физического) объяснения реальности — совершенно и не материальной. Бес тут научно-материалистический вконец попутал политэкономия, уклонившуюся от метафизической философии в сторону науки (физики) и материи (плоти) и не нашедшую удовлетворительного решения насчет феномена стоимости, а соответственно — денег, цены, капитала, доходов, инвестиций, кредита и т. д.

Маркс с Энгельсом довели трудовую концепцию до совершенства, но... из этого ничего, кроме полного концептуального тупика, не вышло. Марксово V — не труд вовсе, производящий-де стоимость, а лишь его оценка (цена), причем рыночная, а M — доход на весь затраченный капитал, а не трудовое производное от V , которое означает не более чем заработную плату и никаким переменным капиталом не является. И C — величина вовсе не постоянная, хоть и переносимая регулярно на стоимость продукта (до поры до времени — до того же кризиса). Цена продукта — вовсе не $C+V+M$, т. е. не сумма этих величин, а большая величина, распадающаяся на C , V и M , где M — никакая не прибавочная стоимость, а попросту прибыль на обращающийся капитал. Средняя прибыль (как тенденция) имеет место *до* межотраслевого обмена, а потому и *до* межотраслевого перелива капитала (в противном случае межотраслевой обмен вообще состояться не может; он идет сразу с усреднением прибыли). Органическое строение капитала, если и есть как таковое, не имеет никакого отношения к величине валового дохода капиталиста и прибыли, как не имеет прямого отношения к падению общей нормы прибыли.

Цены образуются более посредством их прямого вменения, чем их «производства». В экономике полно цен на произведенные товары (земля, недра, леса, воды), либо произведенные давно, в иных местах, при иных рыночных условиях, как и полно цен на редкие, уникальные, виртуальные, фиктивные вещи. Ни количество труда, ни величина полезности, ни размер потребности, ни соотношение спроса и предложения и т. п. «штучки», если и имеют отношение к ценообразованию (как-то сбоку), в основании цены сами по себе не находятся. Цена — вмененная оценка, причем субъективно-объективная, частно-общественная, случайно-закономерная, произвольно-порядковая. Цены зависят прежде всего от воспроизводственного движения стоимости, от такого же движения капитала, от такого же движения финансов, причем движения поэлементарного и всеобщего, партикулярного и целостного, локального и тотального, структурированного и «распоточенного».

Цена денежной единицы назначается сверху, хотя и с последующей корректировкой снизу (объективной) и сверху (субъективной). То же самое и с количеством (массой) денег в обращении.

Стоимость не в одних лишь оценках (ценах), не просто в денежной единице и в сумме денег. Она еще и в денежно-финансовых потоках. Мир стоимости — мир стоимостных цифр, чисел, величин, масс, потоков. Стоимость — не только величина ценности, но и движущаяся туда-сюда ценностная масса. Это совершенно идеальная, духовная, эфирная вещь, но в то же время и огромное счетно-решающее устройство, в составе которого не только цены, деньги и денежные потоки, но и их — этих цен, денег и денежных по-

токов — субъекты, как раз те самые экономические человеки, которых когда-то очень хорошо заметила политическая экономия.

Экономика вся в сфере сознания, в ноосфере, в людях, в их, можно надеяться, головах. Иного места в реальности для экономики (хрематистики) просто нет.

Производство благ, как и их движение, потребление — никакая не экономика, а самое обыкновенное хозяйство. Что экономического в доме, пока он не продается, как и в ведении дома, пока не наступает момент квартирной платы или оплаты налога на домовое имущество? Что экономического в вообще жизнеотправлении, если никто ничего не продает и не покупает, не пользуется деньгами? Что экономического в семье, заводском цехе, научной лаборатории, учебном заведении, конторе адвоката, кабинете администратора, армейской казарме, драматическом театре, публичной библиотеке и даже в скопище вещей — потребительских благ на каком-нибудь складе, в магазине или прямо на рыночных прилавках? Ничего! До того момента, пока не наступает товарообмен, оценка, оплата, обращение денег, получение кредита и т. д. и т. п. Вот тогда экономика тут как тут, причем не в статике, а в непременном движении. Те же лежащие в кармане деньги всего лишь потенциальная экономика, не более чем грудa золота, пачка бумаги, скопище цифр, но никак не экономика. Экономика — стоимость, ее счет-расчет, ее управляющая функция, ее господство. Разве произвольный виртуальный финансизм, эта чистейшая экономика, сегодня не в фаворе, а-а?

Классическая политэкономия совершила вполне достойный приступ на экономику, на капитал, на стоимость.

Но, ограниченная сциентизмом с материализмом и сориентированная заданным извне идеологизмом, что, так сказать, буржуазным, что пролетарским, так и не смогла адекватно раскрыть реальность и дать ей подобающее объяснение, причем и в марксистском понимании тоже.

Многое сказала политэкономия — и много ценного! — да вот не всё. Как и не могла всё сказать, а предпочла запутаться в собственных неразрешимых противоречиях, впала в «личный» кризис, из которого так и не вышла, хотя и породила кучу отрицающих ее уродцев, еще-де более научных, совсем будто бы деидеологизированных, якобы вовсе точных, но... не просто всё менее реалистических, но совершенно уже виртуальных, суррогатных, фиктивных.

От философии (мировоззрения), пусть и идеологизированной, к науке (тоже не избежавшей идеологизации), а затем, с одной стороны, от науки к ее явной симуляции, а с другой — от становящейся ненужной теории к вовсе нужным-де технологиям. Таким оказался исторический путь экономической науки, начавшейся как политэкономия, бытующей ныне в виде сонма («кластера») экономических теорий, а заканчивающейся в образе вездесущей «прикладнухи».

И вот сегодня оживленно будируется вопрос о возрождении политэкономии, чуть ли не ее воскрешении. Магия политэкономии ох как сильна, а магизм политэкономов безграничен и совершенно неудержим! Не знаем, *что* возрождать и *как* воскрешать, кроме вброса в повседневность магического словосочетания «политическая экономия» и жгучей жажды оживления чего-то текстуального с этим словосочетанием связанного, но... понятно, наверное... что

ожидаем какого-то цельного, обобщающего, вполне и реалистичного знания, как и посредством... тут уже не столь ясно... то ли возврата прежней и любимой политэкономии XVIII—XIX вв., то ли все-таки разработки какого-то нового политэкономического учения, а скорее всего уже бывшего, и присовокупления к нему еще не бывшего, но вроде бы возможного.

Да, учение о капитале может и должно быть сегодня. Но, во-первых, какое учение: то ли старое тупиковое, то ли новое... опять же какое? И, во-вторых, кто из властей пре-державших позволит сегодня всерьез и широко заниматься в университетах более или менее реалистическим учением о капитале? Время реалистичной политэкономии, даже полу-или недо-политэкономии, ушло, и ушло безвозвратно! Может, возможна какая-то иная политэкономия, но в таком ра-зе что же такое все-таки «экономия», а что такое сегодня «политическая»?

Если что сегодня и возможно, то, на наш взгляд, уче-ние о *хозяйстве как реальном жизнеотправлении человека*, а в рамках этого учения уже может иметь место *учение об экономике как частном случае (подсистеме) человеческого жизнеотправления или хозяйства*. И это, заметим, без вся-кой надежды на весомое и повсеместное преподнесение та-кого рода знаний в современных университетах.

И дело тут не только в обструкционистской политике нынешних управителей мира сего, не желающих раскрытия сути ни капитала с его рентным по преимуществу доходом, ни финансов с их тотальной долговой (кредитно-инвестиционной) кабалой, ни тех же денег, потерявших всякую реальную ценностную обоснованность, но зато поз-

воляющих финансовому капиталу господствовать на планете, эксплуатировать ее население вкупе с природой, управлять всем человеческим миром, ни тех же цен, с их произвольно вменяемыми сверхвеличинами и т. д. и т. п. Сильным мира сего совсем не хочется раскрывать сложившейся в мире эксплуатарской иерархии; механизмов господства финансизма над экономизмом, а экономизма надо всем жизнеотправлением человека: доминирующего значения транснациональных корпораций и управляющей роли объединяющего их глобалистического штаба; скрытых механизмов управления массовым сознанием и «возникающими» в населенческих массах потребностями; борьбу современных империалистов за полный контроль над планетой, ее ресурсами, как и надо всей судьбой человечества; глубинных и скрытых мотиваций повсюду происходящих реформ, революций, переворотов, восстаний, войн; саму реальную возможность Вселенского Армагеддона. Да, власти современного бытия не склонны допускать в университеты эзотерических знаний, а потому и поощряют их замену на ничего не говорящие о реальности абстрактные экзотерические, научные-де, либо вроде бы математизированные теории и «теоретически» обоснованные учения о прикладных технологиях вроде маркетинга, логистики или инновационизма. Слов нет, любые феноменологические знания нужны, но нужны ведь и знания глубинно-обобщающего порядка, в ряду которых и была когда-то политическая экономия, пусть и не избегшая концептуальных противоречий и логических несуразностей.

И если кто-то наверху не приемлет ныне политэкономии по идейно-властительным прежде всего соображениям,

то широкий ученый мир не приемлет ее как раз по причине ее неизбежного эзотеризма, склонности к познанию сущностей, сближению с субстанциональностью, постижению ноуменальности, одним словом — тенденции к *метафизической философичности*. И если многочисленных представителей так называемых прикладных наук тут понять вполне можно (зачем им вся эта эзотерическая заумь?), то всего труднее понять адептов политэкономии, как черт от ладана бегущих от эзотерики, философии, Софии, как раз всего того, через посредство чего можно только и прийти к новым а-ля политэкономическим суждениям и знаниям. Выходит, что политэкономам вовсе не нужна никакая новая, воистину при этом реалистическая, хирургически, можно сказать, вскрывающая реальность, мысль, а грежут они лишь о почившей в бозе, но все еще так сознательно-бессознательно любимой политэкономии.

Наблюдая кончину в отечестве славной политэкономии в начале удалых 1990-х, автор этих строк выступил с инициативой написать коллективно новый политэкономический учебник, для чего разработал по желанию коллег план учебника и подготовил в качестве примерного текст первой главы. Никто из тогдашних политэкономов МГУ на эту инициативу не откликнулся! Пришлось несчастному инициатору братья за гуж и самому разруливать зловредную ситуацию, написав большой трехтомный учебник. Однако назвать его пришлось не «Политической экономией», а «Теорией хозяйства», ибо вернуться к традиционной политэкономии, что стало совершенно ясно при работе над учебником, было уже невозможно [1].

Учебник не был собственно философией хозяйства и ею не стал, он был посвящен как раз теории хозяйства, во многом и политэкономии, но имел, безусловно, уже весьма выраженный философско-хозяйственный оттенок. Созидая новое представление о хозяйственной и экономической реальности, как и пересматривая и корректируя старое, автор стремился быть максимально приближенным к духу и слову классической политэкономии, но при условии освобождения от ее чересчур материалистической и механистической догматики.

И что же? А ничего! Ничего в «датском королевстве» не случилось! Замеченный многими отечественными и зарубежными учеными, даже удостоенный немалой с их стороны похвалы, учебник не только не был воспринят коллегами по университету, но и был попросту ими дружно замолчен. А ведь это был первый за многие десятилетия торжества политэкономии в СССР объемный учебник, подготовленный одним лицом и по вполне оригинальному личному замыслу! Вышло в итоге нечто воистину поразительное: университетское политэкономическое-де сообщество вовсе не нуждалось в новых комплексных политэкономических разработках, а может, никакая новая политэкономия и впрямь уже была никому не нужной, как, собственно, не могло уже стать в РФ и никаких новых политэкономов!

Время политэкономии, видно, и в самом деле уже ушло, причем не так по причине концептуальной дерзости и приказной отмены ее преподавания в университетах, сколько вследствие *самоликвидации политэкономии*, ее отрыва от реальности и внутренней неразрешимой противоречивости, породивших сначала острый кризис политэкономии, а по-

том и неизбежное ее перерождение в неполитэкономическую науку. Трагедия политэкономии восходит к ее же зачине как материалистической и механистической науки, как социальной физики, ибо объект познания тут вовсе... не материалистический и не механический, не тотально научный и совсем не физический, а почти сплошь *эзотерико-метафизический*.

Так и хочется воскликнуть: что вы, господа политэкономы, видите физического в деньгах, ценах, финансах, кредитах, инвестициях, доходах, налогах, бюджетах, да ладно бы во всем этом, но и в тех же отношениях, товарообменах, конкуренции, рынке, монополиях, рекламе, логистике, что еще — в творчестве, изобретательстве, труде, во многих потребностях и полезностях, в поведении, что? А в таких моментах, как мораль, закон, совесть, подстава, предательство, распил? Нет тут ничего материального и механического, очень мало модельного, не так много и строго расчетного. Порядок какой-то, конечно, всегда есть, как есть и расчет, даже и моделирование кое-какое есть, но ведь «изпроизвольный» порядок, не полный и не самый точный расчет, а моделирование везде самое условное, очень ограниченное, «местечковое». Здесь больше всего места для стихий, вибраций, волн, расщеплений, отклонений, исключений, как и для насилия, власти, господства, подчинения. Разве человек материален со всеми своими сознанием, волей, умом, психикой, интуицией, всяким своим произволением? Или тот же социум материален, еще и механичен, еще и физичен?

Экономический мир, или сфера экономики, — мир в основе и прежде всего *метафизический*, сфера в основе и прежде всего *метафизики*, что то же самое — мир-сфера

сознания, идей, слов, цифр, чисел, проектов, оценок, расчетов, намерений, действий, мало того — это мир-сфера духо-идеальных субстанций (стоимость), феноменов (деньги, цены, капитал), процессов (движение денег, цен, капитала, инвестиций, доходов).

Экономика — не само по себе производство благ, их движение и потребление, а лишь опосредованное стоимостью, ее феноменальной выраженностью и ее движением, ее внутренним с участием субъектов счетом-расчетом, производство благ-товаров, их движение и потребление.

Всё в экономике сводится к духо-идеальной, счетно-расчетной, всеобщей и всепроникающей *стоимости*, конституирующей в человеческом хозяйстве параллельный мир, особую сферу решений, входящих в хозяйство, в жизнь человека, в его бытие (ниспадающих на них), себе всё это подчиняющих и надо всем этим господствующих.

Никакой экономики, рождающейся в среде хозяйства как натурального процесса и выходящей из хозяйственной среды, давно уже нет: то была *предэкономика*, а не собственно экономика, которая ныне вполне самостоятельна, доминационна и авторитарна. Экономика наверху, — это надстройка, а хозяйство внизу — это базис, но с тем условием, что не базис определяет функционально надстройку, а надстройка — базис. Это и есть феномен *экономизма*, дошедшего в своем хозяйственном рвении до феномена *финансизма*, когда уже не реальное бытие лишь использует для себя феномен стоимости (когда стоимость просто служит хозяйству), а сама стоимость уже полностью определяет реальное бытие (когда реальное хозяйство служит стоимости).

Короче: в экономической реальности всё совсем не так, как учила политэкономия, фактически застрявшая на предэкономике и ручном труде, на материальных благах, на прямой владетельной собственности и непосредственном предпринимательстве, и как свидетельствует ныне экономическая теория, расставшаяся вообще с понятием стоимости и лишь скользкая витиевато по фигуральной поверхности.

Экономика давно уже не снизу — от производства, от хозяйства, а сверху — на производство, на хозяйство. Но это не всё: экономика в лице уже финансизма выливается обильно и на природу, и на человека как такового, и на сознание, и на идеи с информацией, и на творчество, и на психику, ибо всё так или иначе теперь оценивается, покупается и продается, вовсе и не произведенное, без всяких там затрат труда, предварительных полезностей и заранее обоснованных потребностей.

Жизнеотправление человека, конечно, масштабнее, богаче и сложнее экономики. В этом плане экономика лишь часть жизнепроцесса, хотя и очень амбициозная, крайне агрессивная и поразительно зловредная. Жизнеотправление, или хозяйство, в исходе своем, впрочем, тоже прежде всего метафизическое, не сводится к экономике — этой духо-идеально-субстанциальной эгомашине, но было бы наивно недооценивать истинное место, роль и значение экономики — как хозяйствующей на планете мощной силы со всеми ее потрохами: долларом, тотальным кредитованием и тотальной задолженностью, ценными фикциями (бумагами-де), необъятными бонусами, изощренной эксплуатацией планетарного населения, безудержной и всепроникающей рекла-

мой, манипуляционной обработкой сознания, моделированием поведения, зависимостью всех и вся от денег, денег, денег, то бишь доллара, доллара, доллара...

Да, тут есть чем можно было бы заняться *новой политэкономии*, но... во-первых, именно политической экономии (тут могла бы быть экономика как политика, а политика как экономика), во-вторых, кому это надо?, а в-третьих, кто ж позволит *этакое*... да еще, пардон, в университетах?..

Ну да, хватит о метафизике, субстанциях, сознании и прочих философических заумностях, все равно бесполезно: политэкономов ни в чем ином, кроме выученной когда-то как отче наш добропорядочной политэкономии, не убедить, что и является, кажется, их главнейшим благоприобретенным за годы погружения в политэкономический застой достоянием.

Политэкономия — историческая по срокам возникновения и бытия наука; порожденная ренессансно-просвещенческим Модерном для собственных гуманистически-перестроечных нужд. Политэкономия обосновала необходимость, допустимость и важность экономики с ее частной собственностью, деньгами, капиталом, конкуренцией, предпринимательством, торговлей, банкирством, эксплуатацией наемного труда, производством благ, накоплением богатств, техническим прогрессом, производительными инновациями, ростом материального благосостояния. Восславив экономику и капитал, обосновав их неизбежность-де и итоговую для себя эффективность, а лучше бы сказать — капитал и экономику, политэкономия фактически уже выполнила свою главную историческую миссию. Ны-

нешний финансовизм ни в какой политэкономии уже не нуждается!

Политэкономия, возможно, и продлила бы свой золотой век, если бы... если бы уже в XIX в. не явились вдруг экономические (капиталистические) кризисы со своими банкротствами, безработицей и падением жизненного уровня населения; если бы эксплуатация трудящихся не была бы столь изнурительно безудержной; если бы не было массового обнищания населения; если бы не появилось сопротивление эксплуатируемых капитализмом стран, среди которых оказались и явные претенденты на место в царстве развитого капитализма тоже; если бы не явились монополии (корпорации), занявшие господствующее положение в экономике и нагло диктовавшие экономическому сообществу свои «произвольские» условия; если бы европейским капитанам не захотелось миромасштабной передельческой войны.

В такой ситуации, уже в целом для Модерна, а не только экономики, — *общекризисной* — классическая политэкономия, мягко говоря, растерялась: нужное когда-то слово уже было сказано, а нового слова в поддержку капитала как-то не находилось. Нежданно-негаданно явилась совершенно новая политэкономия, но уже не капитала, а пролетариата, а по сути-то уже и не политэкономия: по меньшей мере *контр*-политэкономия, а по большей — *анти*-политэкономия. Испуганная политэкономия, отпрянув от социально-классового аспекта, ударилась, с одной стороны, в показ прикладных экономических-де механизмов, а с другой — в абстрактно-математизированное моделирование экономической-де поверхности. Даже с онаученной эзотерикой, не говоря уже о философской, было навсегда покон-

чено. Политэкономия была либо отвергнута (как в случае с пролетарской «политэкономией»), либо преодолена (в процессе «изнутри» вульгаризации).

Кризис Модерна, капитализма и вообще экономизма обусловил кризис и крах служившей им классической политэкономии — этой полной исторического оптимизма науки, правда, не столько онтологической (объектно-объективной), сколько идеологической (субъектно-субъективной). Тогда-то и обнаружилось всё аксиоматическое, парадигмальное и содержательное несоответствие политэкономии отражаемой и объясняемой ею реальности. Политэкономия вверглась в собственный предметно-концептуальный кризис, из которого она так и не вышла. Ни Маркс с Энгельсом, ни А. Маршалл, ни Кейнс из кризиса политэкономии не вытащили, не обладая, видно, талантами барона Мюнхгаузена, без всякой натуги вытянувшего себя из болота за собственные волосы.

И ежели на Западе политэкономия была вчистую переделана, да так, что от политэкономии в ней ничего и не осталось, то в СССР политэкономия пережила чуть ли не ренессанс, разумеется, в марксистской интерпретации. Нет, она не была как-то всерьез обновлена, наоборот, была лишь всерьез догматизирована — на уровне «Капитала» К. Маркса и Ф. Энгельса. Что касается теории империализма, то здесь не было никакого продолжения политэкономии, даже и марксистской, ибо вся марксистская эзотерика, бывшая уже догматической, для этого совершенно не годилась (невозможно было, к примеру, на основе марксистской теории стоимости объяснить ни монопольных цен, ни монопольной сверхприбыли, ни общего роста цен, ни роста

нормы прибыли, ни роста заработной платы, ни феномена полной занятости, ни феномена пустых денег, ни хронической инфляции, ни продолжения самого капитализма, его проблемного, но неустанного воспроизводства, еще и постоянного перевоплощения). Так что теория империализма, сама по себе достаточно реалистичная, свелась не к собственно политэкономии, а к политэкономического характера учению о действовавшем империалистически капитализме. Недаром же все внимание советских политэкономов было уделено показу «ленинских» признаков империализма, а не раскрытию глубинных закономерностей обновленного капитализма (даже феномен огосударствления долгое время не удавалось присовокупить к пяти «ленинским» признакам).

Но еще более показательной в эсхатологическом плане оказалась судьба «политэкономии социализма». Да, в Марксовой политэкономии капитализма еще был капитализм — как предмет, как реальность, как интерпретация, во многом адекватная действительности, что означало, что было, что изучать, о чем говорить, что уяснять, даже о чем и поспорить. Что же касается политэкономии социализма, вроде бы марксистской (или марксистско-ленинской), то это был уже сплошной миф, причем миф, в отличие от того же Марксова мифа о капитализме, примитивно задуманный и неуклюже исполненный. Такой миф можно было только сплошняком отрицать. Если что и было реалистичного и приемлемого для восприятия в этом мифе, то представление о советской экономике (которая, кстати, была не экономикой вовсе, а всего лишь административно-управляемым натуральным хозяйством с использованием подвластных административ-

ному управлению экономических форм и механизмов) как о хозяйстве в целом государственном, административном, плановом (не рыночном), командно-директивном, общественном (не частно-собственническом), с принудительным по преимуществу распределением благ. Обойти все это политэкономия социализма, которая, повторим, вовсе не была политэкономией как таковой, а скорее, мифообразным учением о централизованном и тотальном административном управлении народным (общественным, страновым) хозяйством, никак уже не могла. В остальном же она выдумывала всё, что считала нужным... для пропаганды советского социализма, причем крайне, из-за общей оторванности от реальности, неудачной. И что же тогда удивляться, что эта, с позволения сказать, передовая политэкономия сгнула в одночасье с научно-образовательной сцены по единовременному начальственному произволению!

И однако магия политэкономии остается, и магия эта сильна! Нет, не только по причине любви к политэкономии дипломированных политэкономов, но и потому, что классическая политэкономия и в самом деле касалась важнейших вопросов тогдашнего социо-экономического бытия. И сейчас, в эпоху уже мозаичного, калейдоскопического, эклектичного и переменчивого (как бы подмигивающего) Постмодерна, ученому сердцу и честному уму политэкономов очень бы хотелось продуктивного культивирования какого-то адекватного политэкономии знания — то ли глубоко и масштабно обновленной классической политэкономии, то ли всего лишь слегка подправленной эклектической политэкономии, то ли — о-о, ужас! — чего-то уже совсем другого... чуть ли не постэкономического, но все же как-то за-

мещающего уснувшую летаргическим сном политэкономии. Но пока все сводится более к магизму политэкономов, заклинающих неблагоприятную для них научно-просветительскую действительность, вызывающих старательно бодрый дух впавшей в кому политэкономии, без устали вертящих в разные стороны весьма уже потертую, но будто бы еще чудодейственную, политэкономическую столешницу — авось что-нибудь да на ней выскочит!

Литература

1. Осипов Ю.М. Теория хозяйства. Начала высшей экономики: В 3 т. М., 1995 — 1998.

***Новая экономическая реальность:
онтос и гнозис****

Сразу же оговорюсь: экономика для меня есть та часть жизнеотправления человека, которая обусловлена (сопровождается) нефизическим, нематериальным и неприродным феноменом-субстанцией — *стоимостью*, в поверхностной феноменальной практике выражаемой *деньгами*, которые суть не что иное, как особого социального значения... *цифирь*, порождаемая общественным сознанием, в нем бытующая и им реализуемая, хотя и могущая иметь вспомогательного материального носителя и выразителя в виде того

* Опубликовано в журнале Экономические стратегии. 2017. № 4. С. 110—121.

же драгоценного металла (золота, серебра, меди), его веса, либо в виде той же бумаги с нанесенными на нее типографскими цифрами.

Реально-ирреальным реализатором, носителем и воплотителем стоимости как стоимости является не что иное, как *мысль человеческая*.

Денежная, она же и стоимостная, цифирь — продукт и принадлежность сознания, ума, мозга, памяти — однако она способна, в силу своей особой социальной функции и значимости, существовать в сфере сознания как отчужденная от сознания и уже как бы внешняя для него данность, преподносящая себя сознанию как особую *самость* — *саму-себе-самость*, с которой функционирующее сознание вынуждено считаться как с объективной данностью, на нее ориентироваться и немало и даже всецело от нее зависеть.

Самость стоимости и тех же денег — иллюзорная, конечно, самость, однако обретающая статус вполне реальной самости, не просто в сознании присутствующей, но и на сознание и его деятельную активность влияющей — вплоть до полного и цепкого овладения сознанием, становящимся в таком разе вполне уже *экономическим*.

Экономика — жизнеотправление человека, осуществляемое (или ведóмое) *экономическим сознанием*.

Отсюда и особого рода бытийная реальность — *экономическая*, не слишком, как ни странно, признаваемая экономической наукой, до сих пор путающейся в определении своего предмета — экономики-де, — не увязывая исходно, непосредственно и плотно экономику как раз с сей чудесной «нереальной реальностью» — *стоимостью*.

Стоимость — не только гносеологическая, но и онтологическая суть экономики!

Как онтологическая реальность, стоимость триедина (триипостасна): она есть одновременно *оценка, отношение* и *субстанция*, причем во всех трех своих началах-сущностях она совершенно *идеальна* (духовна, эфирна), не выходит за рамки сознания, хотя и пронизывает вообразительно не только собственно экономическую, но и всю параэкономическую реальность — как субстанция (идеальные деньги, их идеальный «массив»), как отношение (идеальное взаимодействие экономических субъектных сознаний между собой и всем экономическим параметровым и параэкономическим вещным разнообразием) и как оценка (индивидуальная, совместная или общественная меровоизмерительная идеальная акция).

Экономика как онтос эволюционировала вместе с жизнеотправлением человека в течение совсем не малого бытийно-исторического времени: от простейшего товарообмена (Т — Т) через усложненные стоимостные реализации (Т — Д — Т и Д — Т — Д), а затем и капитальные алгоритмы (Д — Т — Д' и Д — Д') до современного доминирования самовозрастающей стоимости в виде и посредством полноценной *финансомики* (Д''').

Современная экономика представляет собой особую, уже высшую, экономическую реальность, когда финансовая, она же монетарная, составляющая, лишившись своего главного нестоимостного (вещественного) носителя в виде драгметаллов, обладавшего способностью как бы объективного утвердителя, ориентира и корректора стоимостной цифры, ее экономической значимости, пустилась в уже соб-

ственное, чуть ли не автономное, жизнеотправление — вполне уже доминационное и неограниченно произвольное. Если то же золото выполняло долгое время роль основной постоянной (скорее — квазипостоянной) величины в среде экономического мира, то с прекращением обмена бумажных и вообще любых мнимых денег на золото экономической мир лишился даже подобия объективной-де утвердительной, ориентирной и коррекционной величины, став в стоимостном отношении совершенно уже относительным и, разумеется, вполне произвольным.

Современная экономика — никакое не мироздание, вовсе не какое-то там инженерное сооружение, даже и не любимая точной и неточной наукой система, не говоря уже о механизме или том же организме, при этом еще и напичканных разными обязательными-де для них законами бытия, — и вот здесь-то уже как раз и начинается *новый экономический онтологизм* вкупе с *новым экономическим гносеологизмом*, а именно: экономика оказывается окончательно и бесповоротно не чем иным, как *метафизическим осознаниенным полем*, в котором царит не мирозданческий, сооруженческий или тот же системный порядок, не говоря о механическом или организменном, хотя кое-какие тени, призраки и силуэты всех этих порядковых феноменов где-то и как-то в экономике просматриваются и даже в некоторой допустимой мере как будто бы реализуются, а царит там — в этом метафизическом осознаниенном поле — самый настоящий *хаос* вкупе с творимым им и из него *хаосмосом* — неким подвижным и изменчивым квази- или полупорядком, не порывающим с родительским хаосом и не входящим до сыновьего *космоса*.

Не космос тут, а именно *хаосмос*, отчего и не система со своими объективными-де законами и непременно воспроизводимой, чуть ли не инвариантно, структурной матрицей, а *неопределенное безграничное поле* с хаосом, произволом, обязательной и непрерывной вариативностью, как и, разумеется, с превалирующим там бесцеремонным, гибким и ловким беззаконием.

Вот она — *новая экономическая реальность*, — что онтологическая, что гносеологическая, а можно и наоборот, ибо там и там — *темное сознание* да *конспиративный метафизис* с адекватной ему *туманной метафизикой*.

А где же тут наука? Наверное, в фактологических обзорах, справочных информациях и операциональных технологиях, как и, разумеется, в воображительных моделях, алгоритмах и формулах, охотно и милосердно тешущих образцовое сознание образованных по-университетски ученых, но никак не в реальных воззренческих обобщениях, ибо объект тут — как целостность — не так научен, как *метанаучен*, то бишь он в основном за пределами светлого, ясного и логически стройного научного познания, как, собственно, и строго выверенного модельно-математического конструирования.

Хаос — на то и хаос, чтобы ускользать от точного извне себя отображения, тем более что хаос, о котором речь, не где-нибудь, а в сознании, в ноосфере, в метафизисе с их неуывдаемой трансценденцией, да еще и в полном всему этому загадочном адеквате.

Хаос обычно понимается как нечто отрицательное, связанное с расстройством, рассыпанием, исчезновением чего-либо, в лучшем случае — с «броуновщиной». Но это

не совсем так: хаос бывает и животворным со вполне положительной функцией, ежели он всего лишь предшествование, как и обязательное условие, возникновения жизнеспособного порядка, некоей отчетливо выраженной (формной) явленности.

В нашем случае хаос — подоснова (подоплека) экономики, из которой экономика как функционирующая данность и возникает. Это близко тому, что подпадает под синергетический процесс — от безликого хаоса к формному порядку.

В экономике синергетическим аттрактором, переводящим хаос в хаосмос и удерживающим хаосмос в воспроизводственном состоянии, служит не что иное, как... *экономическое сознание*, которое, вследствие своей погруженности в сознаниевый хаос и по причине собственной имманентной негэнтропийности, как раз и способно выполнить роль порядка-генерирующей силы, а фактически — создающей и поддерживающей саму себя воли — при этом вовсе не физической, а как раз вполне метафизической — от самого Бога Творца. Экономическое сознание — *causa sui*, сама себе причина, делающая и стоимость, и всю экономику такими же на себя замкнутыми самопричинами.

В связи со всем вышесказанном об экономике, позволим себе заметить, что само по себе сознание, а вместе с ним и стоимость, и вся собственно «экономическая экономика» — *вне пространства и времени*, а ежели и с ними, то лишь в связке с реальными мирозданческими пространством и временем (материальными, вещественными, предметными). И какое-такое системо-порядковое устранение следует ожидать от пустоты, сингуляра, ничто?

Хаос в экономике — это присутствующее в экономике, как и вообще в сознании, в мире, в бытии, темное криптиначало, из которого экономика ежемгновенно выходит, при котором ежемгновенно существует и в которое ежемгновенно уходит. Поэтому-то экономика жива, подвижна, переменчива, гибка, разнообразна, стихийна, свободна наконец, но при этом она еще и умна, и ловка, и предприимчива. Хаосность — вполне положительное свойство экономики, хотя хаос в экономике способен и на негативные реализации — болезненные, разрушительные, кризисные, катастрофные. Но даже в таком неблагополучии обнаруживается известный позитив для экономики, ибо хаос позволяет ей болеть, саморазрушаться, умирать, но затем, как бы сменив гнев на милость, позволяет непременно выздоравливать, возрождаться, сосредоточиваться, идти вперед.

Экономическое сознание — не просто сила, а великая сила!

Всё экономическое творится им и в нем, хотя и не без влияния на творящее сознание разных внешних обстоятельств и не без неперемного учета сего разнообразного влияния самим сознанием.

Экономическое сознание — сила, но это и целый мир, состоящий из мириад элементных и партикулярных сознаний, как и имеющий общемировую реализацию, превышающую простую сумму элементных и партикулярных сознаний, т. е. становящуюся воистину *общественным сознанием* (парто-, макро-, мегасознанием), влияющим на реализацию экономики посредством так называемого «хода вещей», а также через внезапные, нередко и совершенно невероятные, события (происшествия), являющиеся вдруг неизвест-

но откуда, почему и для чего — как уже «ход неизвестности» (тут бы следует определенно признавать *трансцендентность* бытия, сознания, экономики, что как раз и дает возможность с приемлемым пониманием отнестись ко всем просто так не объяснимым моментам, явлениям, событиям экономического жизнеотправления).

Заметим огрублённо: хаос сознания, или в сознании, переходит в хаос стоимости, а хаос стоимости — в хаос целостной экономики, сопряженный с контекстным для экономики хаосом, а в итоге выходит интегративный хаос экономической, или же экономизированной, реальности.

Хаосмос — ежемоментное полагание и отрицание перводанного для него хаоса — как с неперменным его преодолением, так и с неперменным к нему возвращением.

Именно так, через хаос и хаосмос, а не механически, организменно или же системно, работает экономика, напропалую и необратимо «зараженная» столь нелюбимой наукой трансцендентностью.

Из факта экономического осознаниенного хаоса, а также из факта порождения им из самого себя хаосмоса, неустанно поддерживаемого хаосом и удерживаемого им от превращения его в космос, следует одно принципиальное обобщение функционального свойства: любой экономический параметр (ценность денег, валютные курсы, цены товаров, банковские ссуды и проценты, инвестиционные суммы и потоки и т. д.) может быть по своей стоимостной величине... *любым, хотя и не каким угодно!*

«Любым» означает быть вполне произвольным (вплоть до «взятым с потолка»), а «не каким угодно» означает, что все-таки не совсем любым, а до ограничительной

встречи со столь же произвольной величиной другого взаимодействующего параметра (однопорядкового или нет) либо с каким-либо внешним неодолимым обстоятельством (как объективным препятствием, так и субъективным действием).

Отсюда выходит, что поддерживающийся в переливчатом (мерцающем) движении хаосмос представляет собою некоторый *хронически изменчивый компромисс* между текущими величинами действующих экономических параметров, отражающий изменчивое, но всегда имеющееся, пусть и на срок, даже и на мгновение, властно-иерархическое соотношение всех участвующих в экономике стоимостных параметров и величин, что и дает повод традиционной экономической науке говорить об экономике в терминах социальной механики (систематики), чего на самом-то деле нет.

Экономический процесс в целом — метафизическая *метаигра*, включающая в себя мириады мини- и микроигр, большие количества мезо- и макроигр, — и в этом необъятном игровом мире наличествуют игроки, они же и экономические субъекты (агенты, акторы), разной силы, ловкости и удачливости, в том числе как способные навязывать свою игру другим игрокам, так и способные лишь подчиняться более сильной игре более удачливых игроков.

Нужно иметь в виду, что среди участников экономической метаигры не только собственно субъекты и не только собственно экономические игроки, ибо происходящие в ходе игры как бы объективные самопроцессы (вполне и произвольные) тоже участвуют в игре, но участвуют в игре и такие неэкономические фигуранты, как те же, к примеру, государства (тоже немало и «произволовые»).

Главное тут — *игра!* Вроде бы по некоторым правилам, включая и законодательно оформленные, но, что особенно важно, и без правил, и вне правил, в общем — так или иначе, но достаточно все-таки произвольно. Не правило и не закон правят экономический бал, а как раз... всеобъемлющий *произвол!*

Экономика, соблюдая кое-какие договорные правила и выпестованные обществом юридические законы, предпочитает все-таки *произвол*, как раз и позволяющий ей быть и оставаться вполне живой *экономикой!*

Тут важно заметить, что хотя произвол в экономике значим, но он не абсолютен, — и не так в силу правил и законов, его ограничивающих, как вследствие... *самого себя*, ибо любой конкретный произвол всегда натывается на другой конкретный произвол, а потому обычно имеет место тот или иной *метапроизвольный компромисс*, которым, как и собственно произволом, и живет реально экономика.

Произвол унимается в экономике не только другим произволом, но и *произвольным или же вынужденным согласием* между экономическими субъектами, снимающим на какое-то время в том или ином месте экономического пространства буйство произвола (произволов), то бишь, как принято говорить, они упорядочивают всеобщую и безудержную конкуренцию. Межсубъектное соглашение (иной раз и под влиянием государства) — столь же органично экономике, как и произвол с межсубъектной конкуренцией, или же межсубъектная конкуренция с произволом.

Право с юриспруденцией, разного рода институции, включая надзорные, судебные и пенитенциарные, ограни-

чивают по-своему экономический произвол, но экономический произвол непременно обходится, тоже по-своему, и без них, или вне их, даже ничего из внешне установленного особенно и не нарушая, а всего лишь умело все это обходя, вполне пластично и «бессовестно».

Экономика — в исходе и в основе своей — своевольна, а потому и самоуправяема, но при этом она испытывает на практике достаточно мощное управленческое воздействие на себя как из экономических центров вроде Федеральной резервной системы и центральных банков, так и от неэкономических сил вроде тех же государств.

Тут полезно обратить внимание не следующее принципиальное обстоятельство: экономикой управлять можно и даже нужно, но лишь *в соответствии с ее самоуправлением!*

Подобно тому, как учитель в школе или тот же дрессировщик в цирке обязаны найти со своими подопечными общий язык, позволяющий эффективно учить и дрессировать, точно так же и любой центровский управитель обязан иметь с экономикой некий «общий язык», включающий в себя цели, методы, средства, способы управляющего воздействия, который мало что по сути своей экономический, но и обязательно, скажем так — *межсубъектный и межсубъектнообъектный*, а потому и взаимоприемлемый, но еще и, позволим себе выразиться — *экологический*, то бишь отводящий управителя от нанесения им убийственного вреда экономике.

Управитель обязан либо входить в метаигру и вести ее, выполняя стоящую перед ним управленческую задачу,

либо изменять саму концепцию текущей экономической игры, гораздо более при этом рискуя навредить экономике, но в том и другом случае управитель не должен бесцеремонно вмешиваться в самое основание экономики, пытаясь заместить экономику воображаемой им неэкономикой (собственным тотально-целостным расчетом).

Отсюда еще одно фундаментальное установление: современная, т. е. оторванная от «золотого стандарта», а потому и вполне самопроизвольная и своевольная экономика прямо-таки нуждается в *волевом корректирующем и направляющем управлении из центра (центров)*, — и такое управление экономикой как целым в принципе возможно, но непременно в *компромиссном единении* — деловом и творческом — с экономическим самоуправлением.

Очень это важное установление, из которого следует, что центровский дирижизм необходим, но в то же время дирижизм этот должен органично сочетаться с экономическим либерализмом. Вырастающий их хаоса хаосмос, с одной стороны, допускает управленческое вмешательство в экономику, ибо он гибок, дискретен, вероятностен, а с другой — не может допустить перехода к некоему космообразному порядку, противоположному экономической свободе, за исключением разве чрезвычайных, обычно мобилизационных и кратковременных, ситуаций. Грубо говоря, можно влиять на ту же динамику экономических параметров, и даже очень сильно влиять, вроде того же влияния на цену нефти, но нельзя целостно и надолго подчинить эту динамику внешнему модельно-матричному расчету, тем более амбициозно априорному. Экономика нуждается в собственном движе-

нии, и всякое волевое управляющее воздействие не просто должно с этим считаться, но и достаточно адекватно вписываться в самодвижение экономики.

Откуда столь значительная потребность нынешней экономики в волевой коррекции и ориентации со стороны центра (центров), весьма чувствительно способных на организационное воздействие?

Ответ тут таков: из-за того, что экономика, будучи *causa sui* (сама себе причиной), сама же и не справляется с задачей полного и эффективного самоуправления, то бишь отрицает саму себя, подвергаясь не только позитивной синергетической (негэнтропийной) организации — вверх, вперед, к новизне, но непременно и отрицательной синергетической (энтропийной) дезорганизации — вниз, назад, к застою. Нынешняя «развязная» экономика не вытягивает саму себя на вполне эффективный уровень и предоставленная самой себе обязательно срывается в свою противоположность — в *антиэкономику*. Здесь сказывается *апокалиптики* любого самоорганизационного бытия, неизбежно теряющего силу и эффективность действия собственного позитивного синергетического аттрактора и впадающего в состояние самораспада.

Если выразиться несколько иначе, то экономическое сознание, обеспечивающее организацию экономики, должно проявлять себя не только диссипативно по всему экономическому полю, как и через объективный «ход экономических вещей», но и волевым образом из центра (центров) управления, выполняя функцию недостающего самопроиз-

вольной экономике позитивного синергетического аттрактора.

Организация экономики, короче говоря, должна непременно сочетать в себе тотальную самоорганизацию с селективной волевой организацией — *дирижизмом*, что, собственно, и имеет место в реальности — *без разнообразного дирижизма нет и не может быть вообще никакой экономики*. Глобализация создала иллюзию ослабления и чуть ли не упразднения дирижизма, однако практика ничего подобного не подтверждает, наоборот, еще более убеждает в необходимости волевой организации экономики из центра (центров), осознанного управления ею, разумеется, в органическом сочетании с ее самоуправлением и самодвижением.

В чем же тут дело? Помимо необъятных размеров нынешней экономики — *мегаэкономики*, ее безграничья, высокого разнообразия и невероятной сложности, что явно затрудняет эффективную самоорганизацию своевольной экономики, а потому и требует волевой сознательной организации экономических пространств, включая и глобальное (общемировое), имеет место другое важное обстоятельство: любая самоорганизующаяся данность, в особенности большая, гигантская, безразмерная, нуждается в управленческом воздействии на нее *извне, со стороны, из контекста*, причем по природе и характеру непременно отличным от природы и характера самоорганизации, свойственной управляемой извне данности, а в нашем случае — в *неэкономическом воздействии*.

Человек, ответственный за свое вкуже с природой и техникой жизнеотправление, не может полностью полагаться на «произвольную» милость экономики, стоимости, капитала, ибо предоставленная самой себе экономическая самоорганизация обязательно, во-первых, слишком «перетягивает одеяло» на себя, «забывая» о нуждах общего жизнеотправления, а во-вторых, сама же от самой себя деградирует.

Сколько-нибудь эффективная организация любой явленной данности должна быть «больше» самой этой данности, выходить за ее пределы, поддерживая тем самым эффективную связь со средой и обогащая себя не только *свежей*, но и непременно... *другой по исходному качеству* кровью.

Такая вот *другая свежая кровь* — негэнтропийный аттрактор для имманентной самоорганизации, работающий на ее энерго-информационное обогащение и против ее неизбежной — при изоляции от внешних организационных, в том числе и сознательно волевых процессов — деградации.

Отсюда выходит, что организация экономики нуждается не только в тотальной самоорганизации, но и в селективной волевой организации, причем не только в сугубо имманентной экономике — *экономической*, но и в качественно для нее иной — *неэкономической*.

Да, экономика как обусловленное стоимостью жизнеотправление не может не испытывать организационного, институционального, вообще конструктивного (как и деструктивного) влияния со стороны неэкономической среды,

в которой она существует и реализуется. Экономический хаосмос непременно учитывает внешний для себя порядковый контекст: людской, трудовой, социальный, производственно-потребительный, технический, правовой, административный, природный, а потому и выглядит вполне себе структурно и даже системно выраженным, чуть ли не космообразным.

Экономика, пронизывая жизнеотправление, к нему экзистенциально приспособливается и, будучи вполне пластичной, как бы повторяет собою, или в себе, окружающий ее контекст, представляясь поэтому чуть ли не целостным мирозданием.

Завороженная этим онтологическим фактом, экономическая наука смещает свой гносеологический акцент как раз на этот онтологический контекст, втаскивая его в собственно экономическую данность, расширяя тем самым свой предмет до неэкономического безграничья и пытаясь решать свои чисто экономические гносеологические задачи посредством привлечения неэкономических факторов бытия, таких как благо, труд, земля, орудие, ресурс, средство, предмет, предприятие, техника, технология, золото и т. д., немало во всем этом, или со всем этим, гносеологически путаясь, не различая ни собственно экономического (стоимостного) текста, ни сопутствующего ему неэкономического (нестоимостного) контекста.

Экономика реализуется в разнообразной неэкономической среде, она с ней взаимодействует, учитывает ее в своей собственной жизнедеятельности, но экономика всегда остается самою собою — *стоимостной субстанцией*, пусть

и функционально структурированной в соответствии с обнимаемым ею, или же ее обнимающим, неэкономическим контекстом, но не прекращающей при этом быть *causa sui* — *самой себе причиной*.

Экономика — *сама себе цифирь!*

Однако цифирь не только самоуправляющаяся, но и управляемая — как внутри экономического поля, так и из-за его пределов, причем весьма управляемая и неэкономически тоже.

Сегодня перед нами так называемая *оцифрованная экономика*, то бишь не просто оцифренная, как было всегда, а именно *оцифрованная!* В традиционно оцифренное экономическое поле внедрилось еще одно поле — сознательно и тотально *оцифрованное*, что означает, что экономическая и любая иная цифра в сфере экономики реализуется не только через головы людей и в их головах, но и через особого рода машинообразные устройства — *компьютеры* и *серверы*, через их платы, чипы, вообще через некоторые технические «мозги».

Экономика и до своей тотальной *компьютеризации-информатизации-кибернизации* могла рассматриваться как аналог гигантского счетно-решающего устройства, пусть и хомо-социально-ноосферного, теперь же подобное сравнение не просто выглядит более обоснованным, но даже перестает быть и собственно сравнением, оказываясь уже на самом деле особого рода, хоть еще и вроде бы хомо-социально-ноосферной, но уже и вполне адекватно самой себе технически оснащенной машиной.

Так или иначе, но ныне сделан (или делается) существенный шаг (или прорыв) к *пост*-экономике, которую автор сих строк давно уже называет *техномикой*.

Экономический мир, конечно, еще не стал своей технотронной противоположностью, но явно уже вступил на путь превращения во что-то подобное.

Сейчас экономика переживает переходное время — время формирования *кибертехноэкономических субъектов* и таких же отношений между ними, что непременно уже сказывается (или же должно сказаться) на способе организации экономики, как и на всей ее онтологической данности.

В какую же сторону?

Вроде бы в сторону повышения внутренней организованности экономики, преодоления хаосности и усиления роли волевого — дирижистского, при этом и менеджерального — начала в управлении экономикой; тут можно и возразить: скорее дело пойдет в сторону обретения экономикой еще большей организационной свободы, но тоже с понижением уровня хаосности, ибо экономическим субъектам, объединенным или же попросту попавшим в кибертехнотронные *сети*, будет-де легче между собой договариваться, оперативно находя в режиме реального времени приемлемый для договаривающихся сторон вариант совместного бытия; наконец, можно предположить и взрывное усиление хаосности и своеволия в реализации экономики, доведения экономической свободы (именно экономической!) до вполне уже катастрофного самоотрицания.

Открываются, таким образом, разные пути и возможности мутирования экономики в связи с ее тотальной технотронной кибернетизацией — вплоть до трансгрессии экономики во что-то совсем *иное*, в ту же техно-, кибер- или электрономику, когда на место экономического сознания, распределенного по социальному полю, придет сосредоточенное в кулак кибер- техно-электронное менеджерианство, берущее всё мировое или то же большое региональное, как и большое национальное, производство-потребление благ — разумеется, вполне «осетенное» — под свой неусыпный контроль и свое навязчивое управление.

Итак, *новая экономическая реальность* — мало того, что новая, то бишь ранее не бывшая, но и реальность переменная, мутационная, вовсю уже и беременная какой-то значительной, не имеющей исторической аналогии метаморфозой, способной выйти на уровень *всеобщей экономической, если уже не антиэкономической, революции*, как и потянуть за собой нежданно-негаданно и *революцию социальную*.

Сейчас это кажется невероятным и невозможным, но что из невероятного и невозможного не воплощается вдруг в бытии-истории, а-а? Хочешь, не хочешь, а подступающие к реальности электронные деньги не просто новые деньги, а уже и, пожалуй, не деньги, а что-то совсем другое — всё еще вроде бы учетно-информационное, но вряд ли уже социально оценочное, благовое, «богатственное». Трудно представить себе некие самовольные «электронные финансы», «электронные банки», как и таких сугубых «электроников», как «электронные игроки», «электронные инвесто-

ры» и, тем более, «электронные миллиардеры». И впрямь на исторической повестке дня уже самая настоящая *антиэкономическая революция*, которая случится, надо полагать, не завтра, но почему же и не завтра, коли случились же неожиданная массовая инвазия мусульман в Европу, невероятнейший брексит — выход Великобритании из ЕС и то же прямо-таки чудесное избрание в США 45-м президентом экстравагантного и совершенно вроде бы невозможного господина Д. Трампа.

Экономический мир, будучи сейчас неопределенно, круто и споро переменным, на грани какой-то действительно *великой трансформации*, а то и, повторяем, на пороге *трансгрессивной революции!*

Бурное развитие кибертехноинфокогнитивной сферы и овладение ею не одной лишь экономикой, а и всеми управленческими и трудо-творческими процессами — с одной стороны, и нарастание потребности в оптимизации всего человеческого бытия соотнositельно с возможностями природы и самого человека, как и поддержания глобального на планете экологического равновесия, включая усиливающуюся потребность в рациионировании производительного, массового и даже элитарного потребления и всех вообще экзистенциальных расходов планетарного населения, не говоря об оптимизации его численности — с другой, толкают вперед антиэкономическую революцию независимо от желания людей, их обыденного и экспертного ее осознания, тем более что экономика как экономика явно выходит, если уже не вышла, из-под контроля не только человеческого ра-

цио, но и всего вообще людского жизнеотправления, все более напоминая взбесившегося мифологического зверя.

Разумеется, будут попытки сохранить экономику, финансомику, сложившуюся систему кабально-долгового инвестиционного рабства и, конечно же, глобальное доминирование США, доллара, Уолл-стрит, как и будут нарастать потребность и стремление со всем этим западо-американским покончить, включая и глобальные стоимость, деньги, финансы, как и вообще экономику. Но прежде чем что-то такое произойдет, случится, видимо, *всемирная экономическая реформация*, которая покончит не только с единоличной властью доллара и доминированием глобальных уоллстритовских финансов, но и с самой центростремительной глобализацией мировой экономики — как раз посредством ее центробежной партикуляризации — с переходом к многоцентрковой и полирегиональной конструкции планетарного экономического мира.

На место одной гигантской, пусть и недостроенной, всемирной пирамиды, вполне и вавилонской (см. повнимательнее на бумажный рисуночный доллар), придет сонм не столь гигантских, но зато вполне более животворных, мирорегиональных, как и крупных национальных пирамид, склонных и способных к равноправному между собой взаимодействию.

Сначала сгинет глобальный доллар, потом уйдут деньги с финансами, наступит *пост-экономика*, а за ней придет уже и *не-экономика* — та же *техномика*, а вот что станется при этом со всем человеческим миром — разве только Господу Богу и известно!

***Экономический гнозис:
от заблудшего отвлеченного теоретизирования
к адекватному воззрению на реальность****

Есть на свете, судя по всему, *экономика*, как и есть, согласно тому же университетскому гнозису, *экономическая теория*, она же *теоретическая экономия*, бывшая до недавнего времени широко распространенной *политической экономией*.

В самом по себе научном теоретизировании нет ничего плохого: абстагированное от текущей конкретности, парадигмально целостное, логично построенное, модельно внутри себя согласованное и щедро оснащенное загадочными терминами и понятиями, теоретическое знание вполне способно послужить обобщенному отражению реальности в головах людских, как и ее когнитивной экспликации, столь необходимых для реализующегося в культурной среде размышляющего и практического сознания.

Теоретизировать вообще можно и даже весьма полезно, обращаясь и к той же экономике, раз она есть и играет колоссальную роль в жизнеотправлении человека. Онаученный веком Просвещения разум дал свой ответ на эту возможность и эту потребность, создав обширную область теоретического знания — *экономического*.

Покорился ли при этом *экономический онтос* онаученному *экономическому гнозису*, — большой вопрос. И во-

* Опубликовано в журнале *Философия хозяйства*. 2016. № 2. С. 9—26.

прос этот совсем не случаен, ибо в экономическом гнозисе мы находим всё... кроме... достаточной его адекватности... экономическому онтоосу, не говоря уже о наличии в рассматриваемом значении необходимой когнитивной ясности.

Что мы имеем в объемном, практически безграничном, теоретическом знании? Десятки определений той сферы онтооса, которая впадет и невпадет называется «экономикой» — от «домоводства» до «оптимального использования ограниченных ресурсов»; немалое число собственно экономических теорий (концепций, модельных построений), ни одна из которых не отвечает требованию необходимого ее соответствия реальности и потребной для этого смысловой полноты; бесчисленное количество частных (элементных) определений, трактовок, восприятий — всего, чего угодно, крайняя неопределенность, если не полная невозможность, практического использования теоретических изысков в оценочной и конструктивной деятельности.

Сегодня можно с достаточной степенью уверенности говорить, что экономический гнозис, основанный на сциентизме, физикализме и материализме, включая безудержную его математизацию, не удался: он даже не в кризисе, а в последовательном и, надо полагать, уже необратимом *самотрицании!*

Мы не будем здесь заниматься разбором хорошо известных теорий, «ловить» их на противоречиях, мифах и попросту несуразностях; адепты прочно утвердившихся в ученом сознании теорий в любом случае останутся их непременными сторонниками, ибо онтологическое соответствие теорий фактическим реалиям не очень-то входит в

число увлеченно решаемых этими адептами дидактических и «дискуссионных» задач.

Ларчик тут открывается довольно просто: теории создавались более всего не как онтологические, а как... *идеологические*, не как адекватные реальной реальности, а как по отношению к ней либо апологетические, либо, наоборот, критические («разносные»), либо просто абстрактно-логические («красивые», «игро-бисерные»), а само соответствие теорий описываемому ими предмету никогда не выходило на передний план.

Разумеется, экономический гнозис вылился в определенную словесно-рассудительскую культуру, заимевшую весьма богатый словарно-категориальный запас, служившую верой и правдой любым ученым и экспертным размышлениям и дискуссиям по поводу вроде бы экономического онтоса, а более всего — самого же этого экономического гнозиса.

Итак, онтос — один (или такой), а вот гнозис — другой (не такой), что имело результатом: гнозис — один (такой), а онтос, естественно — другой (не такой)!

Чем же исследовавшийся онтос роковым образом отличался от исследовавшего его гнозиса. В противоположность гнозису, стремившемуся к логике, строю, механике, модели, системе, онтос был всегда и везде менее всего физическим, материальным и механико-системным, а более всего метафизическим, идеальным, даже и хаосно-бессистемным.

Здесь надо, правда, решительно уточнить, что же есть на самом деле экономика, обратившись ко вполне сакра-

ментальному вопросу: «Что же есть собственно экономическое в экономике?».

Нет, вовсе не блага, не продукты, не орудия и предметы труда, не труд, не земля, не ресурсы, даже не производство благ и их потребление, даже не люди и не их отношения по поводу владения благами, их производства, распределения и потребления, даже и обмена этими благами, ибо все это есть то, что реально... попросту... *есть*, — и никакой собственно экономической смысловой нагрузки на себе и в себе не несет.

Когда-то, в Древней Греции, под «экономикой» можно было понимать и «домоводство», но сегодня, господа, сегодня... какое-такое «домоводство» у той же Федеральной резервной системы, у государственных бюджетов или, к примеру, у какого-нибудь сберегательного банка? Или у тех же «Рено» или «Уралмаша»? Может, у «Роскосмоса», «Атоммаша» или у «Роснано»? Разве их деятельность и впрямь домоводство?

Под «экономикой», конечно, можно понимать всё, что угодно: хозяйство, производство с потреблением, богатство, организацию, управление, то же домоводство, но вопрос об экономической сути экономики остается при этом все равно открытым!

Экономическое в экономике: что же это? Ясно, что это какое-то качество, свойство, характерная черта, знаковая компонента. Что-то, наверное, не физическое, не материальное, не вещественное, ибо это что-то присуще всему выше перечисленному, вполне и материальному, вещественному, предметному — следственно, это что-то имеет какую-то уже иную природу — духовную, идеальную,

эфирную. Предположение это тем более обоснованно, что в экономике, какой мы ее знаем, на переднем плане все-таки не предметы, не вещи, не люди, не отношения и т. д., а... особого рода *оценочный счет-расчет* — *денежно-ценовой*, причем творящийся в сознании, в уме, через посредство голых цифр, не обозначающих ничего, кроме самих себя, но зато участвующих в образовании функциональных экономических чисел, величин, количеств, масс — вполне значимых и вполне работоспособных.

Экономический гнозис в лице той же политической экономии давно уже это заметил, указав на абстрактные феномены денег, оценок, цен, столь применяемые в экономике и конституирующие такие не менее замечательные феномены, как капитал, доход, кредит, ссудный процент, инвестиции. Заметил и обобщенно обозначил, пусть только в русском звучании — *стоимостью*!

Дальше — больше: экономический гнозис эпохи расцвета политической экономии, еще не отошедшей от философии и даже метафизики, подметил субстанциальный характер стоимости, ее сущностность, даже и нематериальность, как и некоторую ее отстраненность от всего остального — нестоимостного, заметную от него самостоятельность и даже независимость. Была сделана также попытка объяснить природу стоимости, обнаружить ее субстанцию, конечно же, сделать это по тогдашней моде — физикалистски, материалистически, чуть ли не вещественно. Было введено в объяснительное действие и... отношение (отношение того же товарообмена), что стало значительным, хотя и не решающим, экспликативным вкладом в экономический гнозис.

Торжествовавший тогда сциентизм не позволил признать главное, а именно — признать за *самой* стоимостью... *субстанцию*, конечно же — нематериальную, духовную, идеальную, эфирную, еще и счетно-цифровую, еще и осознаниенную, еще и ноосферную, еще и... трансцендентную!

Такое признание, вполне и судьбоносное, совершил уже *постнаучный гнозис* в лице той же *философии хозяйства*, не чуравшейся ни духовности, ни идеальности, ни ноосферности, ни трансцендентности. Именно философия хозяйства признала и утвердила самое экономическое в экономике — *субстанциальную стоимость*, или *стоимость как саму себе субстанцию*, а вслед за этим и обозначила наличие экономического, т. е. стоимостного («обостоимостного»), хозяйства — уже как следствия доминирования в нем стоимости, стоимостной субстанции, субстанциальной стоимости.

В самом простом, начальном и легко замечаемом виде стоимость проявляет себя как простая товарная оценка — в товарообмене с участием оценочного товарного и творящего тоже сознания. Но с появлением денег, способных существовать и вне товарообмена (накапливаясь, кредитуясь, инвестируясь), а также исходить на хозяйство сверху, из центра (центров), стоимость стала выглядеть уже не просто оценкой (ценой), но и действительной субстанцией (уже как бы «массой»).

Долгое время стоимость виделась пытливому глазу не более чем принадлежностью «хозяйственного низа», производительно-обменного базиса, непосредственно жизнеотправительных (бытовых) реалий, а потому и воспринима-

лась как вспомогательный посредник в гуще нестоимостных вещей, событий, отношений и процессов.

Однако с появлением и нарастанием торгового и ростовщического капиталов, представлявших собою уже работавшую на себя стоимость, посредническая роль стоимости все более дополнялась организаторской и, скажем так, господской ролями; стоимость как бы отделялась от непосредственного хозяйственного процесса, все более возвышаясь над ним в качестве *управленческо-эксплуаторской надстройки*. С развитием же производительного капитала, банковского дела и денежно-финансовой сферы отрыв стоимости от хозяйственного базиса еще более усилился, но при этом усилилась и зависимость хозяйственного базиса от стоимостной надстройки. В итоге стоимость установила полное господство над хозяйственной жизнью: «экономика снизу» (от бытия), перестав быть существующей от себя и для себя экономикой — с производимой ею «внутренней» стоимостью, стала «экономикой сверху», создаваемой «внешней» для нее стоимостью, уже целостно этой стоимостью производимой и ради этой стоимости существующей.

Не стоимость для экономики, а экономика для стоимости, не говоря уже о хозяйстве, жизни, всем человеческом бытии, которым ничего не оставалось, как подчиниться возвысившейся над ними и уже от себя самой хозяйствовавшей стоимости.

Экономика, оставаясь экономикой, обратилась вследствие этого в... монетарономику, финансомику, «вэльюномику» (от Value — стоимость, ценность), перейдя от «экономики со стоимостью» к «экономике под стоимостью», чему сильно поспособствовали освобождение денег от са-

мих же себя из-за отмены золотого денежного стандарта и высвобождение цен из самих же себя вследствие глобализации (обезграничивания) экономики.

Деньги и цена — две неразрывные ипостаси стоимости. *Оденеженные цены и оцененные деньги!* Они же и реальные представители субстанции стоимости, или же стоимости как субстанции, бытующие в головах людских, в сознании, в ноосфере — как дух, как мысль, как идея, как память, выражаясь лишь в цифрах и числах, специально для этого предназначенных — договорных, как раз чисто стоимостных, счетно-расчетных, но никак не материальных, не вещественных, не предметных.

Золото само по себе — никакая не стоимость, оно нагружается последней только в товарном, обменно-оценочном акте, в счетно-расчетном процессе, в среде оцифрованной по-особому — экономически — реальности, при исполнении золотом денежного и ценового заданий; ни труд, ни полезность, ни энергоемкость, ни что либо другое — тоже сами по себе никакие не стоимости, — стоимостную нагрузку они получают от оценочной акции, осуществляемой вполне субъективно и предвзято оденеженным сознанием.

Не стоимость от чего-либо, даже от тех же денег и цен, а что-либо, включая деньги и цены, от стоимости, которая есть не что иное, как особого, вполне и трансцендентного, рода счетно-решающее устройство, сидящее в головах человеческих и непрерывно работающее, награждая деньги и товары рассчитанной этими головами ценностью, превращая их в носителей самой себя.

Не товар задает цену самому себе, а именно стоимость задает эту ценность — через человека, или же человек через стоимость задает товару цену. Деньги не сами по себе воплощение и знак стоимости, а лишь через оценочное, еще и договорное, действие на них — на деньги — экономического человека, а сами деньги вовсе не вещь, которая лишь их — денег — носитель, а навешанная на них и всеми признаваемая... *цифра!*

Товар о себе как товаре ничего не знает, всё о товаре знает лишь человек, да и то, признаем, не всё, и этот человек знает ему — товару — цену, хотя и, признаемся, не очень-то и знает; деньги не знают ни то, что они деньги, ни своей оценочной значимости — это опять же знает, да и то не полно, только человек — участник непрерывного экономического действия.

Стоимость — идеальная, знаниевая, оцифренная субстанция, вложенная в головы человеческие и делающая там свое оценочное дело. Всё, что подлежит товарно-денежной оценке, оценивается человеком с участием сидящей в его же сознании стоимости, выраженной, повторяем, особого рода социальной цифрой. Сознание сходится с сознанием, цифра с цифрой, число с числом, оценка с оценкой — и является искомая оценивающими сознаниями оценка, она же и цена (товара или денег, все равно). Всё так или иначе получает свою цену, — одновременно вольную и подневольную, однако всегда нарочито взаимоприемлемую, учитывающую также другие цены — союзные, соперничающие, предшествовавшие, возможные в будущем, — и выходит целый *мир цен*, оценочное пространство, ценовое поле, где каждая цена — погуляв, попрыгав и потолкавшись — получает ка-

кую-то приемлемую для всеобщего экономического процесса величину.

Цена, как и любой другой экономической (стоимостной) параметр, может быть любой, но не какой угодно: цены согласуются через сознание с другими ценами, даже и со всем миром цен, который вовсе не масса разбросанных по миру цен, а их взаимоувязанная совокупность — не вольная вовсе, но и жестко не predetermined — подвижная, дышащая, живая!

Экономику, насыщенную стоимостью и оснащенную стоимостными параметрами, всю гнездящимися в головах людских и там между собой оживленно играющими, можно сравнить (только сравнить!) с мозгом, сознанием, ноосферой, даже и с мирозданием, как и, возможно, с той же наносферой. Экономика не механизм, не организм, даже не отчетливо выраженная система — настолько всё в экономике сложно, неопределенно, хаотично, — это, скорее, бескрайнее энерго-информационное поле, подвижное облако, необъятное море, в общем — бездонная переменчивая среда, сфера, бездна!

Такова экономика в прямом себе соответствии — *экономика как экономика!*

Однако экономика встроена в хозяйство, в производство и потребление благ, в реальную жизнь, даже и в земную и космическую природу, а потому она, отражая собою и в себе весь этот безбрежный контекст, ловко сообразуется с ним, соответственно ему распределяясь, структурируясь, функционируя, ему повинуюсь и над ним же довлея.

Стоимостная субстанция сочетается («брачается») с контекстом, его на себя принимает и через себя пропускает,

становясь контекстной, или же реальной, субстанцией. *Виртуальная экономика* дополняется и обогащается самой что ни на есть реальной реальностью, включая и многую ирреальность, что и позволяет экономике стать и *реальной экономикой*, не теряя при этом своей естественной и неизбежной виртуальности.

Виртуальность, или виртуальная реальность, сходится в экономике с реальностью как таковой, что придает экономике не только необходимую ей адекватность относительно контекста, но и потребную ей реалистичную обустроенность (каркасность). Виртуальная стоимостная информационность совмещается в экономическом процессе с нестоимостной контекстной информацией, в результате чего возникает единое, хоть и противоречивое, информационное поле — как раз экономическое (экономо-контекстное), которое, собственно, и есть действующая в реальности экономика.

Стоимость, входя в контекстную реальность, проникая во все ее поры, себя феноменально уточняет, выступая уже в обоснованном текущей реальностью конкретном воплощении: в виде скорректированных реальностью по ценности и количеству («массам») денег: в виде сообразованных между собой, хотя и весьма своеобразных, цен; в виде принятых воспроизводственной реальностью капиталов, инвестиций, кредитов, ссудных процентов и т. п. чисто экономических «штучек».

Экономика — бескрайняя энерго-информационная сеть («мозг»), в которой узелковыми элементами («нейронами») служат люди — *экономические человеки*, а нейросгущениями — людские институты, а сама сеть пред-

ставляет собой стоимостным образом обустроенный социум — *экономический социум*. В такой сети полно разных управленческих центров — как обеспечивающих экономическую сеть своим управлением, так и обустраивающих ее, и опекающих, мало того — над нею еще и властно довлеющих.

Экономика, как и социум, управляется и самоуправляется, она имеет свой институциональный скелет, но при этом и реализует свой фундаментальный, восходящий как раз к стоимости, производ, ограничиваемый не так законами и моралью, как... *самим же собою*: производ на производ и... вдруг... кое-какая... *мера*, конечно же — *экономическая* (количественная, числовая).

Экономика — самостоятельное и в принципе самодостаточное энерго-информационное поле, способное к самоорганизации. Виной всему тут люди, умы, сознание, ноосфера. Но так же и стоимость — это величайшее изобретение-достижение хозяйствующего человечества (слава финикийцам — если не первым, то самым выдающимся экономистам всех времен, народов и цивилизаций!).

Стоимость возникает (генерируется) и реализуется (воплощается) только в произвольном движении хозяйственных сознаний, она оттуда, там и туда — от экономики, в экономике и на экономику, — и заместить стоимость нечем, как и сработать за стоимость никому и никак нельзя: стоимость — волшебство, это некое иномирье, не подлежащее ни замене, ни обезоруживающей разгадке, ни ловкому воспроизведению!

Стоимость — *causa sui*, *сама себе причина*; она сама всё считает и сама всё стоимостное за себя же решает, ибо

сидит она в головах людей, бытует в сфере сознания, там и реализуется; но при этом ни одна голова, ни одно конкретное сознание, ни одна субъективная сила не могут ни подменить собою стоимости, ни овладеть ею, ни выбросить стоимость на свалку; все экономические субъекты заняты стоимостным счетом-расчетом, все принимают те или иные стоимостные решения, но... именно все, а не кто-нибудь один-единственный — сразу и за всех! Стоимость — *causa sui*, *сама себе причина*, но... только в работе и через работу всего стоимостного энерго-информационного поля в целом!

Почему так? А по той простой причине, что стоимость есть осознание отношения, что она является из этого отношения, а в ракурсе общества — из всего мира осознанных отношений. Стоимость является как бы из... пустоты, из ничего, из бездны, то бишь из межсознаний, в диалоге сознаний, — и межсознание это, как и этот диалог оценивающих сознаний, никакое внешнее сознание заменить не может, тем более уж для всех межсознаний сразу.

Вот откуда стоимостная воля со своим стоимостным произволом, вот откуда и своеволие всей экономики, ее самостоятельность и самодостаточность, хотя и не абсолютные, ибо сознание на то и сознание, чтобы не оставлять экономику с ее стоимостью в покое, в абсолютности, в чем, кстати, экономика вовсе и не нуждается.

Сознание не отпускает от себя экономики, — и не только по причине ее — экономики — им — сознанием — производства, как, собственно, и всего хомотворного вокруг экономики контекста, — а и вследствие потребности, исходящей уже от самой экономики, нуждающейся в непосред-

ственном участии сознания в ее — экономики — самореализации.

Вся экономика во всем ее взаимодействии с контекстом, во всей своей реализации — плод (продукт) сознания, разумеется, с учетом влияния на сознание, его решения и действия и всего несознательного, или, выражаясь иначе — объективного, внешнего, экзогенного.

Экономика — плод (продукт) не просто сознания, а *общественного сознания* — не просто людских голов (сознаний), а неисчислимой массы голов (безграничного общего сознания), что предполагает неограниченное пространство реализации, ее непрерывный поток (течение), как и нескончаемое своеволие.

Сознание, конечно — не экономика, а вот экономика — *сознание!*

Именно сознание продуцирует экономику, мало того, оно ее и организует, причем так, что волевая организация сочетается непременно с вольной и невольной самоорганизацией.

Не будет никаким преувеличением заявить, что сознание и есть фундаментальный онтос экономики: не блага, не продукты, не ресурсы, не средства производства, не орудия труда, не сам труд, а именно *сознание* — как таковое и как экономически обустроенное.

Вот почему экономика — не механизм (не машина), не организм, даже и не выраженная — вполне, так сказать, системно — система. Это — мир, сфера, среда, для которой характерны какие-то свои алгоритмы бытия, организации, воспроизводства, — как раз весьма далекие от механических, биологических и собственно системных.

Облако — оно и есть облако; море — оно и есть море; стихия — она и есть стихия!

Неопределенность, пустоты, разрывы, люфты, «рывки», «шатания», колебания, а соответственно — разности, неравенства, неравновесия, несоответствия, в общем — *анархия*! Которая как раз и есть «мать порядка», но... порядка, увы... без порядка, или неупорядоченного порядка, или порядкового беспорядка, — это уж как кому нравится!

В основании экономики, при всей внешней ее упорядоченности, не порядок вовсе, а... *хаос*! Да-да, самый настоящий хаос, вполне и бездний. Иное дело, что хаос этот никогда не остается адекватным самому себе, ибо жизнь, бытие, хозяйство, даже и само сознание, будучи в основе негентропийными, синергетическими, никогда не доводят реальную ситуацию до подлинного хаоса.

В экономике реально реализуется не космос — как явная противоположность хаоса, а то, что принято сейчас называть *хаосмосом* — не хаос и не космос, а нечто среднее, уходящее от хаоса и не доходящее до космоса.

Хаосмос — не только преодоление хаоса, но и его — хаоса — творение! Хаос, о котором речь — *хаос творящий* — сознаниевый, ноосферный, «умный». Именно из хаоса посредством аттракторского действия сознания, ноосферы, трансцендентности рождается хаосмос, а вместе с ним и особого рода воспроизводственный для экономики «порядок». И «порядок» этот всегда уходит обратно в хаос, чтобы возродиться в нем и от него уже в ином порядковом образе. От порядка к порядку идет экономика, а лучше сказать — в рождающемся постоянно и постоянно умирающем

упорядочивающем процессе движется экономика — через хаос, с его участием, с его помощью!

Нет того правильного порядка, который априорен экономике и которого она должна непременно достигать; нет и того правильного порядка, который экономика обязана достигнуть и ему непременно следовать; всё тут стихийно, самодеятельно, «авосьно» — и тот «порядок», который оказывается реально в экономике достигаемым, вовсе и не порядок, а всего лишь его подобие, образ, метафора!

Экономика — мир игровой, импровизационный, переменный, калейдоскопический, хотя он и не чужд устоев, норм, правил, но как раз таких, которые не мешают его неперменной и в общем-то чудесной хаосности.

В экономическом мире нет никаких априорно заданных параметров вроде постоянных величин, обязательных соответствий, неизменных мер, нет и каких-то «предумышленных» имманентных законов! Полное как раз там беззаконие с безудержным произволом, хотя при этом и произволом умным, думающим, сообразительным, что не мешает ему бывать и глупым, и безрассудным, даже и безумным. Вообще произвол этот — вовсе не такой уж и произвол — ибо он ведь не сам по себе, а в обстоятельствах, его ограничивающих, да и, встречаясь повсюду с самим собою, вынужден он и сам себя — хоть и произвольно — умеривать.

Экономика — игра! Вверху — сплошная и беззастенчивая (финансовая); ниже — ограниченная, сдержанная (инвестиции, кредиты); внизу — умеренная, осмотрительная (производство ведь).

Экономику нельзя загнать ни в какое модельное ложе — оно немедленно оказывается прокрустовым. Эконо-

мика — сама себе ложе, вовсе и не прокрустово! Она сама деловито и в то же время опрометчиво прокручивается, расширяясь и сужаясь, сосредоточиваясь и расстраиваясь, приобретая и теряя. Изворачиваясь и выворачиваясь (кризисы ведь)!

Экономическую организацию, пока экономика экономически необходима, ничем не заменить! Причем организация эта не просто стихийно-анархическая, она еще и *трансцендентная*, что означает, что она полна неизвестности, тайны, темноты с пустотой. «Черные ящики», «черные дыры», «черные зоны» — всё это крипто-ниши, хотя все они вовсе и не «черные», а всюю и «светлые», точнее — никакие! И что занятно: там-то, в этих крипто-нишах, всё главное в экономике как раз и решается! Ничего не поделать: затейливое общественное сознание, полная загадок ноосфера, насквозь трансцендентное бытие!

Экономическая организация, — при всей своей внешней явленности, — организация в значительной, если не в решающей, мере *конспиративная* — как сознательно конспиративная, так и бессознательно, или же объективно. Кто из субъектов, к примеру, бывает сильно уверен в правильности принятого им скрытно решения, какими могут для него оказаться последствия этого решения, что вообще будет вокруг данного субъекта завтра, а что есть сегодня, а что было... э-э... вчера? *Тотальная неизвестность* — лучшее обоснование конспиративности экономики, что подтверждают и неизбывная вольность параметров, и неукротимость происходящих процессов, и неоднозначность возникающих состояний, и загадочность таящихся сущностей, и своеволие всей экономической реальности в целом.

Экономика реализуется, движется, организуется, — как и всё бытие, вся жизнь, всё хозяйство, вся история — согласно трем основным акционным потокам: 1) «человеческому ходу», или управленческим действиям людей, субъектов, конкретных хозяйствующих сознаний; 2) «ходу вещей», или возникающим стихийно ситуациям, процессам, тенденциям, что осознается действующим сознанием как нечто объективное, самовольное, синергетическое, на что хозяйствующее сознание пытается непременно реагировать, даже и влиять; 3) «ходу неизвестности», или внезапным событиями, никак в общем-то сознанием не предусматриваемым, обычно застающим хозяйствующее сознание врасплох и лишь апостериорно им осознаваемым — как что-то уже совершенно конспиративное, таинственное, трансцендентное, с чем можно только считаться и к чему можно только приспособливаться — при условии преднамеренного выживания.

Отсюда следует, что мир экономики — действительно... *мир*, а не какая-то там система, мало того, мир настолько неопределенный, беспредельный, своевольный, что такое метафорическое определение, как *мир-сумятица*, вполне для него подходит, разумеется, с долей акцентированно преувеличенной образности.

Каждый субъект собою управляет, как и с неизбежностью управляется извне, хотя бы окружающей обстановкой, общим контекстом. Каждый субъект стремится управлять этой окружающей обстановкой, даже и большим контекстом, что удается не всем субъектам, да и с разной степенью удачи. Разумеется, есть субъекты, способные сотворять и контролировать в своих интересах большие экономические

(и иные тоже) пространства, подолгу и даже с эффектом ими управляя. Это, безусловно, центры управленческой мощи — как чисто сетевые, так и иерархические (пирамидные). Есть даже субъекты, способные оказывать целеположенное влияние на устройство, состояние и движение экономики в целом, не исключая и мировой. Но при этом все равно нет и не может быть ни одного центросубъекта, вроде некоего *мира-плана*, способного управлять всем экономическим миром, еще и заменяя своим управлением самоуправление самой экономики.

Чего не может быть, того быть и не может!

Экономика — социум, сознание, ноосфера, целый мир — мир живой, живущий и живучий, мир действующий, думающий, самоорганизующийся. Установить тотальное управление этим миром — значит ликвидировать сам этот мир, уничтожить стоимость, убрать саму экономику!

Влиять можно, помогать можно, мешать можно, гадить можно, а вот тотально управлять — *исключено!*

Так вот и бытует экономика, управляясь и самоуправляясь, представляя собой не что иное, как... «*море-окиян*», насыщенный особой субстанцией — стоимостью; обладающий мириадами агентов — мелких, средних, полусредних, больших, гигантских; производящий по номенклатуре и количеству необозримую продукцию; выводящий всякое качество и исчисляющий любое количество; вибрирующий, волнующийся, шумящий, а в какой-то момент и возмущающийся, и бурлящий, и неистовствующий — разрушающий, смывающий, поглощающий.

Сравнение экономики с «морем-окияном» — самое, пожалуй, удачное из сравнений, ибо иллюстративно отво-

дит раз и навсегда усталый ученый ум от всего механического, организменного, системного! Тут ведь больше всяких стихий и глобальной вообще стихии, чем систем, устройств и порядков, хотя есть и механизмы, и организмы, и устройства, и системы, и порядки, но... не они, не эти последние отражают адекватно общую картину экономики, а совсем другое — как раз то, что близко метафорическому «морехозяину»!

Вот те же кризисы — неприятная для экономики «вещица», но... разве может самостоятельная (как целое) экономика обойтись без кризисов — этих болезненных, одновременно разрушительных и созидательных состояний-переживаний? Нет, не может! Кризис — норма для экономики, хотя и аномальная норма, парадоксальная. А разве развитая, а ныне уже и суперразвитая, экономика не могла не впасть в конце концов в состояние перманентного, пусть и прерывисто и калейдоскопически проявляющегося, *общего кризиса*, мало того, попросту и стать по своему качеству... *кризисной* (беспокойной, турбулентной, занозистой)? Нет, не могла! Общая кризисность экономики, пусть и волнообразно и дискретно проявляющаяся, а иной раз почти и исчезающая — после какой-нибудь большой «благотворной» войнушки, — столь же теперь обычная норма для экономики, как когда-то стали нормой для экономики ее периодические кризисы. Были-были разные по физиономиям и действиям периодические кризисы, а потом взяли, да и перелились в один большой хронический кризис — вот, собственно, и всё!

Базисная причина кризисности экономики одна — сама экономика, точнее, — стоимость, как раз уже надстроеч-

ная, самостоятельная, властная. Стоимость, она же *экономическая надстройка* — *хозяйственная виртуальность* — «хочет» одного, а *экономический базис* — *хозяйственная реальность* — «хочет» при этом другого; здесь бытует фундаментальное, вполне и злостное, противоречие — как раз между базисом и надстройкой; для стоимости, в особенности своейвольной, «незолотостандартной», всегда всё ясно: чем больше ее накопления с доходами, тем лучше для владельцев стоимости; хозяйственная реальность может какое-то время на этот бесцеремонный запрос стоимости и ее адептов адекватно отвечать, а в какой-то момент уже и не может: наступает остановка, случается перерыв, как раз для того, чтобы реалиям, да и самой стоимости, измениться, перестроиться, перевоплотиться.

Да, кризис — это насилие, а кто и что без насилия вдруг начнет круто меняться, да и куда? А ведь кому-то и чему-то надо попросту уйти, куда-то во что-то перетечь, куда-то прыгнуть, стать совсем другим, а то и насовсем исчезнуть. Как всё это сделать, какой силе, если не кризису и не через кризис?

Что касается перманентного кризиса, то тут уже не любезное противоречие между стоимостью и экономикой, как и между виртуальной экономикой и реальным хозяйством, а самый настоящий конфликт между ними, точнее, не конфликт даже, а хроническая несоответственность — с одной стороны, своеволие нестойчивой и переменчивой стоимости (оторвавшейся, отчуждившейся, как бы порхающей над реальностью, неуловимой), а с другой — своеволие быстротекущей и сверхпеременчивой хозяйственной реальности (высокопроизводительной, высокотехнологичной,

информатической, обновленческой, инновационной, «мгновенистой», «моментистой», текучей, как бы и летучей).

Стоимостная, она же теперь и финансовая, надстройка — сама по себе, а хозяйственный, он же производительно-потребительный, базис — сам по себе. Вовсе не разделенные, наоборот, накрепко переплетенные, но зато в разные стороны смотрящие и в разные дали устремленные, хотя и не настолько, чтобы не сходиться между собой — как бы и случайно — в едином экономико-хозяйственном раже — как раз в обстановке и посредством перманентного кризиса экономики, что то же самое — уже хронически кризисной (беспокойной, несуразной, абсурдной) экономики.

Экономика издавна была и пока существует как *стоимостное хозяйство*. В один прекрасный момент возникла теоретическая экономия, призванная разработать и утвердить научно обоснованный экономический гнозис. Возникли разные концепции, они же теории. Единой теории так и не случилось. Что-то у науки довольно получилось, а что-то нет, а главное — *не получилось адекватного экономическому онтосу единого экономического гнозиса*. Разные в науке бытуют подходы, методологии, построения, модели, теории. И это-то всего более и смущает: экономическая-де культура возникла и есть, но это культура... как бы ради самой экономической-де культуры, а не ради собственно экономической реальности!

Всё дело тут, на наш взгляд, в том, что сама экономическая реальность вовсе не так уж онтологически научна, как это полагает до сих пор торжествующий в университетах сциентизм, а потому она не подлежит лишь и, тем более, строго научному отображению, — она нуждается в более

насыщенных смыслами онтологическом и гносеологическом подходах.

Что поделаться, ежели вокруг в экономике метафизис со своими смыслами, дух со своей идеальностью, трансцендентность со своей тайной!

Теоретическая экономия не смогла решить поставленной перед самой собою гносеологической задачи, натолкнувшись на собственную априорную условность, парадигмальную узость и познавательную поверхность, на собственные гносеологические ограничения, — и, надо полагать, время такого рода теоретизирования ушло (недаром же наука устремилась от глубокомысленных теорий к «прикладнухе», информатике и технологике), что и льёт воду на мельницу уже не теоретического знания, а *обобщающего смыслового воззрения*, которым как раз и «грешит» та же философия хозяйства.

Экономика, повторяем, не дом, не машина, не организм, даже и не система, это — «море-окиян», еще и конспиративный, загадочный, трансцендентный, тайный!

P.S.: О тайне экономики

Экономика — бытие, часть бытия, образ бытия!

Она несет в себе всё, что характерно для бытия вообще — явленность и неявленность, видимость и невидимость, знаемость и незнаемость.

Как и сознание, экономика многосферна (многослойна): как то же сознание сочетается с бессознанием и, что особенно важно, со скрытым от сознания подсознанием, а то и иносознанием, так и экономика — она тоже кое с чем из неявного органично сочетается: с той же глубинной суб-

экономикой, даже, наверное, антиэкономикой, а то и со сверхэкономикой, может, попросту и с какой-то неэкономикой.

Есть мир, а ведь есть и антимир, к которому естественная наука, она же физика, только-только не без опаски подбирается, вынуждая себя и свой предмет существенно пересматривать — как раз в сторону метафизиса и метафизики!

Наиболее интересно то, что экономика (хозяйство со стоимостью, стоимостное хозяйство, хозяйствующая стоимость) реализуется как целое не только и не столько поверхностно (феноменально), логически и системно, сколько глубинно (ноуменально), алогически и бессистемно. Экономика реализуется вроде бы сознательно, но и бессознательно тоже, мало того — *ино*-сознательно (*сверх*- и *под*-сознательно). Вот что важно!

Экономика имеет некое скрытое внутри себя, но открытое для внешней информации, поглотительно-творческое чрево, в котором и происходит выработка собственных, обычно называемых объективными, хотя лучше бы их величать просто имманентными, или — на крайний случай — эндогенными, «решений», в том числе и тех, которые кажутся образованному ученому уму чуть ли не закономерностными.

Для части экономики, может, это и так — закономерно-де обусловленными (хотя бы просто повторяющимися), но в основе все-таки более импровизационными, следственными, обстоятельственными, а потому и более всего уникальными — внезапно-единственными, чем априорно и правильно, да еще и «законодательно», предположенными.

У экономического чрева нет никаких заведомых установок, непреодолимых рабочих ограничений и обязательных итогов.

Такова она — экономика — податливая и упрямая, покорная и непокорная, доступная и скрытная, любезная и злая, влекущая и отталкивающая!

Самостоятельная, хотя и всю управляемая — до некоторых, совершенно и непредсказуемых, пределов!

Всё основное в экономике вершится как раз *там* — в *экономической преисподней*, в этой «*черной бездне*», для которой не существует ни аристотелевской логики, ни пифагоровской математики, ни архимедовской инженерии, ни, тем более, какой бы то ни было морали.

Ученым людям кажется, что экономические агенты всю ошибаются, часто принимают неправильные решения, вообще плохо себя ведут, не слушаются их — всезнающих ученых, не внимают остроглазым экспертам, а потому-де в экономике сонмы проблем, разные там кризисы и неизбежные крахи, не говоря уже о таких последствиях экономического хозяйствования, переплетенного с научно-техническим прогрессом, как истощение и уничтожение природы; избыточная продуктивность в сочетании с гигантскими потребительскими излишествами; непомерная ответственность человеческого бытия; неукротимая фиктивность производства и потребления; ужасающая фиктивность самой экономики; реальная для человечества угроза самоуничтожения.

Можно подумать, что экономика тут не причем, — однако заявим во всеуслышанье: причем, причем, да еще как причем! Если б не экономика со своей нечеловечески

человеческой стоимостью, никакого бытийного прогресса вообще не было бы: именно экономика дала практическую заинтересованность креаторов и новаторов в прогрессе и великолепный способ привлечения и эксплуатации рабочего (читайте — рабского!) труда, включая и управленческий, и инженерный, и ученый!

Остается ответить на вопрос: где же она — эта экономическая бездна, разумеется, кроме того факта, что она в самой экономике? А она как раз там — в сознании, в головах людских, в ноосфере! Ей попросту более и негде быть!

Сознание — вовсе не какое-нибудь «хухры-мухры», это, знаете ли — сфера, целый мир с целым антимиром, бездна, «внутри» которой, лишенной «пространства-времени», и располагается экономика с ее сакраментальным достоянием — стоимостью, тоже лишенной «пространства-времени», — так что всё там, в этом темном мире сознания, именно там всё и может быть, даже и лукавая экономика со своей неуловимой экономической бездной!

Вот она — *тайна экономики!*

А что же при этом сознательное управление экономикой? Да ничего, оно не только не мешает тайне, а в тайне и пребывает, через нее реализуется, ее — тайну — лишь убедительно подтверждая. Тайна в экономике есть, и управление тоже есть, и, само собой, «черт знает что» тоже есть!

Укротить насовсем экономику вроде бы можно, хотя и, в общем-то, нельзя, сделать это, конечно же, нельзя, хотя, вообще-то... можно, а главное — *не надо!*

Что может быть лучше, умнее, трудолюбивее, изобретательнее, хитрее, беспощаднее, совершеннее экономики, разве лишь информативно-кибернетивная техномика, так

это еще в будущем, хотя, видно, и в весьма уже близком?! А пока вот экономика со своей трансцендентной тайной — чуждая, благотворная, ловкая, злостная, живительная, смертоносная! Техномика — уже не жизнь, а так себе — бездушная «ЭВМ», а вот экономика... да-да — это... *жизнь!*

Что бы там ни говорили, а экономика, этот независимый, слава богу, от ученых голов «море-окиян» — наилучший пока из вообще возможных способов ведения человеческого хозяйства, перевернувший все человеческое бытие, сделавший его уже и нечеловеческим, явно устремленный к чему-то совершенно уже *иному*, пусть и *апокалиптическому иному*, но зато не к этому, не земному, может, даже уже и не космическому!

Неоэкономика как высшая на сегодня историческая форма экономики*

Сначала несколько указательно-разъяснительских высказываний, восходящих к воззрениям современной философии хозяйства.

1. Экономика — хозяйство со стоимостью, стоимостное хозяйство, хозяйствующая стоимость.

2. Стоимость — идеальная, оцифренная субстанция, сидящая в сознании, им производимая и им же реализуемая,

* Опубликовано в журнале Философия хозяйства. 2016. № 2. С. 293—298.

однако с условием обратного воздействия стоимости на сознание.

3. Экономическое сознание — сознание со стоимостью, стоимостное сознание, управляющее стоимостью и ею же управляемое.

4. Стоимость — самое экономическое в экономике, ее — экономики — субстанциальная суть.

Если говорить об исторических формах экономики, или исторических способах ее реализации, то экономика прошла от простейшей, начальной, товарообменной формы (Т—Т) через более сложную оденеженную (Т—Д—Т), еще более сложную окапиталенную (Д—Т—Д') и еще более сложную банковско-кредитную (Д—Д') до суперсложной формы (Д'), называемой ныне *финансомикой*.

Снова кое-какие указательно-разъяснительные высказывания.

1. *Финансомика* — господство финансового капитала в экономике при отсутствии денежного золотого (или любого материального) стандарта и при тотальной долговой (кредитной) зависимости реального хозяйства от довлеющих над ними самоопределяющихся финансов.

2. *Финансы* — работающий деньги, а сегодня — работающие по преимуществу *на себя* деньги, долговые деньги, капитальные деньги.

Факта доминирования финансовой компоненты в современной экономике и факта господства финансового капитала над реальным хозяйством уже достаточно для выделения высшей на сегодня исторической формы экономики — в виде той же *финансомики*, однако для характери-

стики заявленной выше *нео*-экономики этого все-таки недостаточно: за «*нео*» скрывается и многое другое, не только финансовое.

Прежде всего необходимо отметить *глобализацию экономики*, которая выражается не только в ее мировом масштабе распределения при отсутствии (или почти отсутствии) промежуточных границ-перегородок, но и в возможности, с одной стороны, большого, если не крайнего, своеволия экономики в сочетании с невероятной ее подвижностью и текучестью, а с другой — в возможности управленческого влияния на всю мировую экономику (со стороны того же *финансизма*), хотя и не прямого (чуть ли не планового), что в беспредельной, своевольной, текучей и изменчивой экономике, конечно же, никак не является возможным.

Планировать намерения и их исполнять — одно, это возможно, а ткать всеобщий план для всей экономики и всех ее субъектов — не совсем другое, причем совершенно бессмысленное.

Миромасштабный глобализм дополняется объемным всеприсутствием экономики, ее проникновением в традиционно неэкономические сферы, институты, бытовые застенки и уголки. Монетаризм ныне всюду, а монета — главный цивилизационный кумир-управитель. Мировые неоденные цивилизации сдаются под напором глобальной экономической цивилизации, а сегодня и уже попросту финансовой. Теперь вокруг целостный, вездесущий и непреклонный *монетарный мир*.

За финансизацией, глобализацией и вездесущностью экономики в качестве характеристической черты неэконо-

мики идет ее небывалая *технизация*, сопровождающаяся и технизацией вообще всего хозяйства, как и всей вообще человеческой жизни. Электронно-счетный переворот и технологические прорывы конца XX и начала XXI вв. сделали и делают свое «черное» революционное дело: экономика, как и все хозяйство, вся жизнь, существенно обновилась и продолжает обновляться — как раз в *неоэкономических* направлениях и руслах!

Компьютер и информатика, необычайно развившись и распространившись, не только изменили качество самой информации (ее оцифров и загнав в компьютерную сеть), безмерно расширили ее рабочие объемы, усилили скорость информационных потоков, покорив не одно время, но и пространство, обеспечили высокую операциональную мобильность и бескрайнюю операциональную всеохватность, они еще и изменили все хозяйственное бытие: от производства, торговли и потребления до технологий, исследований, коммуникаций, включая и все сугубо экономическое.

Под влиянием *информатизации* и *технологизации* экономика стала не только структурно новой (новые отрасли, новые производства), не только обновленной в своей процессуальной динамике, не только спорой по части нововведений, но и качественно другой — по-другому, прежде всего *счетно-решающей* (объемно, быстро, в режиме так называемого *реального времени*, беспространственно; возымело место самое настоящее покорение пространства и времени, они перестали быть тяжкими и тягучими, а стали преодолимыми, доступными, почти что уже и незаметными).

Экономика стала как бы невесомой, гибкой, летучей.

Стоимость, а вслед за ней и вся экономика обрели, благодаря возникновению миромасштабной *электронно-информационной сети* (своеобразного коллективного технологического *мозга*), как бы параллельное исполнительское сознание, новую «думающую» ноосферу, вполне уже искусственные, но и... вполне при этом действенные!

Экономика превратилась вдруг из вольного сообщества агентов в принудительную «*агентурную сеть*», еще и иерархически структурированную и управляемую из конкурентно-скоординированного сонма центров. Агенты в рамках такой сети вдруг стали (обернулись) либо сетевыми «мушками», либо сетевыми «паучками», включая среди последних больших и очень больших, даже и гигантских, «пауков».

Место привычных предпринимателей и директоров — выходцев из родных им сред — заняли откуда-то сваливающиеся на грешную землю и ничего не признающие кроме самих себя *менеджеры* (как особого рода класс «управляющих», адекватных самим себе, но никак не соответствующих управляемым ими объектам — этикие «воры» по вызову и без вызова тоже).

Итогом менеджериальной революции как раз и стало формирование управляемых в интересах возникшего электронно-счетного мозга уже не социумов, не человеков, не институтов, даже не пресловутого рынка, а подневольных этому «мозгу» экономических сетей. Менеджер — элемент электронно-счетного мозга, как и собственно экономических сетей, но не общества, не коллективов, не фирм, где он лишь в лучшем случае инородное пребывающее.

Что это за «мозг» такой явился в экономике, превратив ее окончательно и бесповоротно в неэкономику?

А это как раз та самая чудодейственная «система», которая подменяет собою не что иное, как... саму экономику, а вместе с этим и... о-о!.. чуть ли не саму... стоимость!

Да-а, подменяет, именно подменяет, игнорируя социум, отношения, хозяйствующих субъектов, права человека, традиции, конституции — что там еще?

Нет, она не замещает вполне экономику с ее стоимостью, но она их заметно оттесняет, создавая в итоге некоего монстра-кентавра — *техно*-экономику, которая еще не полная техномика, но уже и не прежняя, заточенная на саму себя, экономика.

Одной из отличительных особенностей отмеченного выше «мозга» является его необычайно сильная и вездесущая, в основе уже искусственная, *виртуальность*, что означает как заметную самостоятельность и летучую оторванность «мозга» от реальной реальности, так и обретенную им возможность бытийственного опережения этой последней, ее заведомого вольного моделирования и превращения из реального феномена в ирреальный симулякр.

Наряду с реальной реальностью, активную, если уже не приоритетную, роль в неэкономике играет виртуальный двойник реальности — вышеупомянутый «мозг», претендующий на замещение собою реальной реальности, — что, кстати, фактически уже и происходит.

Итак: сфинансировавшись, сглобализировавшись, повсюду «влезши», «осетевшись» и виртуализировавшись, экономика, обеспечив высокий техно-прогресс, получила вдруг в итоге развития электроники, информатики, кибер-

нетики, а также особого менеджеризма, некую иррреальную *суб-, пара- и сверх-*экономику с явным замахом на *пост-*экономику, которая потеснила экономику как таковую, превратив ее в *нео-*экономику.

Ясно, что *постэкономика* не остановится и не ограничится экономическими, уже и полу-, а то и квазиэкономическими сетями и их сетевой «агентурой», а, выдавив сначала экономику как таковую на периферию хозяйственного бытия, затем ее попросту навсегда поглотит.

Да, такое произойдет, разумеется, не сразу, не в один миг, хотя почему же и не вскоре, — кто из смертных знает тут сроки?

ВЕХИ ОТ ЗОИЛА

1. Экономика — совсем не то, что видится умной науке и деловитой масс-обыденности.

2. Экономика — *хозяйство*, т. е. *жизнеотправление человека*, но это особое хозяйство, а именно — *хозяйство стоимости*, той самой спиритуальной, идеальной, когнитивной *субстанции*, рождаемой сознанием, им всецело управляемой, но и им же — сознанием — владетельно управляющей.

3. Субъектно-осознанно управлять стоимостью и всей вообще экономикой можно, нужно и это всюду делается, но в пределах *самоуправления* стоимости и экономики, как и наряду с их же собственным неуправлением, что означает, что не полностью, ограниченно, частенько и весьма коряво.

4. Управлять экономикой — владеть самой возможностью это делать, управляя управляющей всем и вся стоимостью.

5. Экономика — монстр, гидра, змий, дарующий людям хлеба и зрелища, но отнимающий у них самость, сознание и саму человечность.

6. Экономика хаотична, произвольна, беспредельна. Она самоограничивается не чем иным, как самим же хаосом, произволом, беспределом. Не закон там правит, а как раз *беззаконие*. Не космический вовсе порядок в экономике, а

всего лишь *хаосмос* — подвижный, импульсивный, рваный, своевольный. Ни тебе постоянной — отправной и опорной — величины мирозданческого класса, ни строгих соотношений, ни устойчивых конструкций.

7. Экономика — не отлаженный механизм, не стройное сооружение, не совершенный организм, даже и не устойчиво воспроизводящаяся система — это бескрайнее дискретное поле, зыбкое изменчивое облако, бездонное и безграничное, вполне и разбойное, «море-окиян».

8. Экономика имманентно кризисна и атрибутивно катастрофична, в особенности с историческим отрывом стоимости от натурально-предметной реальности, и от обожаемого ею *золота*, с неумной глобализацией экономики, ее крайней виртуализацией, процессной динамизацией, высокой событийной скоротечностью, а также при онтологическом преодолении современной «эффективной экономикой» сопротивления неэкономической среды (жизнеотправительного контекста), исходной природы, тягучего времени и тягостного пространства, но при этом еще и разума, расчёта, знания, даже и самого сознания.

9. Экономика гнездится в дорогом ей зазеркалье, в любезном ей потаённом сингуляре, в возлюбленной ею криптосфере, откуда выпархивает безостановочно на свет и куда непременно — уже в полную темень — ускользает. Так и вершится экономика: оттуда — сюда, отсюда — туда, то бишь из неведомого в ведомое и обратно.

10. Экономика XXI в. — вполне уже безумная, хотя и интеллектуально вычурная, экономика, добровольно ставящая самой себе феноменологический (онтологический) экзистенциальный предел, вызывая потребность трансгрес-

сивного превращения во что-то *иное*, в ту же *техномику*, пройдя фазу овладения и поглощения себя *антиэкономикой*.

11. *Постэкономика* — лейтмотив набирающего обороты безвременья, его вынужденное апокалиптическое откровение.

12. Апокалиптика экономики, её развязная телеология и заказная эсхатология (от собственной стоимостной цифри к нестоимостной тотальной оцифренности), её глухой исторический взрыв и безмолвное внеисторическое погребение.

13. Как онтологический цивилизационный феномен, *экономизм* прошел долгий исторический путь: от простого товарообмена до изощренной глобальной финансовики, достигнув и вполне квалификационного самоотрицания, а вот как феномен гносеологический, *экономизм*, немало поплутав по затейливому знаниево-мифотворческому лабиринту, вышел, пройдя жесточайшее познавательно-идеологическое чистилище, к самому себе, однако в контексте лишь метафизической философии хозяйства, весьма и зоической, не отрицающей и вполне вынужденной трансгрессии реального и идейного экономизма в технотронный *постэкономизм*.

Аминь!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	3
ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ ОТ ЗОИЛА	9
МИФОЛОГИЯ ОТ ЗОИЛА	15
<i>Экономика как есть</i>	15
<i>Экономика как творящий хаос</i>	42
<i>Экономика: реалии и иллюзии</i>	59
<i>Экономика и экономические мифы</i>	77
<i>Экономика как магическая цифирь</i>	89
<i>Экономика как (не)управление</i>	101
<i>Экономика как долговая фишка</i>	111
<i>Экономика как царство без-закония</i>	120
<i>Экономическое зазеркалье</i>	140
<i>Безумие как вещая субстанция экономической (не)реальности</i>	151
<i>Экономика как фикция и как фейк</i>	159
<i>«Экономика вопреки» и «вопреки экономике»</i>	169
<i>Гиперэкономика как антиэкономика</i>	180
<i>Криптопатэномика</i>	188
<i>«Экономика в разнос» как «экономика на вынос»</i>	199
<i>Экономика и цифра: кто кого?</i>	210
ПРИКЛАД ОТ ЗОИЛА	222
<i>Что есть экономика вообще и что она есть сегодня</i>	222
<i>Магия политэкономии и магизм политэкономов</i>	247
<i>Новая экономическая реальность: онтос и гнозис</i>	275
<i>Экономический гнозис: от заблудшего отвлеченного теоретизирования к адекватному воззрению на реальность</i>	296
<i>Неоэкономика как высшая на сегодня историческая форма экономики</i>	322
ВЕХИ ОТ ЗОИЛА	329

Осипов Юрий Михайлович

Экономика как есть
(откровения Зоила, или Судный день экономизма)
Издание 2-е

Редакторы: Е.С. Зотова, С.С. Нипа, Т.С. Сухина

Оригинал-макет: С.С. Нипа
Оформление: А.В. Осипова